

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

МАРИНА

Тёмкина

*

НЕНАГЛЯДНЫЕ
ПОСОБИЯ

Новое
Литературное
Обозрение

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Т32

Тёмкина, М.

Т32 Ненаглядные пособия / Марина Тёмкина; предисл. Е. Фанайловой. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 224 с. (Серия «Новая поэзия»)

ISBN 978-5-4448-1127-6

Марина Тёмкина (р. 1948, Ленинград) закончила историческое отделение Ленинградского университета. Эмигрировала в 1978 году, живет в Нью-Йорке. Окончила аспирантуру Нью-Йоркского университета, работает психотерапевтом. В прошлом радиожурналист станций «Голос Америки» и «Свободная Европа», работала в разных организациях для беженцев и в проектах, связанных с Холокостом. Автор книг «Части часть» (1985), «В обратном направлении» (1989), «Каланча» (1995), «Canto Immigranto» (2005), на английском языке What Do You Want (2009) и др. Стихи публиковались во многих российских журналах и антологиях. Марина Тёмкина — поэт-художник, ее визуальные выставки проходили в Америке и в Европе.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

В оформлении обложки использована фотография письма скульптора Джона Гибсона Генри Фарнаму от 24 марта 1850 г. (Метрополитен-музей, Нью-Йорк).

© М. Тёмкина, 2019
© Е. Фанайлова, предисловие, 2019
© М. Торич, фото, 2019
© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

Радио Вавилон

Мы встретились впервые после какого-то вечера в московском клубе «Проект ОГИ», которого больше не существует, и пошли в другое кафе, и Марина спросила практически первым делом: вы понимаете, что в стране идёт война, что Россия ведёт войну? Мы с товарищами (среди которых были Линор Горалик и Станислав Львовский) ответили: разумеется, понимаем. Тут эта красивая, яркая взрослая женщина выдохнула и начала разговор по существу профессии. Речь шла о Второй чеченской войне, затяжной, как хроническая болезнь; для большинства сограждан этот фон, на котором столичный гламур побеждал и добро, и зло, был неразличимым, как белый шум. Всё стало яснее в августе 2008 года, в русско-грузинском конфликте, который обнаружил намерения государства подчинить сопредельные страны, как свои колонии (это представление стало шире распространяться после начала русско-украинской войны, но до сих пор не является отрефлексированным широкими народными массами). Существо профессии состояло для Марины в том, что политическое должно читаться пишущим субъектом как личное, а современная история так же важна, как иудейские войны и Вторая мировая.

Хотелось бы сделать пару замечаний из личной (политической) истории современной поэзии. Следует признать, что до сборника «Santo Immigranto» я не имела представления о Марине, впрочем, как и о Борисе Херсонском до «Семейного альбома». Обе книги вышли в «НЛО» примерно в один издательский цикл (2005–2006 годы), в серии «Поэзия русской диаспоры». Почти одновременно в России начинает формироваться уже не «новая искренность», а новый документализм, и книги Херсонского и Тёмкиной стали важным чтением

и ориентиром для младших поэтов, работающих на этом поле. Важным инструментом обоих старших авторов является их бэкграунд психологов, методология, которая позволяет создавать аналитическую поэзию как рациональный текст. Письмо Марины — это постконцептуальная ветка, неслучайно Тёмкина отсылает нас к Пригову и московскому концепуализму, и это поэтика, близкая к американскому образцу XX века, одновременно интеллектуально родственная немецкой «политике памяти». В её почти прозаической интонации главное — не лирическое Я, а объективация субъекта и оперируемого им материала. Поэзия тут делается ритмическими ходами, воздухом пауз, навязчивыми повторениями и перечислениями, которые вводят читающего в транс. Плотность информации, каталогизация реальности, что в романтической традиции исключалось из «поэтического», создаёт новое качество высказывания. Порой у российских коллег по цеху возникал вопрос, поэзия ли это. Да, это поэзия, и весьма убедительная.

Марина вообще делает, что хочет, в искусстве и в жизни — в этом смысле она моя ролевая модель. Я считаю, что она намного опередила своё время и его эстетику, вероятно, благодаря ранней эмиграции и открытости западным демократическим нормативам. Она последовательная и убеждённая феминистка, стала ею задолго до интенции нового поколения молодых русских авторок декларировать и утверждать права женщин (здесь я хотела бы передать эстафету разговора о текстах Марины Тёмкиной Оксане Васякиной, например). Она долгие годы была литературным секретарём Бродского, о чём было бы невозможно догадаться по её стихам, узнаём мы об этом только из интервью и по инициативе вопрошающих. То есть пиар на этом эпизоде её биографии необязателен, она уклоняется от этих спекуляций, и это крайне привлекательная для меня позиция. Она человек гражданского

и антивоенного сознания, специалист, который работает с угнетёнными стратами общества, иммигрантами и переселенцами, — эта сфера только в последние восемь лет стала трендом демократической части России, после начала волонтёрских кампаний, белоленточного движения и антивоенных инициатив (начиная с 2014 года). Её последовательная работа с семейной памятью может быть прочитана как основание нынешнего мощнейшего интереса к книге Марии Степановой «Памяти Памяти». Ты никуда не уйдёшь от призраков, покуда не встретишься с ними лицом к лицу, пока не рассмотришь их брошки, рубашки и частные письма; пока не увидишь всё поле политической истории XX века и судьбу европейского еврейства в нём. Марина пишет о травме истории много лет, последовательно и почти навязчиво. Она человек большой европейской культуры, здесь её отсылки к Целлану, Рембо и античности, но эти референции работают как автобиографический текст, и так же работают пересказы европейского кино как личного переживания. Её способ мыслить и излагать в собственном культурном проекте близок к тому, как Фассбиндер вскрывал своё личное/политическое в «Берлин, Александерплац». Наконец, Марина даёт себе роскошь быть частным человеком, который подробно рассматривает и проживает свою биографию, не заботясь о ярмарке литературного тщеславия. Этот частный человек разговаривает с Галиной Старовойтовой, с пациентами, с тенями. Она получает удовольствие от путешествий, от уколов непонимания, от слёз, вызванных появлением в её бессознательном фигуры матери, которая критикует дочь за первую выставку; то есть она очень взрослый человек, который много чего понимает о жизни и о том, из чего эта жизнь состоит (счастье тут далеко не первая категория). Важно, что Марина живёт в Америке, видит изнутри её политическую метафизику, и много бывает в Европе и России.

Важно, что её партнёр — французский художник, и она рассказывает о его детских травмах послевоенного времени. Русским, если они осмыслиют себя как часть общеевропейского послевоенного контекста, это хорошо бы знать: наши травмы не самые травматические, они часть истории Европы XX века.

Марина довольно много говорит о европейских и русских культурных героях, это всегда деконструкция. Книга читается как документальный поэтический дневник, где появляются (без дополнительной мотивировки) фигуры, мужские или женские, которые по внутренним причинам оказались важны для автора и чем-то её задели. Мой любимый фрагмент — почти монструозное по объёму материала описание жития Льва Толстого и Софьи Андреевны в современной феминистской оптике. Это и горько, и смешно, и важно для молодых мужчин и женщин в России, которые сегодня участвуют в спорах о гендерном насилии.

Они подключают свои хребты к чёрному Радио Вавилон, писал когда-то Жадан о своих персонажах, люмпенах и проходимцах на задворках Европы. Этим людям по утрам нужно подключаться к мировому смещению языков, которое создаёт в их рассеянных умах определённый порядок. Когда я читаю тексты Марины, то чувствую себя шулером из стихотворения: разум его выстраивается разными радиоголосами, мужскими и женскими, их перебивает музыка. Я отчасти хорошо понимаю, отчасти по-своему интерпретирую то, что все они вместе хотели бы мне сказать.

Елена Фанайлова

...книга появляется на пересечении трёх осей...

- 1) конструктивно-манипулятивный принцип, представляющий собой простое перелистывание, перебирание страниц;
- 2) визуально-графический, оформляющий страницу как номенальную единицу, некий стоп-кадр;
- 3) текстуально-мета-книжный, снимающий вопрос о книге как материальном объекте.

Д. А. Пригов. Книга как способ нечитания

Набор слов

«потому что куча бумаг пропала»
замусолено, завозюкано, намазюкано
явочным порядком
напортачили, нагородили непролазного
послевоенный мир ноющей раны
отрядили с сопровождаловкой
с хренком
«отсутствие зла не есть присутствие добра»
в обстановке семейного уюта
хлорная известь, пух и перо, перо и пух
«это все у него наносное»
аэропорт — греческий театр новых трагедий,
античность зрелищ террористических актов по ТВ
страшно вырастает разлука, заслоня горизонт
ничегошеньки больше не просишь

устройство его отдельной части вообще: ухо
соната для мужского и женского голоса
единица: поэточеловек, человекопоэт, поэтому
гангрена
на молекулярном уровне
что означает лядащая?
была б я уличной воровкой / иль проституткою с угла
уж больно распростецкий, как сексот
сопряжено с потерей голоса
дитенька моя
мартынушка
невозмутимая детская сосредоточенная недоверчивость
закат как червивое яблочко
турбаза, наваждение
говорящий ясно
оловянного жуткого цвета
живление биомеханических качеств

прополка, проработка, разнос
щавелевая кисленькая влажность

ибо пишет не для тех юнцов, которыми были, но
для тех взрослых, которыми стали
тянет лямку небесная механика Ньютона
зубчатая передача, придуманная Леонардо в Амбуазе
щепетильность, взыскательность, вескость

«своевольница какая»

с хохотком несчастья обрывок речи
грассирует, как будто это кратчайший путь в Париж
членовредительство, уживающееся с чистоплюйством
мотовка: не поладили
последыш
плацкарта дальнего следования
бытует такое выражение

читается туго, словесная ткань непроходима
происходящий слог
поломка

выходные данные, библиография, сноски
переходящее в прозу
приставная лестница
по буквам
узлы словосочетаний

искромётный, конфузливый, неказистый
в слюдяном вологодском резном окошке
смерть стыднее греха: открывая глаза
видишь себя с кем-то

порядком струхнул из-за недоукомплектованности
на попечение
фефёла, фифа, флакон «Красная Москва»
мемуарный характер зазубрин
доводка

излучина реки: теплокровное, меховое
отшелушивать, раскурочивать, отрубаться
вхолостую
потерявшего шарм ловеласа
раскрашенный анилином
спровадил, сварганил, урезонил, стушевался
двусложных и трёхсложных внушений
предписание: всё вытравлять за появлением
то ли выдача армии пленных в маскхалатах
гуси-лебеди, утки-аисты
как облупленных
всё — неправильно!
заручились поддержкой залучить в гости
подмывает округлить и оторваться

умерла от избытка любви
самоутверждаться за чужой счет
ревнитель, радетель, каратель, взыскатель
попустительствуют
касатик тянь-шаньский — луговой цветок
разбойник с большой дороги
в перечне, в реестре, в дубликате
ей было неприятно слушать и вообще присутствовать
ветер вдумчиво дует с запада
смятение, стеснение
не гнушался никакой работы и вышел в люди
сошлись в условиях
гудок

лакейски, подобострастно,
слаженно, энергично
на пергаменте полуустановом
пасечник, москательщик, утильщик
«скобяные товары в низочке»
всеядность

от нашего постоянного корреспондента
мухи, дневные и ночные мотыльки, оводы,
осы, шершни, рыжие и чёрные муравьи, гусеницы,
кузнечики, стрекозы, бабочки, светлячки, комары
 словно экспонаты кататонии
всё на потом разговор оставляла

создавать из нас себе сторонников
вялость, рыхлость, провинциальность, тягомотина
 «из земли не растёт»
 тайновидение, тайнослышание
панический предварительный страх
также как не знать правила орфографии
пыжится, вон из себя лезет
заскорузлость, постное, захолустное
 паутина условностей
венчик, метёлка камыша, щипковые инструменты
с двумя горбами Пульчинелла, офеня, скоморохи,
балаган, Петрушка, клоунша, шутиха,
 бродяжка, буффонша, Полишинель
древко, фестоны, венчик, набалдашник,
оглобля, шпингалеты, щетина, щёточка
губчатые берега, соляные копи, каменоломня
сетчатость, звёздчатость, чешуйчатость,, трубчатость
 машина восприятия
«картина отечественной литературы существенно
коренным образом изменилась за последнюю
 четверть века»

это всё не должно быть такое
мельница осуществляет полнолуние
стихи плохие и получше
 справедливости ради
наутро действительно всё другое
не представляемому более ни укладу и быту, ни обиходу

человеческих отношений
пасует перед другим
отзвуки канонады докатились до канцелярии
пушкинская гадливость по поводу «нравственной
декламации»

экспрессионизм: толпа деревьев, заламывая руки,
поведением которых недоволен ветер,
деревянные глухонемые жесты рощи
стираные стишонки
иное в языковом воплощении
золотистая пенка голубого кипения
охранительные клапаны
не возбраняется
телам деревьев не тесно
спелись, допекло, закаялся
несозвучно

на высоте положения нежданно-негаданно
вполуха
чтоб эту ласку разрешили

неразговорчивое поколение
вышла высочайшая воля об отпуске
бесчинствуют
так и подмывает
любовь как фотопроявитель
спровадили
сдавая их, гремит ключами: дело его жизни идёт прахом
шугануть
картография, планиметрия, межа
форзацы голубого шёлка, шмуцтитутулы, фолианты
акварели Ухтомского, Садовникова, Музеум Книги
и Письма занимательной повести
заковыристо, с кренделями
до белого каления
ветер оставил музыкальный сварливый автограф

литейка, кувалда, пресс, маховик
 кино: по Нью-Йорку идёт в узбекском халате
 в еврейскую контору для русских иммигрантов
 в Чайнатауне среди китайцев

другое кино: двести лет разрушения Бастилии
 Париж танцует, Дунайские волны, о, голубка моя,
 ой-ёй-ёй-ёй, что за девчонка
 рисовка, окаянство, мостки, веретено
 скорб, накопленный годами
 морозоустойчивость
 беспорядочными движениями снимает
 облачные сливки с верхушек
 сладенькие прогулочки
 вязкий состав синего наполнителя
 упоительной эластичности
 Вавилонское письмо
 почтовым голубем

Всякой твари...

Я жил пока не умер...
Леонид Аронзон

* * *

Много страхов съёжилось в моём теле:
новорождённый, ленинградский, еврейский,
детский, женский, что залечиваю, блокадный,
подростковый, тоталитарный, эмигрантский,
но больше всего маминых страхов, страха войны,
бедности, старости, умиранья.

Лучше б вложили в тело любовь, заботу, ласку,
навык к плезирам и умение, отдавая,
для себя получать что-то вдобавок к чувству,
что тебя любят только когда ты нужен.

2004

* * *

Я хочу своё детское тело, как Гумберт хотел Лолиту,
Завёрнутое в полотенце морское с ветром, золотое,
не имеющее размера, только форму волны и лета,
разбежавшееся, переплывая озеро у пенёчка
с апрельскими тезисами, прогуляв школу, зарывшись
в ямку в песке на заливе, спрыгнувшее бы легко со сцены
в зал и по волнам-долам, по рядам ещё до того, как узнала,
что под асфальтом сплошные пляжи от Сены до Прибалтики.
Вот, вы подумали бы, девочка на коньках, на олимпиаде
делает мостик с лентой в руках, твистует на каблуках,
в тамбуре у открытой двери поезда, подставив лицо дождю.
Я и теперь не скучно живу, совершенно не скучно живу.

сентябрь, 2004

Маленькие трагедии

1.

Баран на моей голове.

«Продаём баранчика...» — слова отца в уме.

Не барашка, мутон-каракуль, местный диалект,
русско-еврейский суффикс. Вишу вниз головой,
пою счастливое «бее» и «му». Муточкой зовёт
и скоро умрёт. Мама варит компот из ягод. Укус осы.
Распухший большой палец на трёхлетней руке.

2.

У лукоморья дуб зелёный, — читает мама наизусть.

Я понимаю лук, а морье — возможно, взморье.

Соседский дедушка зовёт: «Борья, выйди из морья», —

он песнь заводит и местечково так поёт,

а кот скребётся, но не тот, что в сапогах,

тот днём и ночью кот учёный, он ходит по цепи кругом.

Здесь ударение споткнётся, и кошку мама отпихнёт,

когда из кухни суп несёт, её погладить не даёт.

«Как коммунальное животное тощё и путается

под ногами!» — и сердится, что Пушкина не понимаю.

2007

3. 1-ое мая, 2010

Тень садовая держит меня на ручках.

В ванной ныряет кролик.

Рассада для грядки, не помню что,

в тазу у дорожки.

Попугай слышит радио в доме,

произносит слова,

только картавит больше.

В фонтане пливёт вода
зелёная на зелёном.
Серый волк стережёт границ
наших родин.
У крыльца мама в летнем платье
шепчется с тётей Олей.
Качели мокрые после дождя. Жду.
— Чего тебе надобно, дедка?

4. 16 июля, 2010

Сказала «трикотаж», советуя, какую рубашку надеть.
Теперь звучит как название кафе или ресторана,
ещё лучше «Трико» или «Мантель». Смысл переехал,
и я тоже. Ночью, засыпая, вспомнила ещё какое-то хорошее
старое слово, вышедшее из обихода, как тужурка, телогрейка,
муфта, бурки, из детства, мамино, стыдно-приятное,
как будто меня приласкали, чего никогда не случилось.
Думала, это слово никогда не забуду,
утром не могла вспомнить.

5.

Метафоры падают с неба, как раньше звёзды,
с дождём, со снегом и градом, солнечными ресничками,
пар поднимается над водой белым рискóм, известняком,
песком.

Я сплю и расту во сне, и всё со мной растёт,
трава, деревья, буквы увеличиваются в размере на билборде,
слово, как дыр бул Кручёныха, как та пощёчина,
сразу в космос целится с чёрными дырами, не отразится.

Хотели покрасить красным Северный полюс, это красиво,

сделали водородную бомбу. Логика садиста: это для твоей же пользы, глупая, для твоей защиты.

С автоматом автопилотом в механическом планетарии, а ты себе спи и расти, повернись на другой бок и не думай о том, что снится. Спи, и лучше не просыпаться, не обсуждать, что видишь, интерпретировать можно по-разному.

В метафорах нет конфликта, слово не надо кормить едой в библиотеках, в музеях, в тюрьмах порядка и хаоса, в облаках, в хранилищах, где река Amazon.com.

б.

Пуленк написал концерт
для органа в тридцать восьмом
году, не самом лучшем.
Исполняли разные дирижёры,
одна из них Надя Буланже.
На первом исполнении
у органиста случился инфаркт,
упал грудью на клавиши и умер,
долго звучала нота ми. Не понимаю,
зачем мне это знать?..

Uncle Vania

...родственники убивают надежней киллера...

А. Кабанов

«Дядя Ваня» в исполнении Лондонского театра. Культурный шок. Семья. Отъехавшая мамаша-шестидесятница с палкой, всю жизнь читает политические брошюры, Плеханов, Кропоткин, мыслители! считает сына полным ничтожеством. С этого все начинается. Живут под одной крышей. Сын её терпит, кормит, никогда не вел самостоятельной жизни, воспитанная зависимость и чувство долга: вечно в долгу. Не покладая рук работает вместе с племянницей Соней, дочерью его покойной сестры, управляет семейным имением, занимаясь с утра до ночи крестьянским трудом.

Экономя на всем, могут свести концы с концами. Даже удается поддерживать бывшего мужа покойной сестры, отца Сони, профессора петербургского университета. Он семейная гордость, большой ученый, мировая знаменитость. И еще кормят приживала Телегина, жалеют его, разорился, жена сбежала с немцем, у немцев все гораздо лучше и прогрессивнее, считает, что сам виноват, один вырастил детей, почти член семьи. Зимой под керосиновой лампой дядя Ваня с племянницей Соней читают иностранные журналы, делают выписки для профессора, помогают его трудам на благо человечества. Он талант, а они обыкновенные мелкие люди.

Их сосед доктор Астров спасает леса, делает губернские карты лесных зон, размышляет о будущем на тысячелетье вперед, сажает деревья, лечит крестьян и возмущается ими, мол, дики, грязны, невежественны и вырубают лес, чтобы топить печи. Соня в него по уши.

Ее папаша-профессор выходит в отставку,

перебирается на жительство в имение покойной жены со второй женой, лет на тридцать его моложе, выпускницей консерватории, которой он не позволяет заниматься — музыка мешает его занятиям во имя великих целей науки. Столичная штучка, курит, платя по моде, украшения, вызывающая походка, смелость. Ваня и Астров втюриваются в нее с ходу.

Профессор пишет исключительно по ночам, поднимает среди ночи старушку-прислугу, что подавала чай, всех будит. Все выбиты из нормального расписания, никто больше не может встать рано и не в состоянии ничего делать, сельская работа стоит. Даже доктор медлит ехать принимать роды, трижды за ним присылают. Все домочадцы и гости разочаровываются в светиле — посвятили жизнь великому человеку, оказался невыносимым пустозвоном. Все много пьют, включая молодую супругу ученого мужа, и никто, хотя все влюблены, ни с кем не спит, главное — благо человечества и никаких тебе удовольствий.

Профессор додумался: продать имение жены-покойницы и уехать обратно в Питер от этих провинциалов с их служением прогрессу, коего он и есть представитель, они ему всем обязаны. А им тогда где жить? семья по миру пойдет, об этом знаменитость не подумала. Да имение-то принадлежит не ему, а дочери его Соне и брату жены покойной, Ване. Они в этом доме живут с рождения с сумасшедшей старухой, сеют-пашут, варят варенье, читают книжки. Бабка тоже ставит интересы научного прогресса выше мелких своих, стучит клюкой, чтобы все слушались профессора, он умный, а вы все идиоты.

Ваня стреляет в профессора, причем дважды и оба раза промахивается. И никто не идет в полицию. Прямо русская революция в семейном масштабе. Цитаты в их речи из Шопенгауэра, Достоевского, Ницше. Уже Фрейд, а у них небо в алмазах.

* * *

*L'enfance de l'art commence avec l'enfance.**

Детство началось с войны.

Война началась с оккупации, пропажи необходимого, введения карточек. Безопасность и нормальность исчезли. Выживание не позволяет любить ребёнка.

Выживание, оно не о том, чтобы брать его на руки и кормить.

Война, она не о том, чтобы понимать нужды детей.

Война не занимается признанием детских способностей и талантов, ни тем, чтобы он был в центре внимания, чтобы уделять ему время, чтобы он мог расти счастливым, уверенным в себе, состоявшимся.

Война сделала его пугливым, ранимым и одиноким.

Она сделала его потерянным, неловким и нервным.

Он не доверял миру, только своему другу из комиксов

Литтл Немо.

Когда их освободили, он научился радоваться. Раны войны затягивались в процессе социально принятого занятия

рисованием.

Искусство становится его игрой и призванием. Его гнев ещё предстоит проявиться, он выйдет наружу по мере роста, личного и творческого. Обозлившись на всех и вся, подростком он покидает дом. Конфронтация продолжается со студенческими событиями 1968-го.

Он изобретает колесо и ездит по новым местам.

Он ощущает себя свободным от любви-ненависти к родной культуре. Он учится ощущать свой внутренний мир.

Он перестаёт чувствовать себя маргиналом. Он обретает независимость. Он участвует в глобальном изменении мира.

Он трогает моё сердце. Эти двадцать пять строчек есть моя антивоенная пропаганда.

Автоперевод текста-инсталляции на выставке Мишеля Жерара в Музее современного искусства, Ницца, лето 2008.

* *Детство искусства начинается с детства (фр.).*

*Перевод с польского: Чеслав Милош,
Приготовление*

Вот ещё один год, когда я не был готов,
но завтра, самое позднее, начну большую книгу,
где век мой предстанет, каким он в реальности был.
Солнце в нём всходило над праведниками и ублюдками,
вёсны и осени в свой черёд возвращались,
дрозд лепил гнездо из глины в чаще,
и лисы учились лисьим своим повадкам.
Таково содержание, каркас книги. Армии в ней
пересекают зелёное поле, вслух на ходу матерясь
многоголосо и проклиная; дуло танка огромно
вырастает из-за поворота улицы; начинается акция погрома
в лагерной тьме, под вышками за колючей проволокой.
Нет, не завтра. Не раньше, чем лет через пять или десять.
Мозг не в состоянии уразуметь, в голове не укладывается

МЫСЛЬ

о матерях, и возникает вопрос, что есть человек,
рождённый женщиной. Вот он пригнулся, прикрыв голову,
пинаемый коваными сапогами, бежит под огнём,
горит ярким пламенем, свален бульдозером в глинистый ров.
Её дитя. С плюшевым мишкой в обнимку,
зачатый в наслажденьи. Я ещё не могу
говорить об этом, как принято, спокойно.

Рассказ Мишеля: 12 декабря, 2007

«Бёклин, — он только что прочитал и пересказывает, — написал пять вариантов „Острова мёртвых“.

Время, когда везде репродуцируют „Звон колокола“ Милле, но он приелся, и расторопный маршан решил растиражировать „Остров мёртвых“. Выпустил гравюры, фотографии, календари, открытки, шкатулки, всякий ширпотреб».

Слушаю, размышляя, почему образ смерти начал тогда привлекать человечество, ипохондриков, символистов, туберкулёзных больных, декадентов, садистов. Фрейд писал, что Бёклин, как греки, пользовался образами мужчины-женщины-зверя. Много позже Макс Эрнст напишет зверя с женским торсом, и Андре Бретон его купит. Ленин в гостиничном номере в Цюрихе сочиняет перманентную революцию, на стене «Остров мёртвых». Надежда Константиновна, супруга вождя, записывает в дневнике: «Он неотрывно смотрит в лицо зверя, это меня пугает». Гитлер восхищался Бёклином, купил оригинал на аукционе. В 39-м, когда Молотов подписывает пакт о ненападении в кабинете фюрера, на стене, судя по фотографии, висит «Остров мёртвых». Копия в городском музее в Берлине. Остров мёртвых.

* * *

В Америке принято спрашивать: «Вы какой поэт?»
В 80-ые можно было услышать от вполне приличных людей с образованием: «Я поэт-сюрреалист».
От неожиданности я не могла удержаться от смеха.
Они обижались: «Это не шутка, это серьёзно».
Как если бы мы сказали, что мы латинские поэты, или акмеисты, или поэты-метафизики.
Сначала я думала, что они действительно без комплексов старых культур, потом поняла, что у них другие правила игры, но долго не умела ответить, какой я поэт. Теперь запросто отвечаю, что я поэт политический, постсоветский, эмигрантский, русско-еврейский, феминистский, испытавший влияния футуризма, афроамериканской поэзии и Нью-Йоркской конкретной школы 60-х.

2008

Автоперевод

Четырнадцать строк

Я пыталась переводить сонеты Шекспира,
что непросто даже с моим медиевистским прошлым,
и зачем эти две всегда лишние строчки. Отец был мэром,
устраивал жильё бродячим актёрам, а перчатки тогда
не носили простолюдины. В школе — кстати, она
в сохранности, —
учили латыни, протестантизму и как держать свой зад
непобитым. Разыгрывали зрелища Рима, Плавт, Теренций,
благочестивые их злодеи морализировали, как скоморохи.
Его молодые наставники стали учёными мужьями.
Доска, по которой учили алфавит и Патерностер,
сторонясь католичества по полит.причинам.
Так станешь умным, начнёшь писать шифровки
из мешанины слов исторических с опасностью времени.
Остановилась на пятом сонете, талант переводчика мне
не достался.

Мириам

Когда я вышла из Египта,
меня тогда иначе звали, но брат меня не замечал.
Хотя уже понятно было, особенно когда в пустыне
(распространяются пустыни, в них до сих пор
немноголюдно),
вода и значит выживание, что очевиднее сейчас.
Его дела всегда важнее. Народ, законы, уложения,
свиданья с самой высшей силой и для наглядности — чудес
прямой показ. Боренье с идолами женщин, с детьми,
возжаждавшими млека, орущими по-арамейски
и мёда позабывши вкус. Его совсем другое детство,
и он не понял, он не внял, он ощущал с трудом другого,
он и в себе-то разобраться не понимал совсем зачем.
Он речь держал перед народом, но говоренье в пустоту
и монологи монотонны, косноязычны и напрасны.
Та люлька, на воде корзинка, он плавал в ней всю жизнь
по рекам. Моря, пороги, водосбросы, волны качанье, убаюки.

* * *

Я смотрю в зеркало и знаю, сколько мне лет.
Себе пеняю, не маленькая и пока живая,
и цифра большая, не до мяуканья, кваканья, кукареку.
Ищешь примеры для подражанья, косишь глаз
на патриархов шестидесятых, они на кладбищах,
на больничных койках, оформили пенсию, инвалидность.
Семидесятники со следами выпитого на их лиц пугают девиц.
Восьмидесятые только выросли и пали-пропали,
взросло поколение, которое мы не произвели,
класс неимущих, святых, песенки их, птенцов молодых.

Выборы: 2009

Вхожу в кафе. Семеро мужчин по лавкам.
Двое с компьютерными книжками
по разным углам. Один фотограф
в чёрной кожаной куртке
с двумя цифровыми камерами, сразу завидую,
снимает чью-то спину и жёлтый шарф.
Человек почувствовал, обернулся, лицо азиата.
Юноша в меховой ушанке рядом со мной
оказывается девочкой с сотовым телефоном,
обсуждает счёт от дантиста с представителем
медицинской страховки. Няня кормит
трёхлетнего человека яблочным пюре из банки,
он ест, и видно, что эти двое действительно
любят друг друга. Немолодой гей вяжет на спицах
что-то сложное, тёмно-зелёное и голубое.
Так мы живём в Нью-Йорке. Ничего особенного,
как все. Читаю первую книжку Обамы.
Две недели до инаугурации.

«Меланхолия» Дюрера, 1514

Пила, линейка, гвозди, молоток.
Песочные часы, весы, рубанок, чернильница.
Склонился ангел над точильным камнем.
Каменная пирамидка с письменами.
Лестница-стремянка. Настенный колокол.
Табличка с цифрами и кружка около кувшина на столе.
В просвете видно море, маяк и город с радугой над ним.
В полёте мышь летучая растягивает перепонки лапок.
Часы. И непонятно, зачем мне эта опись, список
предметов в мастерской алхимика, словно инвентаризация.
На маленькой гравюре читаем «Меленхолия I»,
римской цифрой. Депрессия по-нашему, боюсь,
уже не первая его. Магические символы, словарь,
мечта о превращенье одних веществ в другие,
концептуальные начала. И почему здесь женщина
с распущенными волосами, в веночке, в домашнем
ренессансном платье, с крыльями орла и с циркулем в руках?
Опершись на руку, пытается постигнуть сих наук,
найти решенье, раз без неё не обошёлся, позвал
в своё сакральное пространство. Её присутствие
ему необходимо, оно целебно, по-нашему терапевтично.
Возможно, упоает, что ангельские крылья
от чёрной меланхолии спасут.
Её зовут Агнес, она его жена.

10 сентября, 2010

Замок Chaumont: 20 октября, 2011

1.

Здесь живёт Айвон, гид, он водит экскурсии.
Француз, его предки с Украины.
Он мистик, астролог, архивист,
историк, занимался Нострадамусом,
эрудит во многих областях. В один прекрасный день
он вёл группу, и кто-то задал ему вопрос.
Айвон ответил: «О, мадам, вы Скорпион».
Ей стало неприятно. Муж попытался её защитить:
«Это к делу не относится, месье, занимайтесь группой
и ответьте на вопрос». — «А вы, месье, вы Овен».
Супруги испугались и ушли.

2.

Айвона представили новому садовому дизайнеру,
он приглашён для перепланировки сада при замке.
«Я слышал, вы собираетесь срубить это дерево».
— «Мм... а вы кто?» — «Это дерево центр сада, его сердце.
Если сердце вынуть, сад помрёт». Дизайнер решил,
что перед ним безумец, и сказал: «Занимайтесь своим делом,
а я займусь своим». И срубил дерево, и вскоре умер
от сердечного приступа в парижском метро.

Автоперевод

* * *

Вот одно стихотворение,
вот окошко в некий град, крюк и скрип, и отворение,
там узнаешь, брат и сват, и спасенье от цитат.
Вот башкою притулилась в подзаоблачный косяк
от плезиров рифмованья, мук рожденья и муки
сдобно-нежной из руки материнского кормленья,
белых прялок, серых прядок грубой шерсти,
ниток колкие мотки, пудры-мудры кукованья,
крапин знания и дознанья, и царапин от догадок,
что к чему вело непрямо, воссоединяя связь.
Незаметно вознеслась.

Стих от вора-заговора, от икотки-заиканья,
от охотки на варенье, на солёное, на зелье
в бутылке с ребёнка ростом, на домашнее зверье.
Бегство внутрь и тихо-тихо, пенье-зренье, створ-затвор.
Незаметно продолжаясь, можно долго продержаться,
можно с буквой ерь и ять безмятежно постоять
просто рядом, как любовь, чтобы жизнь не замечать.
Стихнет звук, мяукнет время, звяк цепи пустопорожный
об колодезно ведро, то ли это просто ложка
об стаканное стекло, то ль зубок молочный снежный,
жизнь с конца живёшь сначала. Откровений полон рот.
Стих стишку стишонок шьёт.

Октябрь 2012

* * *

Октябрь. Уж золотые гуси висят на ветках,
чешуйки рыбок краснопёрых и листья рябушек-пеструшек.
Тепло, как в физике, и теплота-величина не ждёт весны.
Я поддаюсь чему-то слабо, сожмурю глаз и в объективе
увиджу вспышку солнцевода и заводных его игрушек.
Мы неодеты-голоноги, и за углом углы углами
врезаются стеклом друг в друга и в марафон перебеганий
через дорогу ног прохожих. По-летнему отъезды-сборы,
бобины, кадры старой плёнки, мельк новостных телесобытий
и фестивали трудодней. Случайные пересеканья
и цирковые выкрутасы рекламы в Сети.

Детство Люверс

моё-твоё и модернизма не отличается ничем,
его всё те же составные, пальто навыворот, платье в гости,
перебирание нотной гречки. Её рассыпчатый продел
течёт за ворот, вот и манна, бросают соль на тротуар.
На башне с флагом полинялым железных вывесок пустыня
толкает буквы сапогом, и мокрые скамьи Тавриги,

прости, что вспомнилось.

Буддийская святыня печки, и кафель, вафельный алтарь,
сияет створками латуни начищенной. И скоро
мы её разрушим, разрушим сами, мне шестнадцать,
не знаю, как сопротивляться, чтобы потом не сожалеть.
В подъезде нас встречает цифра, царпки мозаичной даты,
год тыща девятьсот четвёртый, год ноль четыре,
раз-два-пять, потом вы знаете, что будет,
почти что ничего не будет хорошего, но выйдет зайчик.

Конференция

Сижу в старом зале в углу, пришла слушать круглый стол под названием «Биология души». Участники-знаменитости: нейрохирург, психоаналитик, писатель-биолог, женщина-священник и единственная среди них афроамериканка доктор теологических наук. В зале разные люди, интеллектуальный Нью-Йорк, кто есть кто — непонятно, или смотря с какого угла смотреть. Если душа есть физическое тело, которое можно почувствовать во время клинической смерти, это, говорят, совсем не значит, что Бог есть. Если есть такое место в теле или в мозгу, где всё собирается в точку, в комочек дышащий, в дух и в пух, что с тобой отлетает, или его не бывает, тогда и не отлетает, то, они рассуждают, это тоже не означает, что Он есть. Но если есть душа, то куда же ей отлетать, если не к Нему. Запутавшись в аргументах, я перестала слушать.

У пьяного душа влажна, считает Гераклит, и чем она влажнее, тем менее разумна, а коль душа суха, то светится, блестит, на многое способна. А если душа эфирное тело в нашем физическом теле, то кто она этому телу — враг или друг? Тут раздаётся душераздирающий мяук, в аудитории мистический испуг, в окно впрыгнул цап-царап с розовым нёбом, сел и слушает, как будто чья-то душа. Прыжком балетным тренированным, как «Весна священная», она красна, Стравинский бушует, в мозгу жара,
это просто кот.

Тут же защитная реакция, будущие осадки уже готовятся к холодам, к сентябрю-декабрю. Сижу-представляю, выпадет дождик, снег, град со льдом, приступ паники обнаружится в горле комком, в пятку уйдёт душа в страхе, что нет никого никогда нигде, кто душу воспримет в последней беде, и некуда возноситься воображением за ту черту, где разрешения ни у кого не спрошу, просто умру, умру.

Памяти Д. А. Пригова: 26 ноября, 2010

1.

Дужка очков отвалилась, выпал винтик.
Это случилось на службе.
Стало невозможно работать,
то есть с людьми — да, а с бумагами нет,
не записать. Стало значительно легче
и значительно труднее.

2. *Челси*

Когда было больше деревьев,
когда был чище воздух,
когда я жила в районе,
где было меньше туристов,
я ходила пешком, можно сказать, гуляла.
Хорошо куда-нибудь уехать,
хорошо откуда-то вернуться.

3.

Биологически и ритмически
женское тело живёт не так, как мужское, пока живое,
хотя часто подвержено тем же напастям и невзгодам.
Я проживаю несколько жизней бессобытийных,
частным лицом, пальтом, туфлём, кошельком.
И если уеду, то не насовсем, как ты,
просто в соседний штат Коннектикут,
где попадёшь пальцем в небо, в его предел-беспредел,
в городок, где производили Винчестеры и перестали,
фабрики встали, они пусты, стёкла в окнах, в основном, целы.
Висят объявления, куда приходить на собрания
анонимных алкоголиков, анонимных наркоманов.
Известно куда, в божий храм, туда пригласят не на суд,
на благотворительный суп. Ты, родная мне немчура,
хотел возвращаться на родину, не замечая, что вернулся,
чтобы не было разницы между нашей и другими странами.
Что б ты сказал об этом городе, что лучше жить на родине,
пока можно ездить?

Пять селфи

1. 29 апреля, 2011

В щавелевом глазу мокрый антрацит,
лунный камень, серебро фольги,
электрический свет, жёлтые снопы,
сено-солома, меня легко погубить.
Хотела сказать «полюбить»,
но вышло правильно, оговорки считаются.
Заставь пятилетнего клаустрофоба
войти в цементную трубу на ул. Красной Связи,
брось его, агорафоба, на горé ночью в темноте
в калифорнийском парке,
что вполне могло случиться,
и всё, и неизвестно что...

2. Офелия: 14 февраля, 2012

От первой части ко второй,
и к третьей и к четвёртой,
когда-то бредила тобой,
теперь ты словно мёртвый.
Какой-то василиск дурной
вприпрыжку, сон трясучий,
как в поезде, но без окна,
и в День возлюбленных одна
теку по рельсам, как вода,
и задеваю сучья.

3. В мобильнике

Сказал по телефону: «Встал утром,
записал стихотворение. Вчера не знаю
сколько выпил и чего, пил всё подряд,
чай, кофе, молоко и с мокрым полотенцем
на голове рассол, остывший чай,
всё, что стояло на столе».

Слушала. Поэзия не терпит, стерпит.
Перетерпит запах перегара, смрад табака
со свалкой, нищенствования, провала.
Немолодой, больной, с мешками под глазами,
все алкоголики похожи друг на друга,
и все они как бы мои мужья.

4. Вечно временное: 11 февраля, 2017

Вся одинаковость и разность,
латинско-тюркские послышки
и Римский-Корсаков стучится
с Бородиным. Бородино
в другом ряду. Шехерезада,
столетней даты город Тихвин.
Мы никогда не расставались
ни в снах, ни в мыслях, ни в постелях,
а вот и свадьба золотая,
иль это осень золотая,
мечта когда-то золотая,
когда б с тобой мы вместе жили.

5. Артритное

Я понимаю про запястье.
Я понимаю про колено.
И о неласковости тлена
к голосовым пропетым связкам
я хорошенько представляю.
Представишь в будущем старенье,
когда глядишь на увяданье
самой себя и видишь осень,
и жизнь как телесериал.
Ах, вот что это значит «значит»,
летá, справленья дней рождений
всех лет и каждого. И лето,
загар, одежды опрощенье,
ночной заплыв, как будто в Лету.

Памяти Олега Вулфа: 19 ноября, 2011

Сад вздыхал глубоко,
я дышала рядом влажной землёй,
шуршали перешептываясь листья.
Иду со службы, кончился день.
Двигаюсь не спеша на вечер памяти
человека, покончившего с собой,
проглотив большое количество таблеток.
Вспоминают, как был хорош собой
и талантлив, молчат о том, как страдал.
Как и при жизни, отказывают ему в том,
что был болен и от боли
много раз пытался уйти и ушёл.
Я постою с садом,
сад постоит со мной.

* * *

В поезде напротив меня
довольно потрёпанная молодая дама
с гривой, крашеной хной,
забранной в балетную кичку,
возможно, в прошлом балерина.
Раскрывает большую сумку,
вынимает косметичку, поднимает бровь
и очень медленно подбеливает веко.
Задумываюсь про «веко». Век.
Неловко смотреть на неё и неудобно пересесть.
Красит губы морковно-кирпичным матовым гримом.
Белая комнатная кожа, не бывает на улице.
Достаёт машинку для загиба ресниц и долго держит,
начинаю бояться, что может повредить глаз,
если поезд толкнёт. Достаёт салфетку и вазелин,
чистит и полирует ногти, очень тщательно подпиливает.
Всё это делает показательно, но заторможенно.
Наконец соображаю, она на лекарствах.
Сначала думала, она едет устраиваться на службу
и наводит красоту. Понимаю, что нездорова,
производит что-то интимное на публике.
Может быть, возвращается из психбольницы домой,
где её вряд ли хотят обратно. С такими работаю.
Закрываю книжку, мне выходить.
Она резко говорит, уставившись на меня и вызываяще,
что видела во сне свою мать в гробу с книжкой.
Это она про меня, нападает. Молчу и думаю,
что может быть лучше, в гробу и с книжкой,
особенно если рядом термос с чаем.

Памяти Евгения Львовича Мороза

Полчаса в поезде три дня в неделю
смотрю в окно на пейзаж Бодрийера,
читаю книжку, письма Целана,
и не прислоняюсь — свежоокрашено

твоей смертью. Тебя отправили в лагерь,
где не бывает весен-песен, куда наши смешные слова
ветер не донёсит. Ящик писем с речью семидесятых
на берег вынесет, но не их ублюбочная пена у рта.

Мы-то нищие разбогатевали духом
на недобитом фарфоре, оставшемся после мамы
пустым декором, без функции пищи.

Ты исторический случай
дикции родственной, малопонятной чужим.

Неостепенённый шлимазл академический,
скитавшийся без карьеры с тумканьем в светлой башке
источников и истоков, подозревавший, что рок
или злой гений мог быть задуман иначе.

Помнишь, мы смешивали волосы,
они были неразличимы. На прощанье
пили водку из глубоких тарелок, стаканы упаковав.
Ничего умнее смерти они не придумали в жизни.
Сделай что-нибудь глупое, развяжи на ботинках шнурки.

Батальные сцены: 2 ноября 2012

Это лошади и люди, это женщины и кони,
волки, ослики, собаки, кутерьма и блеск металла,
это Соня и Наташа в жизни нашей и война.
Это Анна, Долли, Китти, грецкий нос без переносиц,
и колена преклонила, бюст без бюста и тритон.
И Бернини и Пуччини жаждут жизни на мосту
перед Сант-Анджело — тюрьмою, это ангельская тема
и барокко и сирокко, зеркала и терракота с отпечатками
тогда (не для паспортных столов) пальцев скульптора.
И кто-то, кто-то некий Никодим, кто поддерживает тело
то ли снятое с креста, то ли просто помутнело,
потемнело чисто поле, стало млосно, так бывает.
Надо всё перечитать и запомнить, чтобы помнить.
Казеин на мешковине, академия Святого,
как мне помнится, Луки припозднилась на полвека,
так бывает только с центром, со столичным разгуляем,
раз — декорум, два — со шпагой резкий выпад в темноте,
только свечи прожигаем, только факелы палим.
Сварщик искры мечет в темень, освещает полнолуние
синезлужник Мейерхольд. Если айсберги растают,
этот город тоже смочет, станет Китеж,
слышишь, милый, из далёка твоего...

Новая мастерская: 3 сентября, 2013

1.

Прошлым летом после двадцати трёх лет в Челси мы перевезли мастерскую в Бруклин, в Ист-Вильямсбург, выбросив две трети нажитого имущества и попрощавшись с двором и садом, который я растила, поливала, и со всеми бывшими там тусовками. Теперь ездим в мастерскую в район с закрывшимися еврейскими бизнесами, с домами, сплошь расписанными граффити. Там шатается юное население с расплывчатыми улыбками и непроснувшимися лицами, в татуировках с головы до ног, в замедленном действии, отходя после травы.

Мы ходим обедать в старую забегаловку на авеню Бушвик, её держит семья из Ливана. Работают с утра до ночи и уже наняли беженцев-колумбийцев, легальных

с документами

или нет, не моё дело. Каждый раз, когда подхожу к кассе расплачиваться, спрашивая, сколько с меня, хозяин смеётся: «С вас, мадам, только миллион долларов». Что ещё или что нового можем мы сказать друг другу в этой стране? Ем питу с хумусом, читая старые стикеры

шестидесятих годов

на стене. Последний раз я читала, и это был не Ганди, не он.

«Когда Сила Любви победит Любовь к Силе, тогда в мире наступит мир».

Это Джимми Хендрикс, дети мои.

2. 20 октября, 2013

Мы выходим из метро с линии L на Гранд-стрит,
и он говорит: «Смотри, облака написал Магритт».
Останавливаемся на углу рассмотреть небо,
и он говорит: «Пошли отсюда, этот магазин смердит».
Пробую урезонить: «Рыбные магазины пахнут рыбой».
«О'кей, — ускоряет шаг, — не знаю, почему он меня не трогает,
неплохой художник, но слишком уж умствовал со своим
„Это не трубка“». «Его мать, — отвечаю, — утонула,
покончила с собой, может быть, ты из-за этого подумал
о нём, имею в виду запах рыбного магазина».
— «Дикая ассоциация, — отвечает, — ты всё представляешь
через опыт травмы». Защищаюсь: «Конечно. Смотри,
какие весёленькие названия твоих работ — Атомный гриб,
Ядерный антрацит, Метеоритный взрыв». — «Видишь, —
— смеётся, — я об этом и твержу, мы не столь уж
неподходящая друг к другу пара».

Автoperевод

* * *

Мои стихи такие-то и такие,
теория разберётся, рифмы в уме
скажут, который час сейчас,
не вчера вечером. Вот бассейн, вот столб,
Пётр и Павел, и Пауль Целан
несётся, как угорелый, с цветами
из сада матери, не с её могилы.
— Я не понимаю, не понимаю времени.
«Глазные стёкла от солнца» —
говорит, имея в виду солнечные очки.
Нормальная лингвистическая ошибка
иностранца, несколько в паранойе.
Сомневается, о чём это, кто кого видит,
обозревает, следует за, потому что
невозможно следовать впереди,
и продолжает идти рядом.
Задал вопрос, который час,
какое по-английски время.
Время купить новые кеды.

Автоперевод

Судный день (Yom Kippur): 13 сентября, 2013

Сыну

Сядь, давай я тебе почитаю книжку,
сказку о Золотой рыбке или о Золотом петушке.
Бедные и богатые любят золото, это было мне неизвестно,
когда я жила на родине. Незнание — сила продолжалось
лет десять примерно. Любила книжки, пластинки,
лишние бесполезные вещи, это средство лечить
одиночество, заполнять потери. Детям трудна эмиграция.
Некому было тебе читать по-английски *The Mother Goose*,
Vinnie the Pooh. Никто не умел. Обещав тебе
путешествие в масштабе эпических героев
в интерпретации модернизма — кем я была? безумной?
Какое-то время, положим, было похоже на путешествие,
семейный эпос обернулся гомерическим смехом,
громким, гневным, искажённым гротеском испуганных лиц,
дрожащих губ не в состоянии вести разговор о том,
что случилось. Так много всего случилось. Я знаю,
что случается, когда одинокая девочка становится матерью.
У неё появляется компаньон, она заботится о нём
изо всех сил и как можно лучше. Была ли та забота для тебя
уж слишком или недостаточной, как жилось тебе
в двух мирах, в двух климатических зонах,
эмоционального холода и жары? Любовь требует денег,
даже любовь, даже смерть, тебе известно
это открытие. От чего нелегко исцелить, исцелиться.
Суматоха отъезда не оставила времени
попрощаться с городом, ни времени, ни желания.
Сделаем это сейчас. Жизнь это сейчас, ты знаешь.
Это сейчас.

Автоперевод

* * *

Мой дед похоронен в Джанкое.
Вот думаю, джан армянский бежал от турков и «кое»
какое-то кое такое и что-то там ещё, как в куплетах
французских. Мой дед развёл виноградник,
в глаза винограда не видел, когда покидал местечко.
Дом отобрали с садом и пароходик,
стали «семья лишенцев». Дед не ревёт, не стогнет,
надо от них убраться, от Днепров, от штыков,
и лучше на юг, теплее, может, хотел и дальше
через море, кто знает. Дед Тёмкин Арон молчит,
он тебе не расскажет. Шестеро его детей арбайтен,
поют на идиш в винограднике том библейском,
это их Палестина. Всем выводком собрались
со Славой, бабушкина сестра-близнячка,
перед её отъездом в Америку Кафки сделать
семейное фото. Только, прошу тебя, не философствуй.
Когда выселяли, отцу моему двенадцать,
на фотографии ему семнадцать, всю жизнь разбирался
в дынях, бахча, мандарины, стоял на фруктах,
всё, что осталось от Крыма. Раскулачили деда,
забрали лошадь, была водовозом, опять разоряют,
прямо во время обыска на их глазах и умер,
кому нужна такая жизнь? Оставшиеся оттуда
быстро уехали. Зятья полегли за отчизну,
внуки рассеялись, евреям всегда везёт. Их дети,
правнуки той могилы, о ней не ведают,
заговорили на разных наречиях, друг друга
на улице не узнают и могут вполне оказаться
на разных фронтах враждующих армий,
как в Первую мировую. Теперь, говорят,
татары закрыли лавочки, и еда исчезла.
Моя подружка детства Таля живёт в Хельсинки,
татарка, составляет часть русского меньшинства.
Этнос я лучше политики понимаю, когда не за кого голосовать.

**Из отступившего
тысячелетия**

Перерыв

Встаёт, разгибает спину,
смотрит в окно на голубей внизу на крыше,
вспоминает, что нужно сыну
купить то-то и то.

Надевает платок, пальто,
проверяет, на что горазд кошелёк,
есть ли в кармане ключ. Запирает квартиру.
Четыре коротких пролёта,
стеклянная дверь, не приобретающая вид парадной.
Воздух. Улица. Переход.

В овощной лавке мимоходом корейцу: «Хелло», —
проверяет дату на картонке с молоком,
берёт коробочку помидор и укроп к салату.
За газетой в соседний киоск,
после приветствий иранец с фаюмским лицом
говорит, что не потеплело.
«Да, становится холодней. Декабрь», —
забирает сдачу.

Мимо цветочного магазина,
поздоровавшись с израильтянкой-владелицей,
поправляющей на полке в ячейках сухие букеты.
Мимо исплаканного лица Варшавского гетто
в витрине «Ликёры—вина», не прихватить ли к обеду?
— ни к чему; про себя подумавши: «Винокурня».

Мимо запаха пиццерии на углу,
в её открытом окне торчит итальянец,
опираясь на по локоть голые руки,
словно он нарисован.

Кивнув ему, добавляет: «Холодно».
Дальше, ответив несколько раз
ослабившимся соседям,
мимо китайского ресторана на углу напротив.
Стоя на переходе,
смотрит в перспективу квартала,

где на ярком небе располагается парк,
как чугунный памятник шевелюре Людвиг ван
Бе... не опоздать бы в банк.
Теперь канцелярский товар,
здесь побудет;
кончается бумага для пишущей чужой машинки,
характер которой соответствует её хозяину,
им обоим и собственному названью «Грома-колибри».
Надо найти для него открытку,
заодно поздравить кого-то с чем-то.
Ветерок. Газета.
Вспоминает, есть ли хлеб-
соль, что в холодильнике, каковы запасы,
надо когда-нибудь постирать,
когда было метено в последний раз?
Взгляд, зацепившись за итальянца,
живую витрину, снова на парк,
потом под ноги на каких-то сорок-ворон,
что облюбовали клён, живущий у самых окон.
Хочет дышать — гулять — бродить,
но мёрзнут руки, полны покупок.
«Как это можно забыть перчатки в такую
погоду?» — близкий голос матери, которой больше
нет. Не сразу справляется с замком,
входит в дом.

Нью-Йорк, 1987

Отрывок из неопубликованной книги

Одним из способов определения хорошей жизни является то, как мы проводим отпуск.

Поездки в места паломничества туристического, будь то Кижы или Валаам, где лежат заморённые инвалиды войны. Мексика с остатками архитектуры ацтеков-детоубийц. Пусть археолог с антропологом к такой информации привыкает, это их предмет изучения, а я не обязана. Или Колизей с эхом рыка звериного погибавших людей и животных. Смотришь на развалины: — Если такое с камнями случилось, что-то с нами будет...

Или на могиле Эмили Дикинсон.

Расстояние от дома, где жила почти безвыездно, показываясь на люди редко, до кладбища, где похоронена, метров двести. Экскурсоводша сказала, чтоб повернули у бензоколонки, — и сразу увидим. То есть, от кровати, на которой засыпала напротив фотографии отца с усами, до места, где спят вечно, пять минут хода.

Делит тот мир, как и этот, с прежней компанией: мама, папа, сестра Лавиния. Локализация опыта. Присутствие жизни внутри холстинного платья в маленьком женском теле, и рядом совсем — могила. Интимность комнаты, безвыходность, экономия на свечных огарках, писание текстов на конфетных обёртках, чтоб не просить у отца на бумагу — это ей неловко, незамужней, старой деве.

Почему нас тянет на места захоронений исторических лиц и собственных предков — стоишь и смотришь на вздутые жилы корней деревьев, выросших у ограды и ей, возможно, знакомых, как на памятник самый желанный — природы, свободы, слушая слова спутника: там, где они пьют земную влагу, корни переплетаются с её костями.

Документальное

*Письмо переводчицы с русского на хорватский
её русской подруге, живущей в Загребе,
персланное мне в копии с припиской,
что война окончилась*

Сначала дата: 11.11.1991,
по окончании воздушной тревоги.

Дорогая Маша,
сегодня, после недели, проведённой в подвале,
я наконец вышла на свет и почувствовала себя
частью европейской суши. Я даже взяла велосипед
и отправилась в ад Белая и Белайских полян,
которые в последнее время постоянно упоминаются
в средствах массовой информации. Вид, конечно, ужасный:
дома без крыш и стен, сожжённые сеновалы,
израненные домашние животные, множество помятых
и побитых автомобилей, дороги, изрытые гусеницами танков
и ракетами, зловещая тишина. Но падение страшных
казарм в Логориште — весть настолько радостная,
что всё плохое мгновенно забываешь. Падение казарм было
затяжным, мучительным, густой дым валил с их территорий
в течение многих дней, а с пятницы на субботу были
уничтожены бесчисленные подземные склады с взрывчаткой.
Взрывы были настолько сильными, что у нас на лестничной
площадке попадали горшки с цветами, а у меня полопалась
посуда. Вдали агония выглядела огромным облаком в виде
атомного гриба светло-красного цвета. Карловац и Шварча
горели жёлтым цветом. Пушки стреляли светло-голубым.
Из Логоришта выехало 20 танков. Многими из них
управляли свои люди, хорваты. Десять этих страшных
машин расползлось по окрестностным деревням в поисках
богатых домов. Я пишу это не для того, чтобы дополнить
теле- и радиоизвестия, а чтобы обратить внимание на
характер войны в Хорватии: дело в том, что в Хорватии
речь идёт не только об агрессии сербов и югославов,
но и об общем предательстве. Процветает нажива

и военная спекуляция. Любой более или менее зажиточный человек может стать целью убийственного оружия. Люди из различных кризисных штабов занимаются перепродажей десятков тонн разнообразного оружия, от пистолетов до миномётов — за бешеные деньги.

Эта война, наверное, не захватит Загреб, но если она приблизится к вам, имей в виду, что любой патриотизм бессмысленен и самое лучшее капиталовложение — личное оружие. Половина жителей Другой Резы бежало в Германию и Словению. В моём здании осталось 5 (пять) человек! Условия жизни никудышные. Часто нет электричества, и нам нечем греться, а когда в перерывах между пушечными и ракетными обстрелами мы идём домой жарить яичницу, то ползём по-собачьи (чтоб нас не застрелили дежурные снайперы). Взрывы настолько сильны, что продукты вываливаются из рук, и наши кухни поэтому походят на свинарники (к счастью, иногда идёт дождь, и вода, просачиваясь сквозь трещины, смывает грязь).

В субботу после обеда, сразу по окончании рёва всевозможнейших видов артиллерийского оружия, продолжавшегося много дней подряд, я вышла в сад и набрала георгинов. Сегодня подрезала розы. И, конечно, сразу вспомнила твою тоску по цветам. Сообщаю тебе, что для весенней пересадки у меня есть следующие виды:

георгины (жёлтые и красные)
пионы
гиацинты (голубые)
гвоздика (белая)
маргаритки
анютины глазки
хризантемы.

Есть у меня семена и так называемых

лекарственных растений — мака, мяты, ромашки, подсолнуха, однолетних цветов (астры, ноготки) & овощных культур (бобы, соя) и т.д.

Розы можно пересаживать и сейчас, и поздней весной. Если у тебя есть веточка розы с отростками (это маленькие листики красноватого цвета) — отрежь её и посади в землю под углом 45 градусов. Веточку закрой бутылкой и следи, чтобы воздух не проникал к растению. Бутылка должна быть на веточке до середины мая. Вот рисунок.

Ну вот, это, собственно говоря, и всё. Военные анекдоты перескажу устно. Надеюсь, что нашим в скором времени удастся уничтожить полигон в Церовце и смирить войну в этих краях.

Привет всем. Ирена Лукшич.

* * *

Скелетик дерева растёт внутри листа.
Издалека нагая женщина, как огромное лицо,
смотрящее грудью — два солнца —
каримы, вылезаящими из орбит сосками.
Слепо всем телом по телу солнца водит.

В тряпочку куклу завёртывая,
не поднимай головы. За спиной
обрывки бумаги, открытые солончаки.
Извётка. Мусор мира, не убирившийся с 50-х.
Гарь. Выцветающий мох. Песчаный обрыв
с рваным краем, загибающимся, как заячья губа.
Жёлтые корни ползут, как сухие змеи.
Безязыкий народец шишек, иголок,
хвороста, костяники. Люди смотрят
ящерицами с раздвоенными языками.

октябрь, 1993

Девять речитативов для женского голоса

1.

Нас пугали:

Не будешь есть, не вырастешь, останешься маленьким,
все будут над тобой смеяться...

не будешь слушаться, посадят в чулан, там мыши,
отгрызут тебе ноги, останешься инвалидом...

детским домом, будешь жить с беспризорниками...

милиционером, трубочистом, дворником,

пьяницей, цыганом, грабителем, чужим дядькой...

украдут тебя, и будешь на них работать,

и будешь круглым сиротой без дому — без имени,

никому ты будешь не нужен,

и будет все тебя дразнить, и будет тебе стыдно...

и будешь слабеньким, и будут все тебя бить,

а ты сдачи не сможешь дать...

испортишь глаза и будешь носить очки...

и будешь худая, кожа да кости, никто на тебя не посмотрит...

и будешь толстая с такой мордой, и никто на тебя

не посмотрит...

попадешь под машину, и хорошо, если насмерть,

а если останешься калекой...

а если будет война, что тогда будешь делать...

а если поймают и будут пытаться, что тогда...

будешь читать нелегальщину, я же первый тебя и выдам...

попадешь в органы, не вырвешься...

объешься сладким, и будет диатез...

а если орехами — заворот кишок...

розги захотел, ремешок по тебе сучает...

каши берёзовой давно не пробовал...

в детскую колонию заберут, тогда — всё,

там мама не поможет...

вот я умру, что тогда будешь делать...

2.

Приезжают в город, идут в музей.

Город и сам музей, аптека — музей,

баня — музей, сарай — музей, особенно дровяной,

а если со старыми инструментами, то совсем — музей.

И тюрьма — музей, и концлагерь — музей, базар — музей,

и любая квартира — музей-квартира, и каждый дом —

музей жилища,

в его шкафах — музеи быта, утвари и одежды, технологии
производства материалов, ткачества, рукоделия, ремесла.

Там одежда матери 50-х, брата-стиляги 60-х,

мои первые туфли на шпильках в шестнадцать лет

из комиссионного магазина. Всё, говорю вам, музей,

только выставку не устроишь. И магазин продуктов

питания, даже если в нём было когда-то пусто,

он настоящий музей времени, антропологии, этнографии.

И улица, по которой ежедневно или туристом,

и автобус — музей городского транспорта, и метро,

и вокзал, его перестроят, вот увидишь, приедешь снова,

а того вокзала, что был, уже нет, и музея-вокзала нет.

Церковь давно музей, и музей как храм,

эстетика духовита, и время — невидимый музей,

музей воздуха, температуры, погоды. Человек,

который ничего не выбрасывал, всё выбрасывает,

иначе ему не выжить. Лучше всего сохранилось,

что разрушилось, как Помпеи, или не до конца

разрушилось —

Пропилеи, Колизеи, скульптуры Психей. Кладбища-музеи

почивших богов и людей. Пляж-музей, лес-музей

и поляна, скоро увидишь её в музее.

3.

Между тысячелетиями,
между столетиями,
между десятилетиями,
между годами, месяцами, неделями, днями,
между днями и ночами, часами и минутами,
между той жизнью и этой жизнью,
между той мной и этой мной,
между жизнью моей в целом
и разными периодами моей жизни,
между моей жизнью и моей смертью,
между моим зачатием и моим рождением,
между моим детством и моей взрослостью,
между моей взрослостью и более взрослой взрослостью,
между моей взрослостью и моей старостью,
между мной и моими близкими,
между мной и моим сыном,
между мной и моим спутником жизни,
между мной и моей занятостью,
между мной и моим отсутствием времени,
между моими появлениями и
исчезновениями из жизни,
между моими возможностями и невозможностями
написано это либретто.

1993

4.

Мои тучные годы.
Мои тощие годы.
Мои библейские годы.
Мои талмудические годы.
Мои детские годы.
Моя сложная жизнь девочки без отца.

Моя простая жизнь дочери матери-одиночки.
Моя жизнь школьницы.
Моя жизнь студентки, несколько раз.
Моя жизнь поэта.
Моя жизнь поэта,
который едва ли существовал,
да и что это значит, жизнь поэта?
Моя жизнь как еврейский вопрос.
Моя жизнь советского беженца в Вене, в Австрии.
Моя жизнь советского беженца во Флоренции, в Италии.
Моя жизнь нового иммигранта без личной
идентификации в Штатах.
Моя жизнь иммигранта с негативной русско-еврейской
идентификацией.
Моя жизнь русско-еврейского космополита в Нью-Йорке.
Моя жизнь как матери сына, моего сына.
Моя жизнь как дочери моей матери, это всегда.
Моя жизнь как процесс отделения от матери,
от материнского языка,
его гендерных и этнических предубеждений.

Автоперевод

5.

Когда я была маленькой,
я читала собрания сочинений,
тома избранного и целиком собрания сочинений.
Дел было немного, когда практиковали несвободу
собраний, когда сочинения были несвободны.
Тогда я читала запоем плохое, хорошее и в переводах.
Запой — это такой шерстящий щекотный зной,
угольный страхолюдный забой, телесный убой,
теснина гор, пробоина стен, голодный строй,
часовой сбой или самый простой пьяный запой.
Клад-то в лесу зарой и не забудь, где зарыл,

нескоро вернёшься вспять плёнку перемотать и искать,
сам в темноте постой на недолгий постой.

Не утешит мысль, ни любовь, осталось одно,
принять свою жизнь, прими, прими.

Это в строчку подряд или в столбик пропой
голосом сонно-домашне-кухонным, и приснится покой,
то ли императрицын покой,
то ли в пейзаже левитановский вечный покой,
то ли кладбищенский понятно какой.

*Написано во время передачи радио на русском языке
в Нью-Йорке о значении слова «порча», 2012*

6. Заплачка

Ой, меня ль, маленькую, не мучили.

Ой, меня ль, девочку, не скручивали, не пеленали.

Ой, меня ли, меня ли не застёгивали на все пуговицы,
на кнопки, крючки, лифчики и подвязки, шарфы и шапки,
шубы затягивали ремешком, завязывали платки
крест-накрест на спине, что было не пошевелиться.

Ой, меня ли, меня ли в детстве не муштровали строго,
воспитывали, прививали манеры, учили ничего не просить,
ничего не желать, не занимать место в пространстве,
не корчить рожи, не гримасничать, иметь приятное

выражение

лица, соблюдать приличия, не морщиться, думать гладко,
двигаться грациозно, покачивая бёдрами, быть спортивной.

Ой, не меня ль, не меня ли учили бальным танцам, балету,
не пачкать руки, особенно когда ешь, одеваться со вкусом,
волосы не отращивать слишком длинно, как у хиппи,

не стричь слишком коротко, ты не мальчик,
мини-юбку укорачивать не слишком коротко,

и если длинную, то не совсем до пят, ты ж не синий чулок,
и вырез не слишком низкий, и голос не слишком громкий.

Ой, не меня ли учили не жаловаться, не говорить,
что это несправедливо, что это просто неправда,

не обращать внимания на насильников, на садистов,
на психов, на деспотов и убийц, не идти в милицию,
всё равно правды не добьёшься, не обращать

внимания — и всё,

как будто их нет или они тебе приснились, это твоя фантазия,
богатое воображение, галлюцинации, шизия,
ты всё придумываешь или врёшь. Ой, не мне ли,
не мне ли наказывали не простужаться, не сидеть

на сквозняке,

не болеть, не создавать проблем, избегать конфликтов,
не конфронтировать с начальством, ни с кем бы то ни было
вообще, не вставать в позу, в оппозицию к власти,
быть практичной, дипломатичной, твёрдо стоять
на своих ногах, быть реалистом, не мечтать о несбыточном,
учиться на инженера, мама же говорила, «чтобы стихи

писать,

надо талант иметь». Ой, не мне ли, не мне ль говорили,
что мальчики способнее к математике, на сто мальчиков
одна девочка, мальчики вообще ко всему способнее,
быстрее бегают и прыгают с парашюта, пусть они занимаются
наукой, пусть они книги пишут, а ты будь женственной,
кокетливой, показывай слабость, не конкурируй,
они хоть и сильный пол, а конкуренции не любят, особенно
конкуренции с женщиной, так что флиртуй, но слегка,
не забывайся, а пристанут, обрати всё в шутку, посмейся,
похохочи, неважно, что тебе не смешно и анекдот обидный,
сохраняй мир, не лезь на рожон, пусть делает, что хочет,
а ты не сопротивляйся, молчи, подчиняйся, будь умнее,
будь выше этого, научись вовремя капитулировать,
это лучше, чем быть битой, сохраняй семью,
во всём ему помогай, ему одному тяжело, один он

не справится.

Будь хорошей девочкой, и пусть тебя съедят.

*На вечере памяти американских поэтов,
Джейн Кортес и Адриенны Рич, 17 февраля 2017 г.*

7. Художница

Я могу нарисовать цветок и цветок в горшке.
Я могу нарисовать бутылку и вазу. Я могу нарисовать стакан, много стаканов, стул и стол, кресло и скамейку.
Я могу нарисовать часы и настенные часы на фоне обоев, и кошку, собаку, птицу и рыбу. Я могу нарисовать блокнот и книгу, открытую или закрытую. Велосипед, самолёт, воздушный шар, дирижабль, солнце и луну в разных фазах, облака и горы, и целый пейзаж. Я могу нарисовать куст, кустарник и расчёску, и зеркало, тюбик с зубной пастой, томатной пастой и тюбик с масляной краской.
Скамейку и бассейн, маленький и простой или с архитектурными украшениями в саду, скамейку для ног, дом, маленький или большой, временку в деревне, усадьбу, замок и бал в саду на лужайке.
Я могу нарисовать лампочку, настольную лампу и торшер у дивана, свечу, кровать для одного человека или двуспальную, и остальную мебель. Я могу нарисовать
яблоко,
грушу, банан, несколько их, помидор, огурец на тарелке, торт ко дню рождения или пирожок с маком. Я могу нарисовать увеличительное стекло, чтобы вы могли читать, глядя в него.

Автoperевод

8.

Я могу нарисовать стакан чая и ложку на блюде, сковородку, кастрюлю и ковшик, эмалированный или
медный,
кипятильник, заварной чайник, много фарфоровых чайников, даже русскую чайную. Ложку, я уже говорила, и вилку, и нож, никаких проблем. И ослика с повозкой, топор и пилу для распиливания дров я могу нарисовать, я пользуюсь ими летом, и в прошлом на даче и в походах в лесу.

Я могу нарисовать танк, наган, ружьё, людей в военной
форме.

Я могу нарисовать стакан воды и с некоторыми трудностями
кружку пива с пеной, бокал вина, чай с чайнками или кофе
со взбитыми сливками. Забыла упомянуть красную свёклу,
виноград, тыкву, листья крапивы, сумки самые разные,
чемоданы, озёра, реки, фонтаны, зонтики, деревья
и рождественские ёлки, украшенные или ещё нет,
кусты у забора, пустые банки, бамбук и траву.

Я могу нарисовать шляпы и много разных предметов одежды,
жакеты, платья, пиджаки или пальто, мужские и женские,
и детские. Хуже у меня получается обувь, этого хорошо
не умею.

Это легко получалось у многих французов и у Энди Уорхола.
И, кроме того, это же не прекрасное изобразительное
искусство.

Это поэзия, не изображение мужчин в тогах и сандалиях,
бредущих через Чистилище в Ад среди пиний в лесу
под Равенной
или в синем прыгающих с балкона или стреляющих в себя,
как в body-art, O, Jude, let her under your skin...

Автoperевод

9.

Проблема не в пропорции.

Проблема не в перспективе.

Проблема не в метафоре.

Проблема не в текстуре или мазках.

Проблема не в цвете или светотени.

Проблема не в дикции и интонации.

Проблема не в музыке и в тоне.

Проблема не в аллитерации и гармонии.

Проблема не в рифме и ритме.

Проблема не в форме, очертаниях или балансе.

Проблема не в глубине, ширине или диапазоне.
Проблема не в пейзаже местности или в эскапизме.
Проблема не в избегании и отлёте.
Проблема не в мистицизме и чудесах.
Проблема не в метафизике и философии.
Проблема не в одержимости и таланте.
Проблема не в страхе и наказании.
Проблема не в сублимации и сексе.
Проблема не в идеологии и религии.
Проблема в биении сердца и в звуке.
Проблема в интимности и содержании.
Проблема в ощущении внутреннего времени
и себя в нём в процессе живого дыхания.

Автoperевод

Краков: лето 1997

For Elżbieta Matynia

Лохматые ангелы в архитектурном танце,
хиппи в оппозиции к геополитике
демонстрируют моду римской одежды,
их не организовать движением в камне,
их отвергли семья, социум, время,
а какая погода, Петру и Павлу неважно.
Если снег пойдёт, он не сразу стает с их плеч и макушек,
если дождь, зайдут в подворотню, не зная кода,
в нос ударит запах старой Европы, плюшек, кофе,
пороховой бочки, там реальность с технологией
соревнуются на беговой дорожке.

После готики сюда пришли иезуиты,
их храмы строили итальянцы,
через два века они отошли полякам, белым монахам.
В путеводителе «два столетия», два века, легко сказать.
Потом пришли австрияки, за ними москали,
гнавшие Наполеона, переделали в православную церковь.
Потом, накануне или сразу после
очередного исторического события,
храм стал костёлом Всех Святых
при военном гарнизоне.

Тавтология

1. Деревня Villarcoin, около Лиможа: 4 августа, 1997

Год холодного лета.

Народ в свитерах и в жилетах.

На скатерти пятна кофе, вина, следы
родительской жизни, стирай — не поможет.

Стены дома, камень, сырость, промозглый покой.

Печка дымит, топим дровами, надо звать трубочиста.

Иголка его матери с большим ушком, плохо видела
шитьё, помнит руку иголка, такое наше наследство.

Год, говорят, грибной.

Из окна кухни поле, стадо коров цвета ржавчины
с белыми пятнами, как карты неоткрытой географии.

Глаз наблюдает видео радостей жвачных,

сено в круглых бобинах, войлок текстильно-знакомый.

Родные полевые цветочки, набивной ситец в мелкий

рисунок,

виденный многократно, невозможно оторваться.

Может, это и есть ностальгия по Европе.

Как по заказу летит самолётик. Наденем ботик,

дождь почти каждый день. Дерево, травка,

как в документальных лентах тридцатых об урожае,
где понятно, что правда, а что враньё.

От соседей несёт пирогом, слива Мирабель.

Я не умею печь, топлю печь. Каштаны падают

на траву, как теннисные мячи,

раскрывают колючие скорлупки.

Масло масляное на закате.

2. Октябрь

Синдром возвращения затянулся.

Десять недель отсутствия в сельской местности, и обратно никак не въехать. В пяти странах, где неизвестно, как жила, что думала, пока не запишешь. Возвращение в шум, в скорость автомобильной гонки, в метро, в скученность, в толпу тех, кто на коне и кто на дне, в спёртость воздуха городского. Среда обитания сверхактивна, суперстимулы достижений, расписание, сроки подачи, деловые и всякие встречи. «Ни за что не вернусь, не сдамся», — сопротивляюсь, это прямая речь. По утрам медлю, прозябаю в постели. Перед сном представляю летний пейзаж перед домом, медитативная визуализация, поле, бараны, только Горация не хватает. Полчаса йоги, перерыв на кофе, разбор двух ящиков почты, хоть бы кто-нибудь написал доброе слово, кроме переводчиков. Письма с родины. Попить чаю в пятый раз. Даёт о себе знать невытесняемая тема денег, наши доходы кот наплакал. В Бруклине с родственниками семейный ужин без человеческих жертв, после которого спутник жизни пытается убедить, что пьеса о шизоидной семье может меня всемирно прославить. Ненужная сверхнагрузка, семья как у всех, сдвигология по фазе, свинтити. Постепенно всё же въезжаешь, врубаешься в нью-йоркскую жизнь, словно она нормальна, возвращаешься в свой компьютер без окон, без дверей.

Согласование времён

Приходят по почте книжные каталоги, упоительное чтение: новинки, переводы, цены, за друзей порадуешься, полюбопытствуешь, всего всё равно не купишь, да и когда читать в Америке, работа всё время отнимает, на бегу подчитываешь периодику, уже принимая, что такова твоя жизнь, начиталась в детстве, теперь самое необходимое для заработка, для лекций-докладов, для справок-сносок.

Новый каталог приходит, откладываешь, некогда. Они копятя, пока в одно дождливое воскресенье, прежде чем выбросить макулатуру, заглянешь, вдруг там что-то такое, чего тебе не хватает для счастья. На первой странице рок-посевы Би-Би-Си, «...для тех, кто слушал в России, это возможность погрузиться в приятные воспоминания о ночных кухонных бдениях за прослушиванием вражеских голосов, о временах застойной юности, с автографом, фотографией, 30 долларов, налог, пересылка...»

Кто бы мог подумать. По алфавиту, по темам, много имён незнакомых, вряд ли их узнаю, это нормально. «Бал последнего человека», второй том Бродского, уценённый до пятёрки, быстрее худших прогнозов, уже в два раза дешевле новых книжек Лимонова. Почти никаких больше шестидесятников, друг друга все напечатали, больше они ничего не... разве что женщины.

Авторы-женщины, поэты, Пушкин-Душкин-Кискин, жизнеописания *выдающихся* евреев и *выдающихся* геев и лесбиянов — обыкновенных в общество ещё не пускают. Псевдонимы демократизации: Модестов, Аннин, Котовский. Эзотерика, словари, учебники. В разделе разное «Микроволновая кухня», за ней «Палачи и киллеры». Закончилась эпоха одной масскультуры, началась эпоха другой

масскультуры. И никакой философии. Она в отдельном каталоге вместе с историей и прочими гуманитарными рекламами, которые, как полагается, отстают. Когда ещё они опишут реальность, какая есть, какой больше нет, мы все успеем отдать концы, чтобы всё как следует стало навсегда непонятно, как мы жили.

Архивы, документы, мемуары.

Красивенькое кино начала века с некрасивым таким продолжением. Кассеты, песни новых групп. «Сельские леди и джентльмены», «Русская нирвана», «Не пей вина, Гертруда», «Мама, всё о'кей», «Библия секса для „чайников“», Кикабидзе, «Катюленька», «Ой, Сирун, Сирун», «Мои евреи, живите вечно», «Не надо грустить, господа офицеры», «Девки, пиво и рок-н-ролл», Скарлатти, «Харакири», «Сектор Газа». Всё совершенно правильно, как везде...

24 ноября, 1997

* * *

Если выключить музыку,
слышны городские звуки:
дети на перемене,
гудки машин, вертолёт,
сирены неотложки и полицейских,
прокладка подземного кабеля,
строительство на углу,
в соседнем квартале отбойные молотки,
под окном обценная речь,
утро бомжа и тройное мяу.

Если выключить музыку,
радио, телевизор, мысли,
услышишь свою жизнь,
сердце, пульс, шаги, тело,
мытьё рук, вода набирается в чайник,
медленно закипает, помешивание ложечкой
по стеклянному дну, пахнет кофе,
тает сахарный кубик,
прихлёбывание, глоток.

16 апреля, 1998

В день открытия первой сольной выставки с утра ощущение, что никак не проснуться. Может, оттого, что сижу на антибиотиках после трансплантации зуба, или это дождь надвигается, атмосферное давление. День как в Питере, и полупроснувшееся состояние знакомое, пытаюсь его получше вспомнить, о чём это было. Беспокойство перед выставкой. Может, она первая и последняя, может, это единственная моя выставка. Как первая публикация, кризис идентификации. Спутник жизни утром за чаем: «Что ты такая грустная? Вернисаж — это плезир, иначе зачем было соглашаться?» — слышу как сквозь вату. Неожиданно понимаю, что так провела всё детство, отрочество, мои у-у... Долго верила, что это от лени или от воображаемой врождённой дефективности, просыпалась только для удовольствий. Вдруг понимаю — это защитная реакция, как и тогда, от ситуации в семье, где ничего хорошего не ожидаешь. Иду вниз в мастерскую поделиться открытием, начинаю говорить и реву, значит, правда. От этого как-то допроснулась, но внутренний дискомфорт остался. Пошла погулять, может, думаю, куплю на открытие платье. Пошаталась, вернулась, как говорила мама, «ни с чем», в таком настроении ничего мне не идёт из одежды. Около дома захожу в кондитерскую на углу под названием «Бэби Уотсон», когда-то она принадлежала итальянцам, теперь хорватам, но работают польки, здороваюсь: «Cześć». Ассортимент неизменен, могу с закрытыми глазами, попадаю в «наполеон», объект бытового поп-арта, не тот изысканный петербургский мамин в детстве
«милфей»,
да и не ем я сахар, но сегодня покупаю и, пока
расплачиваюсь,

жду сдачу, упаковывают в коробочку, завязывают ленточкой, понимаю, состояние, по-домашнему называемое «психую», остро связано с мамой. Не сказала ей о выставке, «скрыла», не спросила разрешения. Понравилась ли бы ей моя

выставка,

вопрос не возникает. Критиковать, не одобрять, не поддерживать, всегда быть недовольной детьми, раз жертвуешь собой, это естественно и оставляет их в вечном долгу. В чём ещё могла проявиться её сила в жизни, власть над детьми... иначе она не умела, так её научили революции, войны, погромы. Всё приходилось делать от неё по секрету: читать, писать, ходить в кино. Возможно, до сих пор боюсь, узнает, будет неприятность. Смеюсь над нами обеими: мама уже одиннадцать лет как в могиле. Иду домой, рассказываю, реву взахлёб. Отпустило, «перевод в сознание». Отмокаю в ванне. Одеваюсь. Вернисаж. Работа. Спасибо, что пришли. Перформанс. Смеются. Со многими давно не виделась. Идём ужинать. Устала. Легко засыпаю.

Памяти Галины Старовойтовой

Было приятно видеть её на вечере
в русскоязычной аудитории Арбайтер Ринг*.
Твёрдый, внятный и точный, её голос
исходил из монументального тела, сообщая
нелицеприятную правду о войне.

Хорошо, я подумала,
наши женщины заговорили о войне. Плохо: там война.
Моя очередь выступить, читаю текст о браке Толстого,
поглядывая на её удивлённое лицо. Мы сели рядом на приёме.

— «Кто эти люди в подвале?» — Наше литературное гетто.

— «Вы феминистка?» — она спросила. Я подумала, что это
долго объяснять. — Я человек гендерного сознания.

— «Я феминистка», — сказала прямо и спокойно.

От русской женщины не ожидаешь услышать такое,
и, ругая себя за уклончивость, я решила: «Почему же вы
сомневаетесь в правильности политики преимуществ
для меньшинств и женщин?» — «Справедливо помогать им
в начале их карьеры, но не всю же жизнь». — Жизнь
не кончается в начале, — тут я запнулась, не зная больше,
что могут люди, как она, думать в моей бывшей родине,
да и есть ли такие люди, как она, и следует ли мне пускаться
в объяснения, что жизнь не кончается в начале
и на каждом её этапе женщины и меньшинства
выбрасываются из группы претендентов, и чем выше
по социальной лестнице они карабкаются, тем чаще
им не достаётся позиции, которой они заслуживают.
Меняем тему. — Моя поездка в Россию? боялась,
что буду выглядеть еврейкой и что меня убьют
во время выступления, если начну говорить, что думаю.

* Арбайтер Ринг на идиш или Workmen Circle на английском — старая еврейская организация российско-литовского происхождения, в помещении которой находилась редакция русскоязычного журнала «Слово» и устраивались литературные чтения.

— «Сейчас это маловероятно... А как поэты выживают в Америке?» — С трудом, если их идеализм не станет прагматичным. А как куда более редкие существа, политические деятели-женщины, выживают в России? — «С трудом, потому что приходится иметь дело не с заботами об общем благе, а с национальным мифом, с деньгами и с силой власти». — Откуда у неё это чувство индивидуальной свободы в коммунальной стране?

Так мы разговаривали, выпивая, поедая бутерброды, которые выглядели российскими, но по вкусу были американскими. Кто-то позвонил, чтобы её подвезти. Давая мне свои номера телефонов, факсов, электронной почты, говорит: «Дайте знать, когда соберётесь приехать, сделаем что-нибудь вместе, чтение для наших мужчин
в Думе?»
— Теперь

ей не позвонить после сегодняшних новостей.
Её тело на лестничной клетке с пятью ранками от пуля, как пять звёздочек на бутылке армянского коньяка, открытого, чтобы отметить последний акт нашей демократической драмы.

Автперевод, 1998

Лукреция

Их одобряет струйкой Купидон.

Боюсь, как Данте в Комедии, люди подумают, что я валяю
дурака
 или что я просто законченная дура, раз думаю о ней.
 Ливий — о ней, и позже Маккиавелли не давала спать.
 Бронзино, начитанный какой, её изображает с книгой,
 открывшейся случайно на сонете Петрарки,
 её упоминающем. Лоренцо Лотто в руку ей вложил
 рисуночек, где нагишом она, в слезах, как бы смотрите,
 как я поймал преступницу с поличным.

За попойкой

Тарквиний младший услышал от жениха, а тот горячим
 заправлялся перед брачной ночью, разливаясь о прелестях
невесты,
 уж в спальне поджидающей, о лоне её невинном
и о древнем роде.
 Тарквиний распалился — не ему достанется, учуяв разом
добычу
 и соперника. Козлы. Охотник на привале и по пьяни.
 Чтоб неповадно было жениху при мужиках тщеславно
похваляться,
 и это не вина его, что он себе не может отказать, —
она прелестна,
 по мнению друзей, и добродетельна. Отваливает, будто
по нужде,
 и крадучись разыскивает спальню в невинном предвкушеньи
 поруганья, с ножом в руках.

У них прощают изнасилованье женщин,
 но не измену мужу. Синяки! да, были древние-то люди
легалисты...
 Тарквиниев целёхонько живых потом изгнали,
только не за это
 и не тогда, когда восставший Брут..., но это много позже.

У Рубенса той римской темноты крутая гуща с красными следами — метафора, подсказывает, мол, желание насилия то было, не желанье. Она в слезах, он угрожает ножичком в руке, что коль не согласится, то убьет, потом слугу приколет и положит их вместе на кровать, как бы застав в грехе и мстя за друга. Ну, надо ж, как в неуправляемой страсти об алиби заботился. Как ни смотри, а всё — её вина, и всё одно — позор, но так еще с насильем. Нигде не сказано, мы до сих пор не знаем, лишил ли он её столь драгоценной им... далась им наша плева! Мы знаем, что она, когда они вошли, в растерзанных одеждах, и чтоб смыть позор — ведь честь отца и мужа, столь уважаемые граждане-мужчины, и все они важнее, чем она, чем жизнь её, чем женской плоти тело... В присутствии толпы и на глазах всей свадебки, сулившей много счастья... Августин святой и в воздержаньи подливает масла, уж если, рассуждает, единственно лишь только от стыда, *нетронутый*, то ей не следовало самоубиваться. Какие умные. Хорошенькие правила у них.

Апрель 1999

Война по телевизору. Бомбят.
Спроси на улице в Нью-Йорке, кто албанцы,
кто сербы, черногорцы. — Перестань,
то песни южные славян, Альбениса «Цыганка».

То зверский эпос, дротики, быки,
и ядерная выгорает травка,
лежит в земле *еси на небеси*, иль это в танке.
Буддистам кайф, у них нет времени-приманки.

Не можешь не шутить, и, значит, стыдно.
И снится дальше, кончилась война,
и можно рот набить и наслаждаться,
и баня, и еда, и простыня.

И дети без увечий, не боятся
ни темноты... не мочатся в постель,
не видят страшных снов, где убивают
то ль их самих, то ли на их глазах.

*Четыре стихотворения
на женские темы*

1. 13 июня 1999

Я пришёл домой, сообщенья прослушал,
не оканчивается дома работа,
не кончаются зимы, слякоть, а летом
жара, кондиционер идёт ледоходом.

Не ушёл ещё, я пришёл из жизни,
я беспол, бескрыл, и как лягу на пол,
подышу глубоко, полчасака йоги, и ожил
телом, наготой оказался женской.

2. 14 июня 1999

Сидишь за столиком с друзьями,
Вертинским, Лещинским и прочим,
и пьётся по-американски,
то есть практически не пьётся,
но очень хочется любить.

Иль возвращаешься со службы
сквозь город, ноги, мостовые,
возникнет дерево, затмив,
и очень хочется любить.

Сидишь, и Миша, Лёша, Паша
сидят и говорят об умном,
о несуразном, о нелепом,
несправедливом, вот и мне
ведь очень хочется любить.

3.

Я думала, никогда не буду с чужим мужем,
мужем его жены, отцом детей, а была, была.

Думала, никогда не жила чужим умом,
ещё как жила-была.

Думала, самое главное не наделать долгов,
а жила в долгах как в шелках.

Думала, знаю себя, а не знала,
Пифия-дерево, бронза листа, не знала себя.

4.

Я люблю носить застиранные футболки
цвета серой мышки, кошки с собакой,
в час такой между собакой и волком,
поутру и в другие часы пополудни.

Старые вещи люблю, чтоб честно
выглядеть, без прикрас-украшений,
чтобы бедный хиппи по имени Йорик
в шмотках истлевших сразу понял,
в чём тут дело, узнав своего, тут запнулась,
свою, ведь род-то женский,
местоимение куда спрячешь. И подумаешь,
что бы вечером такое надеть бы.

Сонет: 18 июня 1999

Во дворе у меня вьюнок разросся по стенам,
словно Лига вьюнка одобрила без защиты,
а ещё крапива растёт, сорняки, деревья-худышки,
а в горшках, хотя не сажала, взошли цветочки.

Как в названии шоколадных конфет
«Золотой петушок», «Золотая рыбка»
что-то есть китайское пополам с франко-русским.
А ислам с католичеством, с индуизмом в цветной фольге?
А халвы не желаешь турецкой?
Я давно уже дома не говорю по-русски.

Да, возможно, я это хочу сказать, а не другое.
Лао Цзы, старичок, до конца советовал выговориться,
выразить, что хочешь, полностью, а потом замолкнуть.
Уезжаю на лето. Это всё, что могу сказать, потом
посмотрим...

Панихидное

*

Великая страна — это страна,
убившая больше людей,
чем другие страны.

Великий поэт — это поэт,
пишущий на языке страны,
убившей больше людей,
чем другие страны.

Мысли женщины
не укладываются в рамки канона,
созданного мужчинами великих стран,
убивших больше людей,
чем другие страны.

*

Гомеровские герои
не умели смотреть на себя со стороны,
каждый описывался взаимопределяемыми способами
и каждый, как в шахматах, должен был быть описан
в терминах других действующих лиц.

С течением времени
военная схема расстановки индийских слонов
превратилась в войну королей, епископов, рыцарей.
Эмоциональный фасад героизма, как говорил Бодлер,
соответствует тем же правилам игры, принципу
порядка, в сердце которого страх смерти, хаоса
и попытка контролировать их силой. Участники игры,
посвященные в правила и их разделяющие,
коллективно распознают победителя, выбирают
подходящих себе на роль лидера и героя.

*

Георгиевский победоносный финал.
Финт спасения невинности от дракона.
Пигмалион наизнанку. Окружающие выражают
поддержку, других реакций нет под рукой.
— «Это такая форма взаимоотношений», — из
любимой им книжки «Опасные связи», — или они
перестают поддерживать и окружать.
Красивый в узорах фантик стишка развернешь
и увидишь то же, что и снаружи: потребление сахара
колониализма, острая сладость, компенсация
за унижение, дозировка просочившихся импортных
ссылок, желание соответствовать образцам,
защитные механизмы идентификации с силой.
Двойственность, раздвоение, пропасть между
публичной персоной и им же, человеком частным.
Как близнецы похожи, но очевиден расчет
показательных выступлений, комедия масок,
драма на заднике романтических руин,
в толпе метафизических европейских мужчин,
трансцендентных надмирных космополитов,
бомонд, элита, дети войны. Потомок четвертого Рима.

*

Café Reggio: 28 января, 1999

Вот, дорогой покойник, сижу себе
в резном королевском кресле напротив афиши,
висевшей в дешевой рамке в твоём сортире,
врученной почетному завсегдатаю, то есть, тебе.

Со вчерашнего дня ты уже третий год, как не...
не живешь нигде, кроме памяти виноватой.

Что меня потянуло сегодня сюда, неясно,
проходила мимо, совсем уж было прошла

и вернулась. Вожу иногда знакомых,
ездят в гости. «Он здесь бывал...» — говорю.
Смеются, узнав строку, и я не плачу.
Много народу. Солнце. Холод. Конец января.

Официанты из нелегалов, как в начале
восьмидесятых. Светится у стены блондинка,
ты бы не преминул. Собственно, что?
попробовать силы. Мы б обсудили

это, и то, и се. Дочка твоя растет.
Жена хорошеет. Книжки выходят.
Пишут в воспоминаниях разную чушь.
Ты бы злился. Жизнь происходит.

С тех пор как ты умер, жизнь моя изменилась,
менее интересно стало писать стихи.
Это ль не высшая похвала прежней
железной хватке, в памяти продолжающей
не отпускать. Был всегда у моих любимых
мужчин соперник. Девочка без отца.

1996–1999

26 ноября 1999

1.

Вчера после Дня благодарения,
проведённого с совершенно чужими,
снится, что пришёл по почте рекламный буклет
театра с новым спектаклем на идиш.
Листаю фотографии, лица актрис, актёров,
декорации, мизансцены, и среди мне незнакомых
действующих лиц И. А. Бродский в этом еврейском театре.
Во сне спохватываюсь, давно не звонила,
надо немедленно, бегу к телефону...

Проснулась, вспомнила,
накануне читала, как после смерти Михоэlsa
все служащие ГОСЕТа сидели шиву,
а скрипач на крыше дома напротив
целыми днями играл реквием Моцарта.
Что бы ещё ему тогда играть разрешили?..

2.

Снилось сегодня кладбище, то ли музей.
Плиты, надгробия, и наш обалдей,
превратившись в скульптуру, сошёл с осей,
качнулся, упал, лежит, уткнувшись башкой в траву,
никто его не сторожит.

Подошла, подняла,
посмотрела в мраморные глаза, в них латинские письма,
то ли электронная почта латиницей пришла его рукой,
но ведь он не умел, необучаемый наш такой.
Может быть, хочется ему оттуда поговорить или туда,
пытаюсь понять, но, проснувшись, не уверена, что со мной,
может, просто с кошкой, с ней одной.

3.

Отошёл туда, куда все отходят,
то есть не как был республиканец, а как демократ,
вернуться не поможет домкрат,
оставил хвостики рифм и хронологию.
Между датами плывёт тире на солёной воде,
как доска на волне, деревянная полка,
только облокотиться нельзя, уйдёт в глубину,
тома повалятся в ту же волну. В аду засыплет
бумажная шелуха, её труха осядет на самое дно.
В зеркало смотришь, в свои глаза, там мокро,
кажется, переглядываешься с ним или с тем,
кто писал дневники, как Бахтин.

21 декабря 1999

Я всегда хотел написать текст
к музыке Рихтера Штрауса «Жизнь артиста».
К примеру, вчера на приёме в доме
у знаменитости местной с гостями,
критиками, галерейщиками, художниками
всех мастей, народов, происхождений,
с креветками, льдом, шампанским и прочим,
за разговором, перетекающим от одного к другому,
на социальные темы с обменом связями, новостями,
визитными карточками, отвечая впопад, про себя думаю,
что утром нам предстоит идти в суд по делу о выселении,
затеянному квартирным владельцем, которому с сентября
мы были должны за один месяц, но с ноября уже за три,
и что на этот раз нас не выселят, послали чек,
но заплатим ли в следующем месяце, непонятно.

* * *

Называй это твердью,
крышкой голубою,
колесом на просвет с дырой,
замшелой от колесниц,
миражом, который видишь,
которого нет, газом
психической атаки,
наркотик неба.

Не сдерёшь,
как краску со стен,
не выжмешь синюю чистоту,
как тряпку, только размажешь грязь.
Не разлюбишь, что любила,
оно болит. Жмурься, раз солнце,
дыши, бежи. Бог ведь тоже
фигура речи родной, семейной,
метафора, которую пережили,
сестру цензуры, блокаду, разруху, войну.

* * *

Памяти С. В. К.

Кто-то умер недавно, кого я любила когда-то.
Нет, ещё не умела любить, но в пятнадцать училась уже
по трамвайным развязкам, в чертежах докомпьютерных улиц,
соскочив на ходу, по спинам мостов
со львами и безо львов.

Дед его был казак, и когда они отступили,
открыл ресторан в Краснодаре — всё равно, кто закажет
«налей». Дочь, его шестнадцатилетнюю маму,
с новорождённой старшей сестрой
бендеровцы прячут во вторую войну.

Он стеснялся: «Они у меня не любят евреев».
Отец военным хирургом на Кубе, начгоспиталя,
заработает звёздочку, семья не без прошлого, но лояльна,
приоделись на боны в распределителе, особый отсек ДЛТ.

Русским глазом степным, как отечество,
ключим сукном нависает, маячит журавликом под окном,
пойдёт по стопам, «потомственные врачи», запьёт,
но об этом не принято, особенно при прощании.
«Пришли, — попросил, — инструмент хирургический,
режем мозги, как мясники».

Год назад позвонил: «Слушай, Маня, билет покупаю,
прилетай и поженимся, ты же моя навсегда».
— Где ты есть? — «Я в Салониках, море и солнце, и классика,
и купальник возьми, и бросай своего, а деньги — вода...
...Не даёшь развернуться мечте... я из Питера».

Песни в гробах, сольные и хоровые.

Песни и перформансы

Гирш кормил жену стихами.

Исаак Бабель

*(Из записной книжки Давида Бурлюка,
Япония, 1922 г., «Жребий жребий»)*

Частушка

Какая жизнь была неторопливая,
какая мама была несчастливая.
Я помню, ждал меня часами длинными,
ночами летними и днями зимними.

Шестидесятые года веселые,
Всё было дешёво, что деньги стоило.
Ты у метро стоял, я в мини-юбочке,
очки квадратные, играл на трубочке.

Полы, натёртые медовой патокой,
Всё было явное надёжно спрятано.
Где только мы с тобой ни целовались,
росли по-новому, сопротивлялись.

Супрематистские пальто двубортные
перешивали, беспредметные потёртые.
Я так люблю свои воспоминания,
от них спасенья нет на расстоянии.

Песня памяти Лёши Хвостенко

Я не хочу вовремя ложиться спать,
я не хочу совсем рано вставать,
я хочу дома с книжкой лежать
и музыку слушать.

А уж если я встану, то сразу пойду в кино
или в пластиночный магазин
и буду музыку слушать.

Почему-то сама встаю, сама
без маминых понуканий,
стою под душем, на улицу противную выхожу,
а ведь хочу дома с книжкой лежать
и музыку слушать.

Я хочу того и сего,
очень многого научилась хотеть,
чего без денег мне не дают,
даже за квартиру сама плачу,
когда же мне песни писать, диски покупать
и музыку слушать...

* * *

Я поеду в Нью-Йоркском сабвее,
я открою свою русскую книжку,
ничего, прочту, хорошего нету,
но немножко смешного осталось.

А сабвей наш, метро-андерграунд,
моды-годы, кино отношений,
ну а женщины здесь просто отовсюду,
а про расы вам науки наврали.

Ты вези меня, бочком прижимайся,
не шуми так, можно просто оглохнуть,
выползай с ездоками на поверхность,
даже мне здесь отыщется место.

Песня об этносе

Как убили евреев в Европе,
заморили, загнали, расстреляли,
а кто выжил, поехали жить в Израиль,
приехали и сами арабов прогнали,
ведь в сердце каждого еврея Израиль.

Ах, политика, политика,
ты ниже всякой критики,
за землю святую стреляй,
за святую, не чужую,
и чтоб пушки у врага — продавай.

У Степановых убили и у Крамеров убили,
у Паджаниянов убили и у Захарченки убили,
Абдель Насера убили, вот и Рабина убили,
но в сердце каждого еврея Израиль.

Ах политика, политика,
ты ниже всякой критики,
ка-ак ухнем, как с терактами поборемся,
как фугаской забросаем.

Мы ведь белые, а они чёрные,
мы ведь чистые, а они поганые,
мы цивилизация, а они варвары,
нищета ведь у них с сегрегацией,
но в сердце каждого еврея Израиль.

Ах политика-политика,
ты прямо ниже всякой критики.
И давайте выберемте сильного вождя
и опосля будем пенять на себя.

У Степановых убили и у Крамеров убили,
у Паджаниянов убили и у Захарченки убили,
Абдель Насера убили, вот и Рабина убили,
но в сердце каждого еврея Израиль.

Песня о показе мод: 9 февраля, 2002

Она в каком-то белом и прекрасном,
а он в каком-то сером и неясном.
Она в каком-то красно-бархатистом,
а он в полоску, в синем, как дантисты.

Она в каком-то голубом в цветочек,
а он в крутую клетку на порточках.
Такой кутюр-культюр, дизайн одежды,
к мужчинам бдительный и только к дамам нежный.

Но поворот и перемены в моде,
мужчину приодели по погоде,
в плаще, в надутой куртке космонавта,
пришельцем звёздных войн, не оборванцем.

Ушанки на отцах-вождях и кепки,
карман штанин квадратный на коленке,
мотня на молнии из замши, на резинке,
пиджак из кожи, как rockstar на снимке.

Она в каком-то белом и прекрасном,
а он в сукне защитном и неясном.
Но просто не могу остановиться,
мужчина неодетый снится-снится...

Ленинградская школа

Это было место, где жили люди и книжки.

Пауль Целан

Замечаю в двуречьи между Евфратом и Тигром,
между речью родной и другой просочилась какая-то хлябь,
чувство места, подкожная жёлтая глина, тут увязнешь
в балтийской поверхности непитьевой.

Я живу не в Москве-Петербурге, в могучем Китае.
Перестала, встречаясь, стоять не на том углу,
телефоны терять, и меньше опаздывать стала, чем в двуречьи
между Фонтанкой и Мойкой, и выполнять обещанья берусь.

А других перемен — хвастать нечем, потеряна
индивидуальность,
да и дар по сравненью с другими... Ты чего, красоты
не хватает в природе тебе иль в фасаде,
или в детском лице?

Нагадаю по звёздам неопределённость, разболтанный
космос,
а других от меня никаких предсказаний не жди.
Утром сяду в метро и поеду на службу себе к девяти,
и вернусь на метре же обратно, сама и без всяких гаданий.

февраль 2002

Песня безотцовщины: 20 сентября 2002

Никаких мужчин не любишь больше отца.
Только где отцы — ушёл, погиб или умер,
или очень занят, не приставай к отцу, говорят,
видишь, гости у нас, выпить водки пришли, покушать.

Никаких других не бывает у нас отцов,
только детям даны отцы для наказания,
да и мамы у нас одиночки и очень много разного
возраста вдов,
только дети у нас на земле, старики и подростки.

Ну и кто нас научит, скажи мне, детей любить,
у кого нам учиться примеру, объясни, если можешь,
как играть с детьми, как давать им себя побеждать,
да и просто как обнимать их, пока время есть
и пока они не превратились во взрослых.

Плачи мартовских кошек

1.

Я старше всех.
Мне хочется морковки,
и динозавров глазки у меня,
в них выросла зелёная трава
и письменности стреляные норки.

Я старше всех.
Вы хорошо одеты.
На голове моей взошла копна
от северных народов до туда,
где Африка моя и, голо-боса,
толчётся в ступе чёрная толпа.

Я дальше всех.
На крыше целит снайпер.
Из крана сероводородная вода.
Под простынёй застиранной страна
на карте мира спит. Следы зверья
и спермы, многих месячных кровя,
век неотстирывае-мы-я...

2.

Встать на площади, громко мяукать оря:
не хочу никаких указаний относительно мастерства,
ни учений, имений, учебных кабинетов с бодигардами
у крыльца.

Улечу на высокие горы, за синие реки, их берега,
исчезающие из виду, как и я, как и я,
исчезну когда-нибудь, сливаясь с небом в одно
или раскинувшись на траве лучами в стороны, как звезда,
упираясь в воздух конечностями четырьмя.

Граффити из мёда, дёгтя и смазки состава Карениной, тормоза,
рельсы перечеркнули точёные телеса.
Рыбьим мехом накроют, склеют фарфор голубой,
подберут больничный сор, ватой протрут облака,
и как ангелы на карнизах у Тьеполо,
такой же нагой, команда бесштанная, и рядом ты.

А пока притворюсь котом в сапогах, пока жива,
юным хозяином, сыном крестьянским, принцем
в замке без людоедов, в мире, где только сено-солома,
ромашка, кашка, пчела.

Песня о международном дне 8-ого марта

Ницше — это девочка.

Эйонни Энелой

Все наши Грушеньки, Ксюшеньки,
Галочки, Марьи Ивановны,
Кати, Петровны да Павловны, да Степаниды,
все наши девоньки-любоньки,
Глашеньки, Пашеньки и Алевтины.

Все наши Светки, Фаинки,
Ирочки-дырочки, деушки, тётки и тётеньки,
бабоньки-яблоньки, бабки и Муси,
в прошлом невесты и Нюры, и Шуры,
Настасьи, Аглаи и Василисы.

Все наши туфельки, летние тапочки,
зимние валенки, полусапожки, ботинки,
два сапога, босоножки, и дочки, и мамки,
внучки, племянницы, тёщички, ну и невестки.

Сумочки, сетки, портфельчики
и рюкзачки за спиной,
шляпки, беретки и капюшоны, перчаточки, варежки,
шарфики, кружева и рукавички.

Бусики, серьги, колечки и вышивки,
ножнички, щипчики, пилочки, Милочки,
фотоальбомы и шубы, и шахматы, и пианины,
шорты, футболки и резко, как нате, — бикини.

Все наши Ляльки и киски,
Аси и маси, и лапки и зайки, и солнышки,
Музы и шлюхи, Татьяночки, Цилечки, Лейлы-ханумы,
панночки, Миррочки и Наргиз-джаны.

*Песня 31 декабря, 2007**Е. Л. Морозу*

Я накрашу губков,
наведу красот,
потому что наступает
Новый Год.

Я надену платье
беленькое в дырочку
и буду как снежинка,
и буду как Снегырочка.

А ты наденешь шубу
красную-атласную
и шарфом прикроешь
свой еврейский нос,
и будешь дед Мороз.

*Песня о полезных вещах:
3 апреля, 2008*

Я верю в йогу, в психотерапию,
в морковный сок и отдых на воде,
и в горном воздухе медитативном
я верю в тело, в дух здоровый в голове.

Я верю в то, что если утром бегать,
а вечером поплавать и в постель,
то утром просыпаешься счастливым,
помолодевшим и худым.

Я верю в то, что если не работать,
то время есть на секс и на любовь,
и в хоре спеть, и снять кино, и обувь
сняв — по траве, и танцы в темноте.

Всего сильнее я верую в зарплату,
в рабочий день, в налоговый отчёт,
в фонд пенсионный, знает Бог, я верю
во всё, во всё, чего я сам не смог.

*Песня об украинском барокко: 3 апреля, 2008**Василю Махно*

Например, живу себе в Кривом я Роге,
происходит жуть кривая и косая,
словно в зеркале чужом, страшусь циклопов,
местный житель «буки-буки» забодает,
а евреев там не то что не хватает.

Почему живу я там во сне кошмарном,
я там вовсе никогда и не бывала
и не знаю, где искать его на карте.
Бык с рогами к изобилию, сказали,
миф звериный, люди-волки и ведмеди.

Сказки древних, Зевсы, Ксерксы, Ариадны.
Женский страх, что притвориться может богом
или смертным и насильно обрюхатит,
по барашковым волнам корабль укатит,
и Европа уплывает, как корова, Мериме и Захер-махер.

Песня с рефреном: май 2008

Всегда надо что-то купить,
то лимоны закончились, то чеснок,
то зубная паста выжата,
тюбик уже комок.

А если ты бедный,
живи без лимонов, без чеснока,
и если есть ещё у тебя еда,
чисти зубы пальцем с водой после еды,
потому что врач не принимает без денег.

Не рассчитывай, прошли старые времена
доброты-дешёвки, то есть добра и зла,
как у Крылова, ты его стрекоза, прилетела от Лафонтена.
Так что если ты бедный, пеняй на себя,
и если больной, пеняй на себя,
а если ещё и старый, пеняй-пеняй на себя.

Песня дня рождения: 24 мая 2008

Лентяйничаешь. Прозябаешь.
Тишайшим идиотом ловишь
каких-то ангельчиков хмурых,
следишь, как воробьи порхают
сквозь кислородные подушки.

Военно-полевая травка
пробилась в ящиках патронных.
— Что в голове твоей, подруга?
Да не патронных, подоконных.
Балконы садилов висячих
поют воздушную тревогу.

Доверчивость, эндоскопия,
двоих макушка полушарий,
а в них как будто Львиный мостик
соединил завязки жизни
каким-то узелком фатальным,
как будто тех, кем мы и были.

Кантаты и трактаты

The advantage of being a woman artist: no need to feel
the embarrassment of being called a genius.

Gorilla Girls

Поэма: любовная лирика

Пусть я умру, но пусть умру любя.

А. С. Пушкин

Настоящая любовь. Ненастоящая любовь, влюблённость просто. Просто любовь. Не просто любовь, а самая настоящая любовь. Великая любовь. Любовь однолюба: одна и на всю жизнь. Романтическая любовь. Несчастливая и трагическая любовь. Любовь мелодраматическая, сентиментальная, то есть бесчувственная и жестокая. Короткая, мимолётная, легкомысленная любовь, длиной в летний отпуск. Спасительная любовь, для прерывания прежней любви.

Любовь к родине. Любовь к родине-матери. Любовь к матери, дочери, жене, племяннице, внучке. Любовь к отечеству, к начальнику, к подчинённому, к народу, ко всему человечеству и отдельно к его прогрессивным силам. Любовь к природе, к *нашей* природе, к *нашей* культуре и к иностранной культуре тоже. К древним языкам, к литературе, искусству, ко всему прекрасному! К коллегам и к рабочему коллективу, к семье, к соседям, к ближнему своему. Любовь пушкинского времени. Любовь военного времени, походно-полевая, госпитальная, напоследок, прощальная, перед боем.

Мелкая любвишка. Необыкновенная и обыкновенная любовь. Созидательная и разрушительная любовь, мазохистская и садистская. Любовь жертвенная: в подворотне, на лестничной площадке, в вагоне поезда, в коридоре, в сарае, в туалете бара, на свалке, в лесу, у дороги, на пляже, на траве, на пустыре. Мусорная любовь, в подвале, на чердаке, тайная, секретная, позорная, тщательно и напрасно скрываемая, внебрачная и брачная, открытая для всеобщего обозрения. В тюрьме, в лагере, в гетто, на нарах, встояка, в койке, в кровати,

в гостинице, в каюте первого, второго и третьего класса, в лодке не считая собаки, на рыбалке и с милым в шалаше.

Любовь страстная, безудержная. Пассивная, инертная.

Без желаний, без нужд: лишь бы только любовь!

Любовь и власть, любовь и деньги, любовь и жилищные условия,

любовь и отсутствие своей комнаты, любовь и беременность,

любовь и аборт, любовь и дети, любовь и семейная жизнь,

любовь и антисанитария, любовь и болезни, в том числе

венерические заболевания и СПИД. Любовь

геронтологическая,

на старости лет, и любовь с большой разницей в возрасте.

Любовь как классовое чувство и любовь как вкус поколения.

Любовь ко времени и любовь к пространству. Любовь

платоническая и любовь сексуальная. Не любовь,

а привязанность,

не любовь, а зависимость, не любовь, а патология какая-то,

аддикция просто. Любовь животная, плотская. Любовь

европейца:

кончил и фини, отвернулся к стене и спит. Любовь

восточного

человека к процессу, к продлеванию удовольствия,

любовь по Дао:

вообще не кончать мужчине, а удовлетворять женщину,

раз уж природа так её устроила, тем самым удовлетворять

природу,

чтобы ждать от неё милостей мужчине в соответствии

с условиями

экологического баланса.

Любовь бесконечная, неземная, божественная, роковая.

Братская, сыновняя, смертельная любовь. Армейская,

нераспознанная, неразделённая, детская, подростковая

любовь, чтобы вырасти, стать взрослым. Любовь

по долгу службы к вышестоящему, к начальнику, к шефу, к боссу. Академическая, комическая, смехотворная просто, христианская, по сватовству, провинциальная, местечковая. Любовь и многожёнство. Любовь к любовнику и ещё к другому человеку.

Любовь поэта. Любовь коллекционера, филателиста, фотографа, любовь охотника и охотника за приключениями, любовь Дон Жуана, каждый раз стремящегося преодолеть табу желания матери и Эдипов комплекс конкуренции с отцом, любовь, примитивно говоря, всё ещё ребёнка, который всё ещё хочет маму. Любовь как акция завлечения на крючок, любовь нарциссизма, который чужим вниманием подпитывается, а как добился своего, так ему сразу скучно и никакого удовольствия, а партнёрша думает, что это она виновата. Сюда же любовь одноразовая, тех, кто не может с одной и той же женщиной второй раз, боится интимности. Любовь некрофила. Любовь бабника, которому всё равно с кем и для которого преступание нормы, трансгрессия есть героический акт малой кровью.

Любовь покорителя слабых с применением силы, любовь насильника, фантазирующего, что женщина-жертва его хочет. Отечественая любовь в процессе инцеста (и почему они всегда такие верующие, религиозные, не пропускающие службу в храме), и ведь ребёнок хотя и искалеченный, а тоже родителя любит. Одним словом, любовь всепоглощающая, не поддающаяся контролю, собирающая подснежники под снегом, всё сметающая

на своём ходу, выплёскивающаяся через край,
преодолевающая
преграды, анархическая, такой любви всё нипочём:
снял трусы
и встанёт... наш разум возмущённый.

Любовь человека, который любит женщин просто всех,
просто всех сразу. И любовь женщины, которая любит
мужчин
просто всех вообще, потому что все они немножко похожи,
а совершенного ведь среди них нету, а тут всё же есть с кем
в кино сходить. Любовь тургеневских девушек в кружевных
воротничках и в обмороке от перспективы замужества.
Любовь
продажная, по расчёту. Любовь проститутки к сутенёру.
Любовь
с директором, без которой зарплату не увеличит,
любовь автора
к редактору на диване, политом спермой от любви к другим
авторам.

Любовь учителя к ученикам, профессора к студентам,
любовь сравнительная, к сравнительному анализу,
рациональная, рассудочная. Любовь весенняя, неадекватная
окружающей среде: всё расцвело, а я не расцвела. Любовь
лихорадочная, между экзаменами, между баталиями, между
народами. Любовь к белым ночам, к антоновским яблокам,
к зимним видам спорта, к толстым журналам, к имперским
трофеям,
к отжившим формам старой культуры. К гениталиям любовь,
к анальному отверстию, в рот, в ухо, в пуп, в ноздрю,
в подмышку.
Любовь, где женское тело есть поле сражения и где мужчина
есть царь зверей.

Разнообразная, прихотливая, однозначная и неоднозначная,
к вождю или к гению, индивидуальная и коллективная,

фиксация просто на этом предмете. Я так до сих пор
Цветаеву
люблю, хотя ни разу её не видала. Может быть, сразу бы
вылечилась,
а может, это было терапевтическое средство от юношеской
депрессии.
Всё детство промучилась, что люблю её больше мамы, видимо,
она была более на бумаге выносима. Почему, я тогда
фантазировала,
Ахматовой было бы насовсем не уехать, а Цветаевой бы,
наоборот,
остаться, обе бы только выиграли. И тому подобные
случались
подростковые мечтания... Или я думала, что если бы она
не вернулась,
хотя тоже неизвестно, нашлись бы хорошие люди
в оккупированном
Париже: мол, жена еврея и дети её тоже на четверть евреи,
могла бы в Холокосте погибнуть.

Так что любовь. Как сотворение кумира, идеала для
подражания,
от чувства бессилия, от тупика, что ничего изменить
не способна,
ничего из тебя не выйдет, а тут — гений! великие!
вечные ценности,
пока от времени не рассосались. Или другие считают, что это
сексуальная фрустрация, отсутствие других удовольствий.

К страданию любовь, болезненная, чахоточная, мучительная,
«пусть я умру, но пусть умру любя». Туристская, чтобы
согреться,
выжить на перевале, на постое, в палатке, любовь жильца
к хозяйке
и жилицы к хозяину, любовь к служанке, которой деваться
некуда,
не на улицу же с дитём. К артистке Марлен Дитрих в фильме

«Голубой ангел». — Двадцать три раза смотрел и ещё пойду.
— Да она ж лесбиянка! — «Так я ж не спать, духовное

чувство!»

Любовь однополая, нормальная, однополая без патологии,
у всех народов, многовековая. Любви все возрасты,
и всякой твари
по паре, и чтобы жизнь поменять, подсказанная
подкоркой в кризисе,
чтобы адреналин повысился и сексуальное желание
потребности
любви помогло бы выжить. По Брюсову, женщина, любовь,
страсть,
женщина, любовь, страсть... только закрой свои
бледные ноги.

Любовь античная, средневековая, рыцарская,
идиллическая, буколическая и счастливая, как детство
в соцреализме, любовь опять-таки настоящая человеческая,
душа в душу, не замутнённая рефлексией, любовь
и трудовые успехи. Преступная любовь, конспиративная,
свободная любовь, фиктивная для прописки, для получения
гражданства, конструктивная, негативная, маниакальная,
любовь как навязчивая идея. Любовь театральная,
опереточная, цыганская, без условностей, без простыни,
без алиментов, с музыкой, как в ресторане, роковая,
как в опере,
как в кино, как в книжках, как в школе. С первого взгляда.
До гробовой доски. К своему ребёнку любовь, к детям своим
хотя бы любви научиться. В общем, любовь...

Таруса — Нью-Йорк, 1999

Рембо

Lorsque je descendais des fleuves impassibles*.

Радикал, бросил писать в двадцать лет, отказался от поэзии. Временами она неуместна в жизни людей и народов, не только после Холокоста, задолго до Адорно. Издал при жизни одну книжку из девяти стихотворений в прозе под названием «Время в аду». Хочется выделить курсивом *в прозе и в аду*. Занимает воображение историков литературы, критиков, биографов, переводчиков, поэтов и борцов

за права

человека как гомосексуал, как бисексуал.

Все они вместе называли его (неполный список):

символистом, сюрреалистом, шантрапой, жуликом, международным авантюристом, petit буржуа, католиком, каббалистом, атеистом, большевиком, суперменом, мистиком, пророком, фигурой на литературных банкетах.

Отец, как у меня, капитан армии по снабжению, оставил жену с четырьмя детьми, выживавших в дефиците средств и эмоций при помощи железного правила «чтобы всё как у людей». Неоднократно сбегал из дома, возвращали с полицией. Отдали в закрытый лицей в Шарлевиль. Век спустя там учился отец моего спутника жизни, помнил, что в местном баре хранили стол, на котором ножичком было вырезано Rimbaud.

В шестнадцать лет списался с Верленом, послав ему лирическую поэму «Пьяный корабль» — хрестоматийная радость французских школьников. Теперь этот текст вырезан на стене улицы около Люксембургского сада. Появившись в Париже

* Когда я спускался по рекам невозмутимым (В стране бесстрастных рек спускаясь по течению, — пер. В. Набокова).

после франко-прусской войны, стал членом семьи только что женившегося мэтра, который позже, в Брюсселе, когда этот мальчишка задумал его бросить, стрелял в него из пистолета и попал в запястье. Интересно, целился ли так низко, чтобы ранить пишущую руку или другое место? Верлена позже посадили, но не за это, за жестокость по отношению к проституткам. Такая поэзия.

Уехал в Англию учиться международной коммерции, путешествовал, Германия, Нидерланды. После трёх недель службы в колониальной армии дезертировал в Батавии, позднее Джакарта («Был в Батавии маленький порт...»). Вернулся домой. В Марселе познакомился с юношей Юзефом Корженёвским, будущий Джозеф Конрад, возможно, что тот прочитал его стихи раньше других, и не от Конрада ли он узнал, что фатализм —

это разновидность

страха. Опять на Восток, работает в строительной компании на Кипре (прямо какой-то новый русский), потом по экспорту кофе в Адене. Завёл контакты в северо-восточной Африке, в Сомалии, вооружал одного из корольков Эфиопии (это наши! Абиссиния! Пушкин! Под небом Африки моей...).

В последние годы жизни даже преуспевал, досматривал за торговым постом около Аддис-Абебы: вывоз кофе, кож, мускуса и натурально ввоз оружия. В Африке вёл журнал, детальный отчёт в жанре торгово-дипломатических депеш. Сейчас туристы в аэропортах читают его как описание цивилизации, разрушенной империализмом, превратившим колонию в страны третьего мира. История — это хронология (1854–1891) и память об отрывочных фактах биографий некоторых людей.

Опухоль на колене правой ноги, возвращение во Францию, занявшее долгое время. Ампутация. Воспаление
распространилось.

Сепсис, другое предположение: сифилис, заразился
от Верлена.

В госпитале его сестра Изабель записывает под диктовку:
«Я совершенно неходячий, поэтому хотел бы сесть на корабль
в удобное время. Скажите, в какое время меня могут принести
на борт?» — это последнее, что написал. Наутро умер, в 37 лет.

Вопросы для домашнего задания:

1. В чём он сопротивлялся и в чём следовал романтическому канону жизни поэта?
2. Нашёл ли выход, плезир и выгоду в маргинальной жизни путешественника, вдали от родины и литературной тусовки?
3. Легче ли было вдали от родины быть сексуальным меньшинством?
4. Мотивировала ли его неосознанно жизнь исчезнувшего отца и если да, то как?
5. Было ли связано изучение местного африканского колорита с задачей узнать, какие продукты придутся по вкусу в метрополии?
(По-нашему, маркетинг.)
6. Насколько карьера коммерсанта, оплачиваемого отечественной экспансией и колонизацией, позволяла видеть, что случится в Западной Африке?

Ведь никогда не знаешь, какими делами занимается поэзия.

*Произведение на тему: Т. С. Элиот.
Потерянная земля*

Первая мировая. Детство в викторианском стиле.
Послевоенный мужчина в шляпе.
Разглядывает скелет, пытаюсь понять,
не его ли собственный и целы ли кости.

То ли Блудный сын, то ли бедный Йорик,
то ли похвальное старание
слепить Озириса, обожжённую статуэтку,
не отбрасывающую тени в мир иной,
поскольку в пространстве, зияющем вечным,
каким уж там, помилуйте, быть теням.

Рыжеволосая женщина смотрится в овальное зеркало
в спальне и видит свою мать, бабушку, теток и дочь.
Пытается сосредоточиться на чем-то одном
и в процессе прикладывания к волосам букетика
живых стихов символистов, что непростое дело,
чтобы свежими продержались весь вечер, размышляет.
Что, он убеждён, для женщин дело непростое.

Усилия в зеркале, а про себя попытка понять,
то ли она содержанка, то ли любовница
чужого мужа, ставшего по недоразумению своим,
то ли гнусная продажная девка и, слыша его шаги
в прихожей, заводит граммофон.

Разговор не слышен, едва ли он вообще происходит,
поскольку стараются не сказать то, что думают,
прибегают к оговоркам, с хорошей миной, это в стиле.
Главное — ничего не выяснять, это вульгарно,
к тому же можно узнать что-то такое,
чего узнавать не хочешь: что он тоже, видимо,
равнодушен или у него поэт-любовник.

Звуки за окном заглушают их старанья: гудки, клаксоны проезжающих автомобилей, тормоза, задыхается в кашле пешеход под окном с отравленным легким. Выстрелы, — он вздрагивает, — выхлопных трубок.

Регулировщик на углу: перчатки мелькают от рук отдельно, как слова из уст живых тел мертвых. Он лицом — к ней, спиной — к окну, наблюдает все это в зеркале или в бреду. Обрывки слов доносятся, оставляя в тюле воздуха дыры: пикет, пакет, кювет, крокет, банкет, баронет, брюнет, табурет, патруль, пароль, бордель, король, пардон, королева.

Фокстрот, кажется, медленный, голос — тенор. Мужчина выходит за дверь на улицу, становится господином, джентльменом, боится взглянуть наверх, где туша небес подвешена за крюк за загривок, словно это шпион, дезертир, перебежчик, предатель, враг, друг, не пришедший на помощь, а за его спиной солнце садится в лужу крови. Оглядываясь, видит: глупые курицы, прачки предместий выжимают золотые отходы от униформ погибших, выплёскивают в Темзу.

Только он вышел, она начинает ждать то более, то менее напряжённо или с чувством, что, может быть, всё кончено между ними, или даже уже, пожалуй, не ждёт, но в напряжении, в нервной тревоге. То ли ушёл насовсем, бросил, то ли решил, наконец, жениться, то ли на войне сгинул, то ли вышел за табаком ненадолго, чтобы насовсем ненадолго вернуться.

Мужчина пугается стука в дверь, скрипа. Выходит. Входит. Дробь костяшек по мраморной стойке с призывом к утолению жажды, жара, женья в висках, жары, как в Египте или в траншее при артиллерийском обстреле. Не выносит звука капли по цинковому умывальнику, звяканья каски, фляжки, азбучных истин,

топанья шеренги на месте в ногу, шороха веток в саду строевым шагом, шуршанья листьев. Они ему все мешают, как сговорились. Читать не может, заниматься делом. Он одинок, смерть за углом поджидает, как проститутка, ей всё равно с кем, лишь бы деньги. Или не всё равно.

Молчит. Кричать бесполезно, его не услышат. Не пробует, коммуникации разрушены. О, если бы кто-нибудь понял! — вымолвить невозможно, не пристало об этом мужчине, говорить не может, молчит, ненавидит себя за слабость и глупость, как девицу, за трусость, нерешительность и меркантильность — как еврея, за позёрство — как шотландца, за малодушие — как плебея, за отсутствие благородства и силы духа — как варвара или туземца. Презирает, самооправдывается, лжёт и стыдится.

Упирается в ворота кладбища, на котором захоронены гробы с останками рыцарей, гостей заморских, скакунов арабских с именем их владельца, пойнтеров охотничьих, обрывки шёлка, кокарды и портупей, фотографии в медальонах, на которых лица рождённых в последних декадах прошлого века имеют странное сходство друг с другом, как будто они одного происхождения, места рождения, этноса, государства, воевавшие почему-то на противоположных сторонах театра военных действий. Словно все они родственники по крови, семья из одной усадьбы, поместья, деревни, города, землячества, графства. Порода, вымершая постепенно в наступившем веке проявленных сходств и различий, которых он не чуждался. В руке его книжка, исторические анекдоты. Насвистывает на выходе песенку Офелии, говорящую ни о чём или о том, что забыл слова.

16 февраля, 1991

о. Анна-Мария, графство Манати, Флорида

Категория лифчика

В мире ещё не родилось женщины, довольной своей грудью. Одним кажется, что её у них слишком много, другим — что её так унизительно мало, что вообще неизвестно, есть ли. Не знаю, поменялись ли бы они друг с другом, но на этом не кончаются с женской грудью проблемы. Одним не нравится, что грудь их посажена слишком низко, другим, что больно высоко задралась, в гордыне как будто или как будто речь идёт о задранном носе.

Кроме того, относительно груди не иссякла, как в других сферах, проблема формы. Отношение к форме вообще вопрос сложный и глубоко корнями уходит в антропологию, традиции и мифы. Одним грудь их кажется, как у козы, острой, другим — отвислой, как у коровы, третьим — каких-то дурацких луковичных конфигураций или как недоспелые груши, четвёртым — конической, пирамидальной или недопустимо близкой к кремлеобразной форме, или вообще такой слишком округлой, что не помещается ни в какой лифчик. А есть ещё разновидность женщин, недовольных тем, что одна грудь у них несимметрична другой, как будто это детали украшений архитектуры классической, спланированной на чертеже по линейке.

Совсем усложняет дело, когда женщины к соскам переходят. Тут всё им кажется не так, природа им не угодила. В добавление к недовольству величиной и формой возникает проблема с цветом. Одни недовольны тем, что соски у них коричневые, другие — что розовые, и тем и другим кажется, что это может быть неправильно истолковано противоположным полом как признак их повышенной или пониженной сексуальности, что в обоих случаях неизвестно какую реакцию вызовет в воображении мужчины, а тебе потом отвечать

за их воображение придётся. Третьи жалуются, что соски у них бежевые, как туфли. Четвёртые — что очень они просто... очень такие светлые, что их совсем и не видно. А ещё есть группа, переживающая от противоположного, от сосков слишком интенсивных оттенков, ярких, тёмных, прямо шоколадного цвета или цвета вишни, а некоторые, как будто существует некий общепринятый стандарт в этой области, жалуются, что они у них какого-то редкого, не как у людей цвета, фиалкового, лилового, клюквенного или абрикосового. Некоторые женщины утверждают, что они у себя никакого даже самого минимального соска не замечали в помине.

Положим, это было бы ещё не беда и терпимо, но есть одна проблема, к которой не знаю даже, как говорится, с какой стороны подойти: у многих женщин соски имеют свойство торчать, что некоторыми из них рассматривается как выпад или как оскорбление, направленное против женщины со стороны её собственного тела, или как наказание свыше, или личная даже в этом усматривается её неvezучьсть! Эти больше других боятся нескромными или слишком сексуальными показаться, даже пытаются со своим телом, как с врагом, бороться ношением особых, сшитых по заказу, бюстгалтеров на меху, на поролоне, пенопласте, с китовым усом, из кожи, замши, на металлических дужках или с заклёпками.

Иные, но это, мне кажется, уже клинический случай принесения себя в жертву своим идеалам, в жару норовят в пиджаке оставаться, в толстой кофте, в крайнем случае к жилету прибегая как к средству, могущему скрыть эту часть их тела и сосков торчком стояние, отчего носительницам их, женщинам бедным, очень стыдно. И главное для них, опять же, чтобы их не поняли неправильно мужчины, как приглашение к флирту или легкодоступность их тела, как будто мужчина

трудовым процессом не занят и нечего ему больше делать, как только следить за этим мелким предметом. Существует мнение, что эта группа женщин преувеличивает силу соска в природе и проецирует этот плод своей фантазии на ни в чём не виноватое окружающее народонаселение в брюках.

Женщинам свойственно рассматривать проблему груди как некую сверхнагрузку в дополнение к другим женским неприятностям, женским органам, недомоганиям перед, во время и после месячных, к страху беременности, к беременностям, родам, родовым и послеродовым депрессиям, маститам, климаксам, женским болезням, женским консультациям и женским отделениям в больницах.

Замечено также, что у женщин поэтому иные отношения со своим телом, но не в плане получения от него удовольствия, а наоборот, огорчений и отрицательных эмоций.

От незнания можно даже обмануться и подумать, что женщина есть отклонение от стандартов природы, за вершину создания мужчину принимая, словно мужчина здоровяк какой-то неуязвимый, и непонятно вообще, почему умирает.

В общем, признаки собственного пола женщину мучат, словно это их личная неприятность, а не тело, данное им природой не напрасно, так что хорошо бы принять располагающуюся на своём теле грудь и соединиться с нею без сопротивления. Удивительно, что молодые высказывают по поводу своей груди претензий больше, чем женщины взрослые и среднего возраста. А также практически поголовно распространяется паника и паранойя по поводу рака груди, поскольку показатели статистики растут, а не падают, и это не шутка.

Стоит также заметить, что всё больше женщин прибегают к пластическим операциям. Одни её подтягивают, им нравится, чтобы грудь территориально повыше на теле

находилась, возможно для облегчения поисков партнёру или себе, одеваясь. Другие увеличивают грудь в размере, чтобы перестать огорчаться, что тебе чего-то недодали, чего-то важного в жизни лишили, создав вместо женщины на мужчину похожей. Опять-таки всё упирается для них в проблему мужчины какого-то мифического, который будет якобы привлечён её груди размером.

Третьи, наоборот, грудь решительно уменьшают, им размер её не подходит, в их воображении чем меньше, тем изысканней и сексуальней, и, как побочный эффект операции, они надеются, что при быстрой ходьбе перестанет их грудь колыхаться и при утренней пробежке от метро в контору, а также перестанет трястись, когда танцуешь. А то действительно надоело, что на эту часть твоего тела больше всего, как им кажется, пристального внимания обращают, будто ты не человек обыкновенный, а редкий экспонат экзотический какой-то.

Вообще отношения женщин со своим телом нельзя сказать, чтобы любящими были или строящимися на взаимном уважении. Относительно груди, этой частной и конкретной детали женского тела, скорее их можно даже заподозрить в ненависти к самим себе, в женоненавистничестве просто или в том, что женщины вообще своего тела боятся, большинство и понятия не имеет, как их собственные гениталии выглядят, к примеру. Возможно, это отношение они впитали из окружающей среды, в раннем возрасте усвоили, не сознавая, ещё на уроках физкультуры в школе или на пляже, или дома, незаметно переняв от взрослых. Не говоря уже о том, что грудь представляет особую статью расхода, тут есть от чего в наше время огорчиться.

Мы приблизились к тому, что обещано названием, — к категории Лифчика. С таким отношением к своему телу невозможно даже и помыслить, что женщинам может что-нибудь помочь, в том числе

названная часть туалета. В конце концов, это тоже нововведение индустриальной эпохи. Говорят даже, придуманное нашим соотечественником, художником Эрте, оказавшимся в эмиграции в Париже и сделавшим карьеру как дизайнер тканей и костюмов.

Изобретение лифчика, таким образом, мы в полном праве называть достижением российской истории, её образования и вкуса. Модой на русских — иначе как объяснить, что эту пытку ношения лифчика с охотой приняла женская часть человечества. Сначала, разумеется, парижанки, и они же, что парадоксально, первыми бороться начали против лифчиков где-то в шестидесятых и срывать их публично со своего тела.

Приходит момент поделиться тем, в чём мне лично неоднократно признавались отечественные мужчины: что, попав за границу, насовсем или на время, главное, чем они были шокированы, это не отсутствием тоталитаризма, присутствием бананов в лавках или дешёвизной алкоголя, но исчезновением лифчиков с женского тела! Потому что, хотя известно, что это результат понятой нами по-своему сексуальной революции и чуждого нам феминизма, ведь неизвестно, как себя вести в таких случаях мужчине: замечать или делать вид, что ничего такого особенного не заметил, и продолжать светскую беседу. А если с этим сталкиваешься впервые на рабочем месте, когда надо сосредоточиться на трудовом процессе?

Однако наш человек справляется с задачей с честью, никто не умер, приспособились, кто медленно, кто быстрее, адаптировались. Причём где это происходило, на каком континенте, — не имело значения: в Западной ли это Европе, на Ближнем Востоке или в Новом Свете. Так что мужчины тоже мутируют благодаря лифчику и в новых условиях перестают тяжело недоумевать, есть он на женском теле или его нет, и не является ли это со стороны женщины самоуправством, вызовом, бунтом,

попыткой конкуренции, и что всё это значит? Кто виноват? Что делать? Как дальше жить, к кому за помощью обращаться: к братьям по оружию, к правительству или к Богу?

По сравнению с этим индивидуальная проблема груди отходит на второй план, на первый перемещаются общечеловеческие нравственные вопросы: является ли женская грудь предметом дискуссии о правах человека? Я, например, лично знаю одну историческую личность, которая в молодости контрабандой провезла через границу письмо академика Сахарова против ядерного вооружения в собственном американском лифчике.

Или я вот себе пишу, а американский народ в настоящее время возбуждённо обсуждает изменение в законодательстве, поскольку закон всегда есть вопрос принципиальный, разрешившее женщинам-матерям кормить младенцев грудью в публичных местах. Иными словами, обнажение груди на глазах общества, если оно функционально, более не считается преступлением и угрозу общественному порядку не представляет, почему и не преследуется законом и не подвергается наказанию
или штрафу.

Или рассмотрим вопрос пляжа *топлесс*, где тысячи женщин разного возраста, от восьми до восьмидесяти — и все
без лифчиков.

Это как по-вашему, хорошо или плохо? И как это влияет на состояние семьи, частной собственности и государства? И как на воспитании детей эти условия могут отразиться? Или это ни хорошо, ни плохо и не влияет на состояние семьи в обществе и на воспитании детей тем более обнажение женской груди с детства никак не отражается, и не может быть рассматриваемо с точки зрения допущения или недопущения его обнажения, поскольку женское тело есть в природе, причём снабжённое грудью, раздето оно или одето на пляже.

С этим приходится считаться. Раньше на месте женского тела было табу, как будто никакого такого особого тела на свете нету. Довольно долго женское тело показывали в музее в виде совершенства творения образованному классу, видимо, как дополнительный стимул к получению образования. Тело в те времена человеческое рассматривалось как отражение божественного идеала, вечной красоты, мужественности, женственности, абсолюта недоступного, недостижимого. С абстракциями-то управиться легче, а в реальности, когда женился, не с мрамором имеешь дело или терракотой, не с описанием строчками на странице — сразу всё становится иначе, сложнее, с родинкой, с волоском, за иллюзии-то плата дорогая. Так что неспроста женщина своим телом недовольна. В частности, грудью.

Раньше и ножке-то нельзя было показаться из-под юбки, от вида женской коленки мужчина совсем заходился. Бодлер чуть сознание не потерял, сам описывал, сколько было переживаний! Некоторые считают, что тело есть продолжение лица, а у других и с лицом-то своим проблем не меньше, чем с остальными частями тела. А есть и такие, что паранджой вынуждены себя в жару кутать.

Сама я, чтобы не уходить от ответа, принадлежу к тем, кто предпочитает, когда есть возможность, нагишом купаться. Хотя у меня достаточно проблем с грудью, но раздеваюсь. А кто стесняется, смотреть не обязан, может отвернуться.

Дельфы, Греция, 1994

Обзор рецензий на книги о браке Льва Николаевича и Софьи Андреевны

Материалов для понимания, что происходило в их взаимоотношениях, не перечесть. И сами они фиксировали, следили, чтобы ничего не упустить, фильтровали, что предложить вниманию потомков в стерилизованном виде, а что выпустить из виду, чтобы не просочилось, но друг с другом договаривались не слишком точно, не кооперировались, взаимопонимание у них хромало, отсюда создаются возможности интерпретации. Неудобно было высказать друг другу, что каждый думал, боялись обидеть, скрывали, сор из избы не выносили, но в напряжённые моменты, натурально, не выдерживали и, что накапливалось, целиком тогда и выплескивалось.

В дневниках отражена доподлинно каждым, вплоть до мелочей пищеварения и симптомов состояния здоровья странных, вся их жизнь, а также они писали письма друг другу и записки. Их дети тоже писали письма папá-с-мамá и о папá-с-мамá, и потом не останавливались, писали воспоминания и те, кто остались дома, и те, кто жил за границей. А также писали его секретарь, друзья дома, деятели культуры, писатели, поэты, многочисленные посетители, студенты и наезжавшие с визитом проездом, и гостившие в доме.

Отношения в семье были сложными, страсти накалялись и подспудно кипели. Напряжение сменялось разрядкой, спокойствием, благодушием, порой перемежаясь разрывами, истериками, объяснениями. Прослеживаются со всей очевидностью между супругами большая близость и порой страдание от непереносимости этой близости, желание уйти как можно дальше.

Уже ранние биографы писателя замечали этот феномен, называя его закорачиванием

друг на друге, взаимосвязанностью слишком тесной, сковывающей жизнь друг друга. То, что их притягивало друг к другу, и то, что их друг от друга отталкивало, превратилось постепенно во всё усиливающуюся, как аддикция, полную зависимость.

В итоге оба ощущают совместную жизнь как невыносимое страдание, пытку, словно на дыбе подвешенные, в ожидании новой боли. Заметно накопление в огромных количествах взаимного раздражения, обид и унижений, высказанных под горячую руку в оскорбительной форме. Слава Богу, до рукоприкладства не доходило, в отличие, например, от семейства Фета, всё-таки аристократы: граф, графиня.

Все усилия вовлечённых в механизм этого брака направлены на создание ему условий для работы. В это автоматически затягивались все окружающие, как будто у них ничего на уме, кроме: «Ах, лишь бы он писал свои книги», — впутывающее домашних, детей, родственников, знакомых, прислугу. Понимание до известной степени и непонимание друг друга тоже имело место и со временем увеличивалось как то, так и другое.

В старости он записал в дневнике: «Она мне этого никогда не простила». Представьте сами, прямо из церкви с новобрачной в карете по тряской дороге в не близко лежащую Ясную Поляну, и тут-то он её невинности и лишает. Сейчас бы мы это иначе назвали, а тогда она хоть и сопротивлялась, но слабо, не в полную силу, сказать «нет» потвёрже боялась, думала, он опомнится, повременит, поймёт, пожалеет.

Да и как в восемнадцать лет сопротивляться взрослому дяде, боялась, подумает, что она его, мужа, недостаточно пылко любит. Да какая ж тут любовь-то! Мало приятного на сиденье в пыльной карете, в одежде. Для него это было

демонстрацией силы, бушующей страсти и геройской славы подавить сопротивление раз и навсегда. А жить-то потом как вместе, когда у неё ничего, кроме ощущения жертвы...

К концу жизни оба они уже догадывались о том, что способы мышления, восприятия и чувствования у женщин и мужчин разные, и приоритеты, и ощущение себя в конфликте, и подход к его решению тоже различны, а главное, к свободе личной, к соединению с другим индивидуумом и к отъединению от другого, чтобы почувствовать свою независимость, но ещё не формулировали это точно.

Возможно, каждый из них вообще полагал, что есть какой-то один правильный путь. Отсюда их взаимная и каждого по отдельности беспомощность в понимании друг друга: ни представить свои отличия, ни объяснить, и потеря надежды, что это вообще возможно.

Принадлежность к традиционному мышлению вообще различий между людьми не предполагает. Традиция стоит на единстве, на однородности одной масти, вся её добродетель в похожести, в том, кто из одинаковых — главный, и ещё забота: кто над кем поставлен, а мужчина ли, женщина, муж — жена, им без разницы, что в мелочах разбираться. В сходстве-то различия и начинают проявляться, это же по тем временам эволюционный шаг свободного сознания почти что: взять да и согласиться, что мы разные, это же меры какие-то практические принимать придётся.

Женщина тогда сама о себе ещё не писала, как будто говорить самой за себя не было у неё надобности, как бы выразить, какая она, вовсе это было не её дело, а писателя-мужчины только касалось. А может, было ему описывать её сподручней, было у него на это время и место, а её не спрашивали,

и, не спрашивая, как им нравится, её трактовали. Отсюда возникла взаимная мифология, недоумение по поводу друг друга и полная неизвестность.

Собственно, так тогда жили все люди, включая прототипов его романа. Перефразируя его мысль, выразившую по сути одно из долгих коллективных заблуждений, *все несчастливые семьи несчастливы одинаково, каждая счастливая семья счастлива по-своему*, ибо это есть большая редкость, счастье — это тяжёлая работа. Несчастье устроить легче лёгкого, а трагедию и подавно, она вообще без усилий происходит, взял, к примеру, да и совсем спился или жену ножичком прирезал.

Это ж лучше, думали оба, болезненных вопросов не касаться, не трогать — образумится, а в душе кипело. Да и как их не трогать, когда они суть жизни, плюс деньги, которые, как некоторые уверяют, часто рассматриваются как эквивалент эмоций и доверия друг к другу. Уж тут сословие не выручит, жить-то надо *на что-то* и детям оставить. В этом браке делались искренние попытки движения навстречу друг другу и ложные шаги тоже, закончившиеся разрушением друг друга, его уходом и смертью, что, впрочем, в таком возрасте не редкость.

Не имея намеренья упрощать, в одном согласимся, как подсказывает здравый смысл и жизненный опыт: кто такой или более или менее сходный брак не испытывал? Другое дело, не каждый умудрился описать его столь художественным образом. Интерес к проблеме перерос рамки русской литературы, славистики, теории романа, типологии реализма, психологии творчества, социологии семейной жизни, антропологии и многих других предметов гуманитарного знания.

Разумеется, это случилось не потому, что брак стал осознаваться людьми

как насущность, испытываемая ежедневно каждым. Напротив, эта форма отношений меняется довольно сильно и продолжает, но замечено, что войны и прочие неприятности среди людей начинаются в семье, прививая в детстве поведенческие нормы и показывая примеры этих норм нарушения. Отсюда проблематика брака как-то связана с наступившими впоследствии историческими событиями в этой отдельно взятой стране, так что неплохо было бы понять, как именно это происходило.

В конце жизни, перевоплотившись в действительности как бы в собственного героя и как будто предлагая читателям очередную главу романа, слегка потрафляя представлениям о себе как о великом эксцентрике и тем самым удовлетворяя общественным ожиданиям, но также и в порыве отчаянья к свободе из сущего ада семейной жизни, который он наполовину сам создал, не без эффектного нарциссизма он исполняет красивый конец.

Тут всё по-настоящему, литература такого не может себе позволить. Пружина драмы, однако, та же: исключительная личность, романтический бунт и вызов, наказание, отмщенье, а её — их всех! — оставить мучиться до конца виною. Но нельзя снимать с учета предположение, что есть люди с болезнью Альцгеймера, неудержимо стремящиеся уйти из дома, в результате чего часто погибают.

Плюс опять-таки дети, воспитанные в обстановке благоговения перед отцом, он гений, великий, мыслитель. Ахматова, не будучи его дочерью, взяв на себя смелость, запросто его дураком называла, а своим-то детям послушаться невозможно, ни спрятаться от нотаций, от нравоучительности его постоянной, от давления отцовским авторитетом.

Это, утверждают биографы, обычная картина семьи в то время, когда женщина

ещё не зарабатывала. Существует даже предположение, что революция, произошедшая семь лет спустя после его смерти, была бунтом детей, подавляемых с рождения, не наученных проявлять желания, отстаивать свои интересы мирно, конфронтировать спокойно, то есть это была волна ярости против отцов как носителей вертикальной иерархии социума вышестоящих.

Итак, в Штатах в последние годы вышли четыре книги: Луиза Смолуховски «Лев и Соня: история брака Толстого», А. Н. Вильсон «Толстой», Джей Парини «Последняя остановка: рассказ о последнем годе жизни Толстого» и самая среди них компилятивная В. Шраера «Любовь и ненависть».

Собрав воедино мнения авторов по прочтении этих книг, складывается картина, что Толстой Л. Н. был личностью чрезвычайно уязвимой, содержащей в себе сложное переплетение болезненных, внутренне конфликтующих клубков, первым доказательством чему является тот факт, что смолоду ему была свойственна фиксация на появлении любой юбки, из простонародья или представительниц света.

Причиной этому являлась не повышенная, как считалось в дофрейдовские времена, сексуальность, а нераскрытый и неизжитый конфликт отношений с матерью. В случае Л. Н. это подтверждается характерной его сословию в раннем возрасте оторванностью от родительницы и подчинённом положении её суррогата — няни, для которой главное: лишь бы барыня были довольны.

Об осознании этой фиксации говорит его попытка бороться с самим собой, будучи в браке, способом воздержания, реальной причиной чего были беременности жены, но что в жизни вызвало принятие им обета и произвело такой подъём самоубеждения, что он начал компанию публичного

морализирования по этому поводу, создал учение и проповедь воздержания во всем обществе.

Отмеченная авторами неслучайность физиологически точно переданного ужаса в эпизоде из «Детства» о мальчике, которого били, приводит их к предположению, что ему самому в детстве приходилось наблюдать жестокости по отношению к тем, к кому он был привязан, на попечении кого находился и с кем, в силу этой близости и своего тоже субординирующего положения родительской воле, идентифицировался: с их страданием и болью. Речь идет о нередких в те времена телесных наказаниях слуг.

Авторы отмечают невозможность вырасти в обстоятельствах подобного детства, почувствовать себя взрослым, уверенным в себе и дееспособным, отсюда постоянная необходимость доказывать свою ценность и зашкаливание неуёмных амбиций, объясняющее многочисленные попытки Толстого в молодости казаться *настоящим* мужчиной, на войне — храбрым офицером, тем самым компенсируя не оставляющее его, словно сосущее под ложечкой чувство внутренней несостоятельности.

Что, в свою очередь, провоцирует стремление к новому достижению, но по совершении его не делает достигнувшего счастливее и лечением от мучительно переживаемых отношений с самим собой не является. Подобная жизнь есть как бы иллюстрация и одновременно толкование никогда не удовлетворённой жажды успеха.

Биографами также подчеркивается крайне болезненная обидчивость Л. Н., плохо выносимые состояния находящегося в постоянном возбуждении мысли мозга, не дававшего ему покоя, плохой сон, отсутствие аппетита, чрезвычайная импульсивность, лёгкость в перемене решений и мнений, сочетающаяся с маниакальным упрямством, даже догматизмом,

азартная натура игрока, страстное желание, особенно в молодости, победить в споре, доказать, кто прав.

Уделяется должное внимание эпизоду, когда он обратился с угрозой к Тургеневу: «Я дам вам в рожу», — в присутствии Фета, а также описываются его проблемы с юмором и ощущение себя святым, никогда не сомневающимся в своей правоте, борющимся со всем несправедливым светом, часто обращающееся псевдопророчеством.

Авторы разделяют мнение о том, что надо, тем не менее, отдать ему справедливость, ибо он был одним из немногих в России представителей правящего класса, пытавшихся хоть что-то предпринять и повлиять на ситуацию, сложившуюся в отечестве. Косность империи, инертность, неспособность правительства сделать выбор, принять решение, отсутствие либеральных реформ и экономических льгот для нуждающихся в них слоёв населения произвели события невиданного до того размаха долгосрочного террора.

Опущение, в котором наряду с демократическими идеалами и чаяниями справедливости авторы усматривают некоторую зависть утомлённого аристократа к отсутствию формальностей в жизни крестьянина, они связывают опять-таки с его личной незрелостью и с ностальгией по детству.

Внутренний конфликт писателя, накапливавшийся годами, проявился в том, что, не находя никакого рационального выхода из проблем семейной жизни и ощущая жизнь, которую ведёт, как саморазрушение, он приходит в такое отчаяние, что радикально отказывается от всего им содеянного и публично обвиняет свои произведения во всех грехах человеческих. Возможно, такую форму на подсознательном уровне принял импульс самоубийства.

Было бы неверным истолковывать этот конфликт двойственностью его характера или

проявлением эгоизма раздражительного писателя, считающего, что его труд, состояние духа и правота — хотя близкие постоянно пытались его в этом уверить, — важнее всего окружающего, в том числе его домашних. А на другом конце — бросающегося в другую крайность: в самоуничужение. Не стоит также объяснять его действия ложностью отношений между супругами, такой подход устарел и неадекватен.

Исходящее из уст человека, неспособного практиковать по отношению к близким ничего сходного с любовью хотя бы в минимальных количествах, призывание общества к братской христианской любви свидетельствует, по мнению авторов, о его бессознательно-остром желании, чтобы его любили. Помимо ситуации его детства, это говорит о том, что для живущего в атмосфере мелочной враждебности и ежедневных взаимных обвинений эта христианская любовь была поиском позитивной эмоции, могущей спасти в первую голову его самого.

В этом плане жизнь его не слишком отличалась от героев его главного конкурента, Достоевского. В силу происхождения и воспитания он умеет подавлять в себе то, что в третьем сословии прорывается наружу скандалом, криком или принуждением силой, но жить-то ему от этой сдержанности не легче. Подавляемое искало выхода и рано или поздно, так или иначе его находило.

Что касается его жены, то начало её брака было нерадостным, если вспомнить данный ей на чтение дневник жениха, посчитавшего за необходимость исповедаться ей, восемнадцатилетней девственнице, в прежних утехах холостой жизни. Видимо, это вообще русская мужская традиция, Ахматова опять-таки вспоминала, что только Модильяни, человек западный, такими признаниями её не мучил.

Будучи мастером самооправданий,

Л. Н. говорил себе, что хочет быть перед нею честным, вернее, «чистым», как бы соответствующим символически со своей стороны требованиям целомудренности женской. Культ чистоты именно тела — это причудливый миф, исправно служащий своим целям. Интересно при этом, что жених воображал, будто чувство вины и греха у него совершенно индивидуально и не связано с церковной догмой. Не говоря уже о том, что для греховных признаний и очищений в его времена существовали куда как более подходящие и компетентные лица.

Можно интерпретировать этот факт как попытку с самого начала подчинить невесту, что было единственной известной ему формой отношений, продемонстрировав ей сразу две вещи: кто тут главный и что она не столь уж незаменима, были и другие и немало, чтобы не воображала. Как ни смягчай, по отношению к невесте это явилось акцией оскорбительной, чистым садизмом, облечённым в праведные одежды.

Возможно, с его стороны это было желанием полного и безоговорочного обладания ею, вовсе, между прочим, с того первого раза не сопротивляющейся, как бы захватом добычи в силу принятых тогда норм поведения или просто средством удержания на всякий случай, старым знаниям доверяя, памятуя архетипы, ведь и у греков жены иногда с чужими мужьями сбегали.

По мнению некоторых биографов, это было некоей проекцией, построенной на его, лишившегося матери в два года, внутреннем опыте потери, на страхе опять лишиться, проявляющемся острее всего у покинутых детей иногда в качестве импульса патологического собственности, а в некоторых случаях с обратным знаком: безудержного мотовства и разбрасывания средств на ветер.

Возможно, он оправдывался перед собою тем, что тот дневник был в первую очередь фактом литературы, и невеста, предположительно, если не дура, должна была бы это понять и художественным описанием восхититься, так что он не рассчитывал на её столь непосредственную бурную реакцию.

Тут мы подходим к важному различию между ним и его молодой женой, для которой не было существенной разницы между жизнью и литературным фактом, не воспринимала она литературу отдельной субстанцией, над реальностью стоящей, а хотя и иной, но законной частью жизни.

Мы не станем и пытаться размышлять, чего стоило ей, находившейся в шоке, её прощенье, понимание, слёзы. Всё это оказалось началом приношения себя в жертву, заведшим мотор садомазохизма, двигавшего их брак долгие годы. По наблюдениям специалистов-профессионалов, это наиболее крепкая форма отношений.

В начале их супружества, многим казавшегося безмятежным, Софья Андреевна переписывала его произведения, не щадя глазок и ручек, как будто, обжёгшись в начале, хочет знать всё, что он пишет, чтобы не дать возможности возникнуть между ними секретам, поскольку доверие её к нему порядком подорвано.

Она скрывает это даже от себя, невольно бессознательно блокирует, прибегает к естественному самообману для избегания неудобных вопросов, не идёт до поры до времени навстречу грустным мыслям, снаружи супругу создавая условия, способствуя быть великим. Как будто нет для неё самой занятия поинтересней, чем чернильная эта муторная переписка. Это вам не книжки читать, хотя бы и мужа даже, согласитесь. Как-то же раньше он без её помощи обходился, переписывал сам, управлялся.

С самого начала она сделала эту общую для молодых девиц ошибку, предложив пользоваться собою и своим временем бесплатно, что не столько к любви имеет отношение, сколько к тому, как барышень тогда учили: быть полезной мужу, содействовать ему в достижении его цели, а своей целью лучше всего поставить идею доказать, что она ему совершенно необходима, что без неё он обойтись вовсе не сможет, втайне надеясь: тогда не уйдёт, не бросит, не заведёт другую, тем самым и себя обрекая на зависимость от его устремлений, и его пытаясь в зависимость от себя, под свой контроль поставить, из одной как бы исходя любви всей душой.

Самой ей это тоже предоставляет свободу не искать иного приложения, добровольно ограничить собственную жизнь, не претендовать на большее, ибо это всегда связано с риском личного провала, а спрятаться за мужнину спину и не пытаться как-то иначе состояться, чем в роли супруги. Старый этот трюк был принят ими ваимно и безоговорочно в силу традиции, как бы по наивности, но последствия не замедлили проявиться.

Софья Андреевна, когда появились дети, не смогла, естественно, продолжать на него работать более. А он, как человек не самый в семье взрослый, и к тому же ревнуя её смертельно: не о нём теперь заботится, а о ребёнке! — посчитал её открытый отказ оскорбленьем, неуважением к его труду, разочарованием в его сочинениях, то есть, в нём самом! предательством! Как знать, какие его голову населяли химеры.

Прошло меньше года, а ожидания, связанные со счастливым в его представлении браком, померкли. Да и расходы увеличились вдвое: во-первых, пошли дети, во-вторых, потерял бесплатный переписчик, к любому не обратишься с улицы гимназисту, нужен человек грамотный с глазом и пониманьем,

который бы автору внимал с благоговеньем, не выказывая недовольства, когда в сороковой раз черновик велит исправить.

Зрелые годы их брака документированы полнее, он приобрел всемирную известность за годы их совместной жизни, поскольку на постороннее не отвлекался. Дом, жена, дети, есть чем гордиться, семейная жизнь повышает самооценку, придаёт солидности, прибавляет уверенности в завтрашнем дне, и вообще зрелость, стабильность, что говорить, крепость! С ней как за каменной стеной, есть на кого опереться в трудную минуту писательской жизни, навела среди слуг порядок, и обед всегда вовремя подаётся, и гости ходят. Даже кино о нём в поддёвке снимают, как он косит, и она тут же с кувшином семенит рядом, принесла графу воды напиться на сенокос в поле.

Детьми она занималась, разделение труда сплошное: он творит великое искусство, а она всё остальное — жизнь, что в прежней шкале ценностей называли почему-то «мелочи быта», пустяки, не стоившие увековечивания. Иногда он из её дневников переписывал целыми страницами и без изменений так и вставлял в романы, и, слава Богу, хватало средств на прислугу. Но его причуды! А предание анафеме сколько ей слёз стоило и мигреней! Так что и её мечты о счастливом замужестве, в её представлении, с интересным человеком, тоже почти что с самого начала потускнели.

Всё-таки что-то удерживало их вместе, они нуждались друг в друге, хотя желание порвать, разъехаться, в разные моменты разной силы, тоже присутствовало постоянно. Также как и борьба каждого за себя, за независимость друг от друга в рамках семьи заметна у обоих, и демонстрация силы по пустякам между супругами нарастала. Как эти тенденции распознавать, как научиться иметь с ними дело,

это и сейчас неочевидно, а тогда тем более казалось: души человеческой потёмки.

В одной оксфордской энциклопедии написано, что Толстой происходил из немцев и что его дед или прадед из колонистов получил титул за невероятно успешное ведение хозяйства. Это многое объясняет, да и какой русский барин пойдёт пахать в поле или женится на дочери немецкого врача — структура семьи дольше всего в этносе сохраняется, так что это убеждает и объясняет близость супругов. Или возьмите «Севастопольские рассказы», там как встретится немец, так великий писатель просто не может не отметить какой-то изъян, что-нибудь мерзкое физиологически и физически отвратительное, икры ног немецких ему не нравятся, просто взрывается от злости, такой ненависти к самому себе поискать.

В этом браке шла подспудная, вероятней всего, неосознанная борьба за власть. Началось это с того момента подавления её сопротивления и дальнейшего её показа готовности к беспрекословной субординации, что было воспринято им как должное. А выросши-то во взрослую хозяйку дома, как от этого подчинённого положения избавиться, как это изменить и исправить, было ей непонятно.

Взаимное желание подвинуться, уступить другому дорогу прослеживается тоже, только не тогда, когда это другому необходимо, и каждый почему-то полагает, что может читать мысли другого и угадывать, что ему надобно, и натурально ошибается, а ведь каждый хотел как лучше.

Намерения и поступки они заранее не обсуждали, не обговаривали друг с другом, подчас очень даже тщательно скрывали планы свои друг от друга. Заметив, что схожая динамика отношений свойственна традиционным бракам, авторы биографий каждый по-своему рассматривают, какова специфика семьи Толстого.

В зрелые годы супружества Софья Андреевна представляется увядшей и без особых посторонних интересов, кроме детей, дома и его здоровья. А кто бы, интересно, не увял от такой жизни, да и всё увеличивавшаяся полная зависимость от него, блузу новую сразу заметит укоризненным взглядом. И дети выросли, и всё больше требуется им средств на существование. Это даёт биографам разгуляться на предмет баланса агрессивно-пассивного синдрома во взаимоотношениях в семье Толстого.

А любовь, что же, конечно, даже наверняка они любили друг друга, только ничему эта любовь не помогает, когда один подчиняется другому, а чаще научается делать вид, больше только претензий друг к другу и друг от друга ожиданий каких-то несбыточных, и попытки спрятаться за эту привязанность, как за ширму, и ничего неприятного не замечать вовсе. Замечено, что именно таким способом легче всего от любви переход к ненависти происходит.

Лев же Николаевич, наоборот, в конце жизни жил и писал чрезвычайно активно, привык женою пользоваться как подпитывающей батареей для разжигания его интереса к жизни. Так уж повелось с самого начала, с восхищённого талантом писателя её взгляда. Теперь-то она другим способом ему энергию отдавала, спозаранку, как на зарядке, ещё в спальне, с утренней размолвки начиная или с тяжёлого молчанья. Потом всё у нее из рук валилось. Нервы. Соли. Виски натереть лавандой.

То, что уровень творческой энергии Льва Николаевича поднимался с утра даже в старости удивительно успешно, объясняется, видимо, включением неиссякнущего эдипового комплекса, провоцирующего самоутверждение за «её» счет, питающего на короткий срок победоносную уверенность в себе и мужские амбиции.

Он входил в кабинет раздражённый, полный сил и оттого довольный. Конфронтация

с женою его заводила, просыпался в нём боевой дух к петушиным военным действиям. Неостановимый поток её нервной речи, всё, что она в молодости ему смолчала, нескончаемо-красочные её упреки подсказывали ему мысли о том, куда повернёт диалог в романе, и основательно упрощали работу над развитием сюжета. В конце жизни у него участились моменты воображения себя мучеником, святым и праведником.

Это опять-таки, как отмечают авторы, обыкновенная картина развития столкновения интересов в семьях традиционного типа, особенно при столь ощутимой разнице в возрасте. Нарастание конфликта взаимоотношений, где власть и зависимость, привязанность и неудовлетворение сплавлялись в неудобоваримую кашу, и не делались попытки посмотреть на них по отдельности. Это и сейчас кажется рискованным испытанием для эмоций, а для других так наоборот, без этой ревизии, без узнавания, где злаки, где плевела, без отделения их друг от друга нет возможности для продолженья.

Софья Андреевна постепенно превратилась в хорошо исследованный психологический тип, известный в начале века под названием «истеричка». Окончательно потеряв доверие к мужу и зная, что замышляет против неё и детей недоброе, по миру пустить их хочет, она стала подозрительной, предполагала, что он состоит в гомосексуальной связи с секретарём, и контролировала каждый его шаг, а он соответственно всё более отъединялся, отгораживался, замыкался, пытаясь платить ей тем же. Но сейчас я думаю, что это усиливались симптомы старческой деменции и Альцгеймера.

В доме-то она была главной, этой-то территорией она единовластно управляла, всё тут её руками делалось: ни воды спросить чтоб подали без её ведома, ни кофе, мериться силой за сферы влияния было ему невозможно. В конце жизни

он стал догадываться, к чему это разделение обязанностей: мне — кабинет, тебе — детская и кухня, — приводит.

Она его как бы в конечном итоге переиграла, перехитрила, победила, это было уже не исправить. Оба шпионили друг за другом и оба же чувствовали себя под перекрёстным надзором, несвободными, одинокими в собственном доме. Вот чем он более всего тяготился! Напоминанием ежедневным, возвращением словно в детство в чужом доме, его посещало желание вырваться, всё более неодолимое, стала преследовать мысль о побеге.

В ней же прогрессировала неоправданная подозрительность, страх потери, желание удержать его рядом, и состояние, права, собственность, — граничащие с безумием и замешанные на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он не оценил её жертвы. И у неё тоже участились фантазии ощущения себя мученицей, святой и праведницей.

Все четыре автора в разной степени применяют психоаналитический и гендерный подход к анализу отношений между...*

** На этом обзор рецензий обрывается. Примечание: он умер на 82-м году жизни довольно далеко от дома.*

Комиксы на этнические темы

Мою мать звали Саррой,
но отца звали не Авраамом.
Мои родители не были Авраамом и Саррой,
но по рождении всё равно евреями оказались.

Такой народ имеет место в природе,
проживает в стране прародителей и в разных других
странах на карте, отсюда широкий спектр различий
внутри самого этого народа.

Мой народ имеет своих предков,
семьи, детей, родителей, внуков и других родственников,
Старый Завет, его толкования, религию, предметы культа,
книги, историю, хронологию, коллективное бессознательное,
коллективное сознательное, стадное чувство, пол и возраст.

Некоторым присуща
повышенная ранимость, болезненный индивидуализм,
всем и каждому без исключения как родовой признак
свойственно мышление травмы, большой скептицизм
на предмет собственного этноса, распространяющийся
на самого себя; наблюдается также сопротивление
феномену принадлежности и в то же время
неудержимое желание принадлежать.

Имеет место склонность
преувеличивать свои комплексы неполноценности,
они же превосходства, и их тоже преувеличивать,
казаться себе хуже других, казаться себе лучше других
и казаться себе совершенно такими же, ничем
не отличающимися от других. В домашних условиях
и в социальном поведении случаются проявления
сострадания, великодушия, мазохизма
и обратной ему крайности — садизма.

Некоторым из нас свойственны религиозное чувство, мифологическое мышление, суеверия, предубеждения разного характера, а также относительно собственного и чужих народов, и особенно по отношению к власти: некоторые из нас, евреев, склонны считать её всемогущей и ждать от неё чудес прямо или в ней пытаются сами практиковаться, упражняться в действиях с позиции силы, а некоторые склонны считать её, власть, совершенно ни на что хорошее не способной, и стараются всеми силами держаться от неё подальше, большинство же народа располагается между ними. Но есть и совершенно свободные от предубеждений.

Есть среди моего народа и такие, которые совсем ничем не интересуются, даже политикой, демонстрируют узость взглядов, косность, консерватизм, фундаментализм, патриархальность, газет не читают, новости не смотрят.

Есть настроенные мистически и ложно-мистически, есть подозрительные, есть фаталисты, во всём им видится «Судьба», «Провидение», «Фортуна», а есть такие, которым фатализм ненавистен. Есть верующие, а есть ни во что не верующие, ничего для них святого.

Есть среди моего народа интересующиеся всем на свете, без международных новостей заснуть не могут, широких взглядов, открытые к новому, способные к изменению, психологически эволюционирующие.

Есть циники, а есть те, для которых цинизм, особенно интеллектуальный, непереносим, нетленное называют нетленкой, великое величкой, духовное духовкой, вечное вечкой, как будто говорят на другом языке и иностранными тоже владеют.

У большинства заметна приобретённая в ходе истории острая чувствительность к опасности, переходящая у некоторых в отчаянное бесстрашие и полное отсутствие здравого смысла, иногда переходящее обратно в наличие здравого смысла.

Случается среди моего народа нарушение закона, и есть рецидивисты. Есть легкомысленные, легковёрные и наивные. Некоторым свойственно крайне преувеличенное чувство долга, личной ответственности и чувство благодарности. У иных представителей нашего народа начисто отсутствует чувство долга, личной ответственности и благодарности.

Есть среди евреев люди, злоупотребляющие силой в кругу семьи, физически оскорбляющие постоянно жену, мужа, детей, тётцу, тестя, свекровь, шурина и невестку, а есть такие, которые мухи не обидят, голоса не повысят, а есть крикливые больно, совсем тихим голосом пользоваться не умеют, а есть разговаривающие нормально.

Есть среди евреев картавящие, шепелявящие, грассирующие и не выговаривающие определённые буквы алфавита, есть заикающиеся и есть дикторы радио и ТВ, есть режиссёры театров. Есть среди нас гомосексуалисты и лесбиянки, есть усыновлённые и удочерённые, есть бездетные, есть сироты, есть больные и здоровые, есть медсёстры, врачи-терапевты, врачи-специалисты, зубные техники, есть пользующиеся народными методами лечения и к врачу не показывающиеся годами. Есть старики, подростки, дети и неимущие.

Среди нашего народа есть случаи инцеста, изнасилования, алкоголизма, наркомании, и есть другие формы аддикций: игроки, люди,

систематически переедающие и страдающие ожирением, язвенники, кожа да кости, желчные ипохондрики, курильщики, дон-жуаны, некурящие, непьющие, верные мужья и жёны, и есть разного рода преступность.

Есть образованные и необразованные, коррумпированные и неподкупные, есть с абсолютным слухом и которым медведь на ухо очень сильно, есть девственницы и девственники, есть инвалиды 1-ой, 2-ой и 3-ей группы, есть пенсионеры, есть персональные пенсионеры, но их осталось в живых немного. Есть военнослужащие, солдаты и офицеры, герои и ветераны Великой Отечественной и Афганской войн.

Есть среди народа моего очень талантливые, особенно дети, среди них случаются вундеркинды, есть домашние гении, домашние деспоты, домашние хозяйки, домработницы, няни, домоуправы, домоседы и те, которых хлебом не корми, одно у них на уме: гулянья, праздники, веселье, кино-театр, светские развлечения или туризм с палаткой, или путешествия каботажные и за границу, а есть такие, которым лишь бы найти ложбинку, прилечь и загорать на солнце.

А есть которым вовсе ничего в жизни не надо: дом, работа, дача, садик-огородик, внуки. Есть рыболовы, им лишь бы прудик, спиннинг да правильная наживка, а есть которые подлёдный лов предпочитают, а есть грибники заядлые, чуть свет забрежит, уже собирают, есть и такие евреи.

Есть среди моего народа сачки, лодыри, фраера, фармазоны, а есть работяги, не сидится им без дела, всё пилят чего-то, ладят, починяют. А есть которые вечно с книжкой, всё наизусть знают, обёрнутые в цитаты.

Есть проститутки обоего пола и есть те, кто пользуются их услугами, а есть вообще неспособные к науке, а есть

к науке способные, но совершенно неспособные к искусству, есть доценты и кандидаты, математики и высшие математики, а есть с синдромом дауна, и ещё очень много инженеров широкого профиля среди моего народа, даже, мне кажется, слишком, и есть хорошие семьи, но и в них случаются эксцессы, перемены в жизни, и конфликтные ситуации дома и на производстве случаются тоже.

Среди нас, евреев, есть лыжники, альпинисты есть среди народа моего, байдарочники, любители парусного спорта, футбола и бокса, есть артисты, певцы, певицы классические контральто и эстрада, клоуны цирка, акробаты, жонглёры, учёные, токари просто и токари высших разрядов, фотографы с частной студией как чистое искусство и с лабораторией для проявки и увеличителем, а есть у которых «Фотография на паспорт».

Есть частники и надомники, кооператорщики и артельщики, рестораторы, реставраторы, хлебопёки и кондитеры, сапожники, электрики, техники по ремонту пылесосов и домашнего оборудования, скорняки, настройщики, официантки.

В нашем народе есть женщины, музейные работники, парикмахерши и продавщицы обувных магазинов, профессора ботаники, геологии, библиотекари, библиографы, библиофилы, бухгалтеры, микробиологи, химики и их знакомые.

Есть кудрявые с семитским завитком, переходящим в лысину, есть брюнеты и брюнетки, блондинки и шатены, с волосами прямыми, как палки, и не лежат к тому же, а есть седые и кареглазые, голубоглазые, зеленоглазые и косые, и с бельмом на глазу, есть плоховидящие, слепые, глухие, немые и глухонемые, а есть дальнзоркие, которые ещё пока что, слава Богу, без очков читают, есть носатые, длинноносые, горбоносые, со сломанными или

искривлёнными носами и с носом картошкой, пуговкой, уточкой и курносые.

Есть высокие среди моего народа, а есть низенькие и среднего роста, есть ширококостные, есть хрупкой комплекции и тоненькие, а есть которым уже и врачи даже советуют похудеть, а они всё не худеют, а всё время немножко поправляются, и есть мужчины и женщины в среднем весе.

Есть в нашем народе обрезанные и необрезанные, есть бывшие члены и настоящие члены, и есть такие, которые ни за что бы в КПСС не вступили, лучше в ночные сторожа, в лифтёры, в кочегары подаваться, на Севере работать, а есть бывшие работники органов и бывшие международные шпионы, есть доносчики, а есть такие, которые ни за что бы сексотами не стали, лучше сразу повеситься, есть евреи с профессиональным образованием, есть преподаватели ПТУ, детских домов, средних школ, садиков и ясель.

Черты, присущие нашему народу: самодовольство, самоедство, самоуверенность, самоуничужение, самостоятельность, самодостаточность, саморазвитие, самопал, самокритика, самоубийства, самообладание, самовлюблённость, самостийность, мудрость, глупость, дегенератизм просто и дегенератизм, пропагандируемый официально, щедрость, меценатство, скупость, любовь к искусствам, просвещённость, невежество просто невероятное, отчаянное, полнейшее, зоркость, слепота, тупость к визуальному восприятию, серьёзное отношение к эстетическому развитию, желание жить на хлебе и кефире духовной одной пищей, отсутствие каких-либо духовных интересов, интересы только собственного желудка, кармана и гениталий или к накоплениям и ценным бумагам.

Есть среди нашего народа, говорят, миллионеры, а есть средний класс, есть бездомные, нищие, стоящие у синагог и в других общественных местах с протянутой рукой и в очереди к котлу благотворительных кухонь, а есть добровольцы, которые этот суп варят и дежурят на раздаче у благотворительных кухонь.

Большей частью нашего народа утрачен язык праотцев, песни и пляски, национальная кухня, религиозное чувство, чувство общности, единения, сознание общины, национальное самосознание, само-самосознание, самоидентификация: личная, этническая и государственная. Наш народ имеет довольно смутное, часто искажённое и превратное представление о самом себе, к тому же изрядно мистифицированное. За исключением нас самих, весь остальной мир знает точно, что мы, русские евреи, существуем.

Нас принимают во внимание, не принимают во внимание, включают в статистику, нас имеют в виду, принимают в другие страны или не принимают, но никто, кроме нас самих, не высказывает сомнений в нашем наличии, законнорожденности и идентификации, поскольку мы уже есть на свете, как и польские евреи, литовские евреи, французские евреи, немецкие, марокканские, тунисские, алжирские, йеменские евреи, иранские, грузинские, горские евреи — таты, караимы — под вопросом, испанские евреи, эти, правда, уже исчезли, вернее, поменялись за пять столетий, приобрели другие идентификации. Продолжаю: ливанские, сирийские, эфиопские, бухарские евреи, украинские, румынские — более ста различных групп, и среди них мы, русские евреи.

Из двух составных эта идентификация берёт начало, нельзя одну изъять, чтобы другая не пострадала, прежнее разделение *или* — *или* тут не подходит,

тут метод включения требуется: **и** русские мы **и** евреи одновременно, то и другое слилось в нас, перемешано и неразделимо, этническое с культурным. Это недавно такой народ получился, вот бы Пушкин удивился!

При Пушкине-то евреи были — народ древний. Ни рабов у нас, ни аристократов, жил в местечке этнос цельный, однородный, на богатых и бедных только делился. Даже посторонние и то проездом замечали, композитор Мусоргский уж на что язык не понимал, а суть на ярмарке душой прочувствовал: притесняют.

При Пушкине-то жили мы себе на территории Российской империи и были евреи местечка, на идише общались, обычаи соблюдали, теперь-то такие евреи почти исчезли: кто силой уничтожен, а кто выжил — добровольно переехал, а оставшиеся, кто выжил, в других местах поблизости рядышком собрались и возникли, перекочевали из-за черты оседлости целым народом, в новый народ русских евреев, которых ещё не было на свете, превратившись.

В местечке-то прежнем не вдруг двукультурным станешь, препятствия чинились внутри и вне — повсюду, надо было в город переезжать, выправлять бумаги, платить полиции или за ученье, да развитие капитализма нам подсобило. Некоторым, правда, немногим, эта транзичия ещё в старые времена удавалась; к началу века первого поколения народа русских евреев уже несколько тысяч накопилось. Так что русские евреи народ хоть и древний, да новый, возрастом не больше века, три поколения, четвертое подрастает.

Предки местечковые нас бы, впрочем, не похвалили, падшие ангелы мы для них, потерянные в их представлении для народа, а мы, наперекор их ожиданиям, не растворились, а взяли и все целиком в другой еврейский народ превратились.

Подавляемое меньшинство евреев в массовом порядке стало подавляющим большинством мигрировавших учиться, учиться, учиться посредством диктатуры пролетариата, который, чтобы нас окультурить, прибег к старой буржуазной профессуре, а нам только того и надо — всё-таки форма освобождения от уклада еврейского местечка, что привлекательно, согласитесь, переходом в новый тип личной свободы.

В общем, с традицией-то нам порвать удалось, и душой совсем уже было к строительству социализма прилепились и к в тряпочку молчанью, совсем почти что почувствовали себя русской культуры частью, да в этом «почти» все различия и коренятся.

Революция нас, евреев, от нашей традиции освободила, а русский народ — от их традиции, так что каждый из наших народов по-разному революция освободила, совсем было создав условия внутри каждого народа и между народами — для других отношений, только это длилось недолго, до первого террора, погрома, репрессий, войн, до новых миграций, эмиграций, репатриаций.

Так что мы, русские евреи, себя хотя и чувствуем русской культуры частью, но частью маргинальной и неравноценной. Это норматив существования моего народа, свойство его истории, выживания, изменения и сохранения одновременно, нравится нам это или нет, а так уж оно на свете неоднократно в разных частях света происходило, так что не могу предсказать, что будет с нами дальше. Это-то как раз и интересно, хотя и ненадёжно и по положению довольно шатко.

Параллельное сочетание идентификаций вообще не редкость, они намечались до той эпохи, когда различия между людьми ещё не окончательно стёрлись. Это больной вопрос

для некоторых, такой же, как: **Россия — это Азия или Европа?** — и Азия это и Европа, в обе-то стороны света как распространишься, так и сама не рада — переживает процесс изменения идентификации привычной, всё вбирает, впитывает и в себе сочетает.

Так взаимообогащение культурное происходит: мы им рецепт фаршированной рыбы, а они нам — пельменей сибирских или с другого конца — шашлыков кавказских. Нам, русским евреям, характерно, как и многим живущим на территории России народам, обогащённое сосуществованием разнообразие сознания. Было бы со стороны руководящих органов недальновидно лишать государство смешения этого преимуществ.

Забыла упомянуть страхи за свою жизнь у евреев, которые мы, евреи, склонны определять как страх за жизнь детей, то есть переносить своё внутреннее неблагополучие на потомство. Некоторые евреи и неевреи подменяют это понятие, считая, что евреям свойственна неумеренная, неумная любовь к детям, есть даже такое словосочетание «еврейская мама». Непонятно только, почему её дети вырастают такими, как будто их никто не любил вовсе, но очень за них боялся, а это ведь не одно и то же.

Нашему народу вообще свойственны чрезвычайно страхи, что тоже не новость, и я америку не открываю, не потому, что так уж мы пугливы прямо, как лани, чуть что, так срываемся с места, просто опытом преследований научены ждать дурного, что вызывает в равной степени наши от страха за жизнь неумеренные амбиции, мол, знаменитого не тронут, и от этого же очень заниженную самооценку, мол, ни на что не способного скорее всего не тронут, кому он нужен, а и тех, и других трогают даже очень, как только время приходит — почти без разбора, так что незаметным не отсидишься, и на славу нет надежды.

Мания величия и супердостижения евреев, говорят, определялись прежде количеством «гениев», Нобелевских лауреатов, а также несостоявшихся, не прошедших в «гении» и надувшихся от этого, напыжившихся, набычившихся. Иногда это влияет на научные открытия и художественные достижения других народов положительно, а иногда никак не влияет.

Также некоторым из нас свойственна патологическая стеснительность, ощущение, что ты ни на что не годишься, ничего не стоишь, ничего из тебя не получится, ты неудачник, судьбой обделённый. Страх достижения нас парализует, просто ужас берёт какой-то, нет у нас навыка достигать чего-то в жизни, добиваться успеха, ни примера родителей не дано нам, а если и были у них личные достижения, то какими-то способами сомнительными или при власти несправедливой, так что тоже скорее нам от этого стыдно, не порадуешься открыто, и сам забоишься воображаемого своего успеха. Не стать бы, думаешь, слепым от славы, не перестать бы замечать свои недостатки, скорее всего преувеличенные подкоркой, или, боимся, головокружение от успеха нас настигнет.

Есть очень душевные люди среди народа моего, а есть которые лезут не в своё дело, когда их не просят, норовят поглубже в душу бессмертную проникнуть, а есть бездушные, деревянные, пустые картонки, помощи у них не допросишься, не достучишься, а есть душевно здоровые и душевно больные. Говорят, раньше этих последних у евреев было даже больше, сказался на нас опыт преследований, погромов, чисток, уничтожений, изгнаний, срываний с места.

Есть среди нашего народа мнительные, как что, так думают: не может быть, схожу с ума! не дай мне Бог сойти с ума! с ума бы не сойти! — и бечь бегом к врачу на всякий случай. Есть такие среди

народа моего, которые просто любят из профилактики лечиться, осознавать проблемы, постигать, углубляться, а иных к врачу палкой не загонишь: «Никаких у меня, говорит, проблем со здоровьем», — а сам корчитя на кушетке и таблетки глотает.

То ли лекарства теперь улучшились, то ли стресс теперь у человечества повсеместный, жизнь-то на всей планете стала не сахар — не для одних евреев, и не все спинозы, чтобы с этим самым справляться, только теперь среди нас, евреев, психов по статистике столько же, как и у других народов, переживших индустриальную эпоху.

К статистике — евреи это знают — надо с осторожностью относиться, она же не факт реальности, а интерпретация оной и от тех зависит, кто её собирает, формулирует вопросы, проблему ставит и данные обрабатывает, объективности в ней, известно, тем более в еврейском вопросе и, в частности, в проблеме русских евреев, чего себя обманывать, нету.

Продолжаю. Нам, русским евреям, свойственно самообманываться, строить иллюзии, неизлечимый идеализм, и меркантилизм тоже. Надо сказать, обманываться мой народ не любит, больно дорого самообман обходится, и на иллюзии мы не очень-то падки.

Приспособляемость к неприязни нам свойственна, распространяющейся в окружающей среде со стороны большинства, внутри которого и с ним бок о бок проживаем, неприязнь-то эту мы и аккумулируем, из воздуха проникает с детства в подкорку, и начинаем себя неосознанно тихо ненавидеть, подозревать в чём-то нехорошем, презирать, стыдиться.

Но и любим тоже, как не любить-то, иногда как нарциссы прямо до самозабвенья, с самолюбованием, с маньеризмом,

с оригинальничанием во что бы то ни стало, с натурализмом театральным, а иногда очень даже спокойно, преданно, от восторга, правда, не рыдая, ни по этому поводу «голоса крови» общинно-племенного, ни претензии на избранничество, как-то без него обходимся, уж очень ко многому обязывает и в то же время от многого освобождает, всё-таки любим себя, хорошо всё-таки сами к себе относимся, с уважением. Правда, это случается реже, чем хочется.

Нам свойственны парадоксы, привычка к с детства испытываемому дискомфорту быть самим собой, к выработыванию раздвоенной самоидентификации, ко лжи, вынужденной и добровольной, к желанию затеряться, смешаться, сделать еврейство своё секретом, тайной или, наоборот, к желанию проявить великие таланты и прикрыть ими неудобное это своё еврейство, стать известным, добиться признанья.

Взять поэтов, Фета и Блока, и Пастернака — чего только о самих себе, о русских евреях, русские евреи и половинки этих русских евреев не наговорили. И это властители умов! чего же от других ожидать-то. Самим им было как будто непонятно, как из этой истории выпутаться, не позорясь, и что поделать с самим собой, самим собой, самим собой.

Взять христианские мотивы у еврейских поэтов. Тоска ли это, думаю, по мировой культуре, по шкале общепринятых «вечных» ценностей имперских или это демонстрация лояльности доминантной культуре? — теперь это даже неважно, раз эти мотивы гладко в национализм вписались. Лучше бы поэты этому делу неволью так замечательно талантливо не помогали.

Моему народу свойственна забота о чаяниях народных масс, больших групп, оперирование цифрами,

правдоподобными и неправдоподобными, пренебрежение к малому, презрение к обыкновенному, к серости, восхищение великим, «великим самым», «вечным» каким-то, оно нам только и годится, на меньшее мы не согласны.

Нам главное — было бы перед кем преклоняться, вручать будущему вождю-тирану атрибуты власти, которыми нас же потом бы и погоняли, тиранили бы, прогоняли, выдворяли из пределов.

Нам, евреям, как всем преследуемым народам, свойственно оставаться в рамках своего этноса, не смешиваться, не переходить в другие религии, иногда рискуя жизнью, иногда жизнь теряя, и также свойственно во что бы то ни стало смешаться с «высшей расой» и переходить в другие религии, среди которых проживаем.

То и другое связано со своими неудобствами и внутренними конфликтами, и в обоих случаях евреи считают, что делают это по убеждению или из протеста, или это их способ борьбы с плохой властью за какие-то высшие ценности, которых наверху незаметно.

Нам, русским евреям, свойственно нацеливаться на грандиозность устремлений, всё у нас на чёрное и белое разделилось, середины для нас нету: самую лучшую нам подавай участь или судьбу самую худшую, такие мы максималисты, нормальная жизнь, как у людей, нам не подходит, да и где она, нормальная жизнь существует в этом веке для евреев? да и для других народов тоже что-то незаметно, в прежних веках нормальной жизни у человечества было примеров немного, но уж рассуждают об этом бесконечно, прямо как подростки, честное слово.

Взять, к примеру, желание евреев не смешиваться ни за что на свете и желание непременно смешаться

с представителями этнического большинства путём брака, как детей записывать после? в традиционных обществах — по отцу, а в еврейской традиции — по матери, вот вам любовь-нелюбовь, уже причина для развода. Или наоборот, для взаимного компромисса, чтобы узнать, возможно ли мирным путём регулировать конфликты такого рода так, чтобы и мать и отец были б довольны, и главное, дети б выросли, принимая обе свои этнические составляющие как преимущество.

Мы-то сами, взрослые, этому научиться пока что не можем, а в тех обществах, где не требуется больше ничего такого записывать, как сообщить о себе детям и как объяснить им, кто они такие, обогатив их, не обеднив своим примером? нам в России, русским евреям, это самим непонятно, и окружающее большинство не сильно заметно, чтобы прояснению этого вопроса благоприятствовало.

В некоторых странах специальные консультации по этому вопросу существуют, например, кем будут дети ирландца и китайки? Таких от смешанных браков детей на свете много, из них уже какое-нибудь меньшинство вполне можно сформировать или даже большинство, смотря где дело происходит, и опять же, кто считать возьмётся.

Говорят, что несколько миллионов насчитывает этническая группа, состоящая из детей от браков русских и русских евреев, так что вполне можно страну образовать небольшую из полурусских-полуевреев и отделиться, всяко побольше будет страна Люксембурга или Монако, а если включить остальные половинки евреев от смешения с бывшими дружественными народами, а четвертинки? да и представить территориальные требования Думе?

В интернационализме меня не упрекайте или в космополитизме, это прошло уже даже в Париже.

Я и не об ассимиляции вовсе, я значительно уже. Просто теперь, когда не надо записываться в правящую партию или государственную религию и не существует по этому вопросу пока руководящей линии, но существует всегда опасность окончательного решения еврейского вопроса, особенно в периоды экономических трудностей и переходных моментов истории, а она ведь постоянно из одного состояния в другое переходит, а если останавливается, то загнивает, что неаппетитно, — хочется наконец хоть как-то, хотя бы ненадолго начать понимать, как мы себя сами идентифицируем и что о себе думаем, пока не поздно.

Это знание тоже не окончательное, оно поменяется со временем, как и всё остальное на свете, было бы обидно не узнать, кто ты есть такой, и не зафиксировать эту очередную переходную фазу еврейской и человеческой идентификации для себя и потомков, и умереть совсем, такого важного о себе не узнав.

Взять, к примеру, язык родной. По традиции считается — это не еврейская проблема. Интересно, что они себе думали — выучат! а не выучат — не беда, лишь бы знали язык Книги. Мы-то по опыту знаем, в первом поколении мигрирующих тут выбора не существует, иначе давно б я уже на другом языке писала.

Писателям, происходящим из русских евреев, приходилось в прежние времена выбирать, становиться им русскими писателями или еврейскими писателями, и среднего не давалось. Такой был у них выбор: перейти на иврит, на идиш или забыть язык предков — тогда они его знали — и писать по-русски, от прошлого освободившись, перекочевать в другую форму культуры, поменять религию, идеологию, стать конформистом — то и другое случалось со многими в этом веке.

После такого хода событий у нас, русских евреев, очень мало чего осталось от еврейства, прямо музейная редкость, чтобы от этого отказываться, но и сохранить-то тоже проблематично.

Миро- и самоощущение русского еврея от русского человека отличается довольно сильно, вот что меня как поэта беспокоит и заботит как человека и как женщину — становится как-то обидно, сырья-то, материала неопisanного целая прорва пропадает.

Дети-то наши некоторые язык русский ещё кое-как понимают, говорят на нём и некоторые даже пишут, но они переходят в другие, в которых растут, культуры и другие двойные, тройные идентификации в мире умножают. Таких людей на земле рождается всё больше, после войн в Европе, в Азии да бегств от преследований различных, от страха смерти и всяческих бедствий, их уже больше, чем несмешанных и оседлых.

В общем, найти какие-то свойства у моего народа, считающегося в религиозной традиции *избранным*, не характерные другим народам, мне, видимо, не под силу, и завидовать моему народу тоже, мне кажется, совершенно нечему.

Может так случиться, что нас не останется в России. Раньше русские евреи и из мест-то таких не уезжали, а теперь валом валят из Бухары, Сухуми, из-под Чернобыля. Из Грозного всех вывезли, раз — и нету. Даже уже, говорят, в Южной Африке можно нас, русских евреев, встретить. Сами по телику поглядите.

Две инсталляции

1.

Мы сошьём все флаги вместе.
Добровольцы-швей-портнихи
станут шить уютно по-домашнему женскою рукою,
мужики усядутся строчить за машинки,
им инструмент сподручней, трудотерапия
падения победившего социализма.

Мы сошьём все флаги вместе, всех государств,
больших и малых, и маленьких стран, и совсем
самых маленьких независимых островов нейтральных.
И когда всё будет готово, мы разложим их
на футбольном поле в ясный день, чтобы солнце флаги
раскрасило поярче, чтобы облака цвета попригасили.

И болельщиков пустим ходить босиком счастливых —
всей толпою рассматривать швы между ними, узнавая
флаги, те, что знают, а про незнакомые догадаться пытаюсь,
чьи это флаги такие под их стопами, сшитые между собою
так, что не сразу и распознаешь, где какой страны конец,
где начало флага, особенно там, где пришито незаметно
женскою искусною рукою, там вообще непонятно,
а если на машинке пристрочено, тогда понятней:
лежат флаги, и бродят люди по футбольному полю,
и стоят пустые ряды скамеек, как лабиринт,
открытый к обозрению, вот и ходишь кругами,
крутишь башкой, глазами, пока, отвлекшись на что-нибудь
постороннее, не остановишься.

Вот и мы тоже входим, присоединяемся,
участвуем в действии, глазеем на стяги, полотнища,
вымпелы, пальцами ног расправляя складки,
полосы, клетки, круги, звёзды. Львы, кресты, полумесяцы,

листья, лоза, колос — пока наше время не выйдет, когда попросят убрать искусство, потому что пора начаться футболу. Тогда мы этот ковёр цирковой из флагов скатаем, сложим, как лоскутное одеяло, стащим на склад, где спорт.инвентарь хранится вместе с баррикадой флагштоков с наконечниками золотыми, потому что пора приступать к игре: футболистов, болельщиков набежало, да каких сердитых, видно, кому-то не терпится победить кого-то.

2.

Мы возьмём старый будильник и разберём его на части, тикает громко, не даёт ни спать, ни жить при нём, давно всем видом своим надоевший. Винтики, колёсики, стрелки, пружина, циферблат из жести, всё разложим на столе аккуратно, а сами возьмёмся за приёмник. Немецкий, трофейный, у кого сохранился, или «Спидолу»-транзистор и начнём разбирать: мембрану, ручки настройки, отвинтим корпус, дерево, пластмассу, блоки, радиолампы, где надо потрясём — и посыплется, а где надо — не поленимся и проволочку отпаяем.

Вынесем стол со всеми деталями во двор на воздух, пусть проветрятся, подышат, поставим в тенёчек в угол, а сами примемся за велосипед старый, выкатим из кладовки, отвинтим руль, педали ржавые, цепь, седло, снимем колёса с рамы, шины, спицы, и разложим всё это во дворе на асфальте.

Ещё есть дома «Зингер», машинка швейная ножная, тоже никто давно ею не пользовался, занимает место, кончилось время стилиг, девочек клёвых-попсовых, самопала, теперь покупаешь, что дизайнер придумал и масстехнология сострочила. Она неподъёмна, её с трудом выносим, зовя на помощь спутника жизни:

тяжёлая индустрия, боковины с орнаментом литые, навечно украшено, ничего не скажешь, но потихоньку и тут сладим, челнок, лапка, станину — отдельно, ремённую передачу, с помощью разных отвёрток, где-то молотком постучавши, а что не хочет слезать добровольно, срослось душою, пускай так и остаётся, даже интересней.

Вот, задумаешься, раньше, на века вперёд делали вещи, чтобы человека обязательно пережили, который их делал, серьёзно производили, с ними не поспоришь, даже посокрушаешься в душе, что срок их пользования окончился, а разрушить их невозможно.

Тут мысли мои прервутся: ворота открываются, и наш паровоз вперёд лети въезжает, останавливается, пар спускает, здесь без посторонней помощи не обойдёшься, тут профессионал нужен, машинисты спрыгивают с подножки и за дело принимаются разборки паровоза на части. Тут, конечно, инструмент нужен посерьёзней и знаний технических посolidней подготовка, но, глядишь, продвигается: колёса, оси, купе, сиденья, окна в рамах, двери, туалеты, умывальники, полки вагонные, бронзовая отделка, пепельницы с крышками, рожки-светильники, лампы, клаксон, труба для дыма, топка, бак с машинным маслом, ящик для угля — всё во дворе разложим, хотя уже стало тесновато.

А дальше придётся прибегнуть к рекламе, повыступить по радио-Ти-Ви, поместить объявленья в газету, чтобы найти добровольцев, желающих принять участие в проекте. Тем временем позовём ребятишек окрестных, подростков с их рок-музыкой шумной, длинноволосых, пускай порезвятся, попляшут. Это для них визуальный опыт и возможность каждому потрогать, прикоснуться к тому, за что их деды жизнь отдавали,

в тюрьмы садились, а некоторые выживали, тёплую одежду солдатам на чём их бабушки строчили, да диссиденты на какой несовершенной технике «голоса» слушали сквозь глушилки, припав ухом, да под какой звон противный дребезжащий трудящиеся на работу вставали. Пускай молодые тоже почувствуют, чтоб им жизнь наша мёдом не казалась, пускай примут посильное участие в проекте, набросают окурков, бутылок пустых из-под пива, обёрток от жвачки, банок от кока-колы, и наверняка позабудут парочку кассет магнитофонных, шприцов, таблеток, презервативов, всякой их пёстрой дряни.

И тогда, как завет предков, собственной рукою исполню ритуальное действие, выкину с парохода современности из окна или просто вынесу стопкой книжки, учебники, антологии, изданные, чтоб жили вечно на полках в домах и библиотеках, а теперь пришёл конец их вечной жизни, которые здесь временные, как всему приходит земному, стихам, картинкам, так что пусть молодое поколение полюбуется на старую жизнь в образовательных целях, пока не поздно.

Тут машины с цементом подспеют, прежде надо как-то всё это распределить равномерно, сделать каркас, перегородки между всем этим старым хламом, расположившимся довольно хаотично, но не очень о порядке заботясь и о последовательности перетруждаясь. А как эти стенки застынут, приедет новая технология, агрегат с химзавода с трубками гармошкой и дистанционным управлением и зальёт эту коллекцию предметов плексигласом, гладко чтобы на поверхности было и чтобы все детали в прозрачном легко узнавались, какая деталь откуда, от какого механизма, как в историческом музее.

Ведь это тоже визуально скоро устареет, другими заменится материалами, и надо будет когда-нибудь людям всё это

разобрать в своё время. Так что, пока не поздно и пока есть возможность, мы начнём, если, конечно, станет наш двор местом паломничества знаменитым, брать с людей входную плату, билетёра поставим, заведём экскурсовода, откроем своё маленькое дело, потому что поэту в наше время трудно сочинительством прокормиться. Это раньше навечно для будущих поколений писали, в оппозиции к обществу собственному будучи и правительству, и в одиночестве геройском, в отрыве от аудитории, то ли о ней не заботясь и от спроса не завися, то ли читателя в разговор вовлечь надобности не случалось. Да и правительство раньше, хотя и мешало, но и помогало всему этому вместе продолжаться.

А мы, прям чудеса, что случается на свете, топнули ножкой, встряхнулись, одумались и пишем теперь навременно, не навечно, для живых, как мы сами, которые тоже под эти будильники, оттикивавшие вечность, по своему месту жительства проживали, неподалёку от нас или даже в тех же самых квартирах, иногда, как в нашей, человек по двадцать пять вместе.

Так что если ты, предположим, проспал или выходной у тебя честно заработанный случился, и мог бы ты поспать один разок вдоволь, их будильник соседский, хотя это совершенно не входило в его задачу, тебе бы этого никогда не позволил.

А тот, кто эти будильники конструировал научно, технически описывал и запускал в продажу, видно, он не друг был человечеству, а тайный нарушитель спокойствия общественного и порядка, о себе, индивидуалист, думал, не о соседях, с ним весь мир должен был вместе коллективно просыпаться, все соперники его мужчины, все их женщины и дети.

Надписи под калифорнийскими фотографиями

3.Д.

1 — долгий путь нежности,
Великий Шёлковый Путь;
пока восхождение не кончится,
не торопи события и не пытайся
начинать извлекать выгоду по дороге;

2 — что знаю я о любви и что
обо мне любовь, чтобы
на это ответить, к тебе отсылаю
остаток рифм и не знаю, с чем остаюсь сама;

3 — на идущего рядом
снизу взглянув и промахнувшись глазом,
обнаруживаю над его головой месторождение звёзд;
если б такое, думаю, с ним приключилось,
он бы в траве оказался;

4 — Время отодвинулось в сторону,
краешек скамейки уступив; каёмка
циферблата, разъехавшись, соединяется с горизонтом;
мы, как проводники бесконечного бытия,
в антропоморфной оболочке природы;

5 — какой-то внутренний во мне распорядитель
подтверждает: да-да-да-да-любви,
раз получается, плыви в золотистой водичке,
как при подводной съёмке;
дальнейшее не может быть известно,
но неизбежна встреча с ним;

6 — вечное ценит то, что бrenно; и наоборот;
вот почему слиянья душ не бывает;

душа любит другое тело, тянет
в него поводок, а другого тела душа
рвётся в тело это; что-то четырёхмерное,
крест-накрест, словно сообщаемое издалека;

7 — эхо каких-то смыслов аукнулось
где-то в галактике от столкновения двух комет;
солнечные опилки стекаются в сердце;
не просила любви, но она просыпается снова;

8 — как восхождение на гору, когда невозможно
предсказать, что там тебе откроется,
так и путь двух людей друг к другу
и в другие формы собственного сознания;

9 — «сперва, вы знаете ли, так себе холмы...»
пейзаж невзрачен, почва камениста,
невыразителен кустарник и непредсказуемы
вершины, приближаясь к которым, замечаешь:
всё позолочено выпавшим тальком;

10 — мы поднимаемся, а встречное движение
с горы спускается; краснофигурная керамика
потрескавшихся неодинаково, как после
неудавшегося обжига, трёх деревьев;
«Конечно, — отвечает, — три разных дерева:
сосна, сосна, сосна»...

11 — кустик спит как убитый;
дождевые черви хоронят камни;
луч поглощается землёй, как хлебом нож;

12 — пока из вида не исчезнут два облака
в расколоте ущелье, смотрим;
ты говоришь, что «кто-то, на холод вышедший,
их надышал»;

- 13 — пухлый, как тело младенца, воздух;
геральдика листьев, игольчатых лап, орехов:
солнце лежит на озере, как масло;
- 14 — стремление гор дорости до неба и своё —
до взрослого состояния; и ещё желание:
в глаза, где, как на вершине, светят льды голубые,
посмотреть перед смертью;
- 15 — ньютоновская механика вселенной,
внутри которой мы — плашмя, и притяженьё;
стягивающие край одеяла сны,
расплывчатые, как границы отечества,
где наши дома так и стоят поблизости друг от друга;
- 16 — состояние разреженности горного воздуха,
рассредоточенности вершин в пространстве,
размагниченности метафизики речи, ко мне
обращённой: «Так смотрит ленинградская весна»;
- 17 — ветки пишут и пишут кудряво
расходящиеся строчки бесконечного текста;
облако, как с доски, стирает их попытки
высказаться членораздельно;
- 18 — муж говорил: «Когда ты окунаешь кисточку в тушь
и задумываешься, лицо твоё ужасно»;
и возлюбленный мой туда же: «Приезжай, — говорит, —
весёлой», — печальную, видно, меня
никто и любить не станет;
- 19 — чтобы любить, человеку необходимо
особое оснащение души, этому не научишь;
вообще же эта работа не труднее
всякой другой, хотя и, возможно, не легче,
например, нахождения словосочетаний;

20 — всё на тебя похоже: вольный жест ветки;
ворох часовых пружин на ясеновой макушке;
то юношеский, то стариковский северный
скрип и войлок, смягчающий после согласной
лишний в окончании слова мягкий знак;

21 — так океан перетекает в океан,
не уследишь, какого где начало,
где их смешались воды или где
двоим отпущенное время оканчивается...

22 — всё имеет свойство одно: кончатся;
ничего не повторяется: ни миг, ни встреча;
свои дни научусь занимать то так, то эдак,
простые действия в задуманном порядке повторяя;

23 — расставшись с человеком — к словарю
бросаешься за помощью: проверить,
что может это значить расставанье,
и много-много лучше понимаешь потерпевших
прежде тебя собратьев по перу,
что сходные события описали;

24 — мы-то в живых остаёмся; остались, остались;
это Любовь покидает остывшее место,
про себя запомнившееся повторяя: «Ты всё моё».
— «Всё, даже с половиной», — как всё
непрочно, что нами любимо...

25 — так начинают меркнуть клетки того свеченья,
что сообщала радость жилкам под кожей,
словно натёртой крепко древним снадобьем,
звонкоголосые пузырьки сворачиваются в крови,
как в шампанском, когда оно выдыхается, умолкая;

26 — светлокудрый весёлый и яркоглазый
костенеет в ступоре истуканом;
вот что, видно, в мраморе вожделенном
остаётся от грека, с которым больше
глазами не встретишься;

27 — единственное, с чем не могла согласиться:
что с целью праведной нас наказывают,
убеждая к тому же, что это
делается для нашей пользы;

28 — разговор не идёт
ни внутри, ни снаружи,
ползёт на подножном корме; все слова
как будто в помешанном словоупотребленье,
означают другое, толкуют превратно;
ничего обо мне ему больше не интересно;
пойте теперь песни;

29 — стоишь на пустом берегу, взывая:
«Море, — просишь, — соедини нас, море», —
ветер гонит песок серпантинном по пляжу,
то ли сам он взлетает сухою стружкой;

30 — как-то зябко на целом свете, и город
в сумерках условен: бумажно-плоский;
и пока не нахлынет последней волною ночь,
просишь, чтобы собственная хотя бы твоя
любовь продолжалась;

31 — всё усложняется тем, что ты женщина,
вот именно, дедушка Фрейд; то ли
облегчается этим дело: тоже всё-таки
избранничество своего рода: кому рожать;
неполадки состоят в том, что умеешь делать,
чтобы с тобой было хорошо, а не чтобы:
хорошо в то же время было тебе;

32 — так небо упорно глядит, тяжёлый
снег посылая; так запряжённая в сани лайка
взглядом со всем, что в нём осталось
дикого, волчьего, провожает;

33 — слабость сумерек, покорность темноте;
разнобой квасцов небесных; успевает
сказать: «Туча рваная, но живая», зеленоватый
рисунок волокон дерева на подаренном тобою
блокноте, подошедшем к концу;

34 — во сне, просыпаясь рядом с тобой, боялась
посмотреть в глаза и опять не увидеть любви;
отгоняла гремевшую кованными сапогами,
ходившую по мне всю ночь строчку стихотворенья;

35 — под сухую овсянку снегопада, под
золотыми фндами осеннего банкомёта;
под голубым форзацем полуденного шёлка;
под шелест ассигнований канцелярских товаров;
хорошо умирать от избытка любви ко всему живому;

36 — год прожила, наблюдая с балкона шестнадцатого этажа
жизнь садиков на крышах, жизнь часов,
оправленных в эклектику фасадов,
безработных дымоходов, качанье сквера —
почти морской пейзаж; и как две белки в нём
и тут же рядом две крысы мирно сосуществовали;
и как по вечерам укладывался город на ночь
в коробки электрические вафель.

Нью-Йорк, 1989

*МоМА Дуомо, или Двенадцать предметов
из «Меланхолии» и «Разрушенный обелиск»*

19.11.04, воскресенье. Услышала по радио, что музей открывается сегодня и что вход бесплатный, но идти не хотелось. Всё это подаётся слишком уж с помпой, и мне ли не знать, как живут художники. Весь день моросит дождь, мы не предполагали увидеть толпу и очередь. Её длина приводит меня в ностальгическое состояние, помню открытия неофициалов. Очередь — это препятствие, которое возьмём. Под дождиком приятно, морозящий, мой самый любимый. Мой спутник жизни француз готов сдаваться. Рос в оккупированном Париже и не чувствует себя

в безопасности в толпе.

Я же хочу достояться, достичь цели, как мы научены, русско-еврейские иммигранты в вечном кризисе

идентификации.

Шепчу: «Милый, сейчас мир, сейчас мир», — и никто из нас не смеётся. «Смотри, — говорю ему, — разве не чудесно, что это не для элиты?» Мой советский голод по демократии возликовал. — «Для элиты открыли вчера», — отрезает. Мы встали в очередь, где нас приветствует девица в красной шапке, сказав, что стоять придётся минут сорок пять.

Я вынимаю записную книжку, начинаю писать. «Они брали тебя гулять во время войны?» — спрашиваю. «Нет... когда я стал старше...

насколько я помню... в конце войны стало хуже, опаснее на улицах».

Говорю, может быть, это причина, почему он не регистрирует происходящее вокруг него. Может, его зрение как в туннеле. Может быть, поэтому он работает с подземными субстанциями, угольными шахтами и космическими расстояниями. Стоит, скрестив руки, гражданин Наполеон, рассказывая мне, что французский президент приехал с визитом в Англию, его поместили в дворцовую комнату, когда-то названную

Ватерлоо, но к его приезду переименованную в комнату
Музыки.
Оба пост-имперские субъекты, мы ценим такие тонкости.

«Утром, — я записываю в дневнике, стоя в очереди, —
я звонила
в банк, чтобы перевести долги с меньшим процентом интереса.
Потом сходила в магазин Армии спасения напротив моего дома,
купила банку для клюквенного варенья, обещала сварить
к Дню благодарения у моего брата. Старая фарфоровая банка
с крышкой и двумя ручками, типа времени эклектики, лишняя
красивость. Тут пришёл мой партнёр, и мы стали готовить обед
и ужин в четыре руки. Придумала, что возьму с собой на службу
в понедельник. Всё это происходило под музыку радиопередачи.
Когда становилось совсем невозможно не танцевать,
мы танцевали».

Тем временем мы медленно двигались в очереди с толпой
от Пятой авеню к новому входу в МоМу и разворачивались
несколько раз обратно к Пятой авеню. Пространство
отгороженной дорожки становилось всё уже, вмещая только
двух человек, и очередь стала продвигаться быстрее. Говорю:
«Обожаю их, да, обожаю американский менеджмент».
Чувствую,
что принадлежу, и радуюсь, как будто недавно приехала.

«Было уже 4 часа, когда мы наконец поели. Он мыл посуду,
пока я одевалась. Утром этого дня он показывал верхний этаж
дуплекса, где живёт, будущей квартиросъемщице, женщине
из Орегона. Необходимость найти жильца расстраивает его,
я пытаюсь сочувствовать. Чувствую его печаль и мою
амбивалентность по отношению к ней. Я съехала оттуда
год назад, вышла из жизни художника его типа, географически
разъехались. Когда совсем готова, пытаюсь сделать из тесьмы
завязки для ручек банки, которую купила, но они
получаются короткими.

День убегал. Решила пойти в Карнеги-холл пострелять

билеты на Кремерату. Когда мы вышли из метро
на 53-ей улице,
увидели толпу около МоМы. Сейчас мы почти у финиша.

Он говорит, вчера читал в Нью-Йорк Таймс, что в музее
сделали прекрасные туалеты. Проверим, как только войдём,
мечтания такого сорта, что осуществляются. Говорю ему,
чтобы не печалился, что его работы не включены в выставку.
Мои тоже, но я не грущу, настроение в норме. Разные люди
в этой очереди: моложе, старше, туристы и мы. Как мы
прекрасно
одеты, просто суперски, если смотреть на рядом стоящего
безумного Бальзака, голого под своим халатом. Внутри музея
я думаю, что его новая архитектура выглядит римской,
но построенной в древнем Египте. Боюсь, что низкие
стеклянные
балконы помогут кому-то с задачей покончить с собой.
Мы обсуждаем отсутствие сидений и цену на какао семь
долларов. Смотрим основную коллекцию, знаем не всё, но
большую часть, и в этот момент ощущаем, что любим
нашу жизнь.

Автoperевод стихотворения, написанного на английском языке, из книги художника в соавторстве с Мишелем Жераром, автором рисунков, в которых каждый из двенадцати объектов «Меланхолии» Дюрера взаимодействует со скульптурой «Разрушенный обелиск» Барнетта Ньюмана, представленной на открытии. МоМА — музей современного искусства в Нью-Йорке.

События

History does not allow me to sleep at night.
David Woinarowitz

Три стихотворения в четвёртый приезд

1. Дворец Бобринских: 24 мая, 2015

Дудочки, лиры и горны,
маски, венки, танцовщицы с бубнами в туниках
немножко неловкие, как крепостные.
Реставрированный ампир, бисквит
на жёлтом фоне детской площадки с песочком,
праздник белых барашков и серого волка
вписывается в овалы. Они всё навралы.
Бежевый тёплый-телесный фон,
солнечный зайчик, рыжий мальчик
попался, который кусался, канонизировали.
Лужайка, беззаботность, и облака
трясут лепными кудряшками,
словно им всё понятно, словно они согласны
с бутафорией постфактум происходящего
ликования, чествования покойника,
он им не дал бы предать забвению себя живого.
Веночки на потолочке. Оттуда студентам
и академикам внимают блокадные пути.

2. Главный штаб: 26 мая, 2015

Я в кабинете Нессельроде
стою просительницей вроде
перед княгиней Палей,
и кто из них там был еврей,
кто немец или хан Гирей,
Бахчисарайский прохиндей,
тот театральный стал злодей.
И все художники-французы
приехали под сенью груза
муз и мольбертов к нам в снега

распространять свои заразы,
ловить сиятельные заказы,
портреты светские мадам,
жить на халяву тут и там.
Родные кафельные печки
мне отдают свои сердечки.
Паркета скрип. Приезжий гей,
как я, туристом без затей,
смотрю и думаю, ой-вей.

3.

Еду в троллейбусе номер 5
по Невскому до Галерной.
Девочка лет пяти на коленях у мамы,
длинноволосая, говорливая,
спрашивает, когда проезжаем Елисеевский:
«Мама, что в этом доме?» Мама читает вывеску:
«Театр». Девочка повторяет новое слово:
«Театр... что там делают?» Мама в затруднении,
вступает бабушка, обе простые, ужасно бедные.
Бабушка: «В театре представляют». Девочка:
«Как представляют?» Бабушка не сразу:
«Как по телевизору». Девочка: «Мы можем туда пойти?»
Бабушка в затруднении. Пассажиры напряжённо слушают.
Мама находится: «Вырастешь, тогда пойдём».
Девочка: «Это для больших?» Мама с облегчением:
«Для больших». Девочка вздыхает. Похоже, мама
с бабушкой никогда не бывали в театре. Еду
на конференцию «Проблемы изучения творчества
И. А. Бродского». Думаю о проблеме этой девочки.
Не знаю, водят ли теперь школьников в театр.

На выставке Йоко Оно: 20 июня, 2015

В Музее современного искусства вижу на полу маленький предмет, думаю, может быть, это часть инсталляции. Смотритель подходит ко мне, разглядывает предмет. Немолодой, высокий, плотный в комплектации афроамериканец с важным выражением лица, дружелюбно спрашивает, моя ли это ручка. — «Нет», — отвечаю, наконец очнувшись и уразумев, что это просто ручка, кто-то её потерял. Смотритель поднимает ручку с пола, мы оба её разглядываем — Sharpie Ultra Fine Point. Он спрашивает: «Хотите взять её себе?» Я отвечаю: «А вы?» — «Нет, — говорит, — у меня их много». Я беру эту ручку, чувствуя, может быть, это Йоко сама её потеряла.

Такая история мне нравится, но я бы не стала оглашать её публично. Если она действительно потеряла ручку, а я нашла, означает ли это, что она поручила мне задание написать этой ручкой что-то значительное или совершенно прикольное. Нет, это дурдом. Если бы я написала, что происходит в моей жизни каждый день, это могло бы стать вполне весёлой книжкой.

Автoperевод

Вчера: 30 июня, 2015

В магазине Армии спасения по диагонали от моего дома на Восьмой авеню я купила книгу Пабло Неруды «Антология». Принесла домой, положила на стопку книг для чтения, радуясь, наконец-то я его прочитаю. Шли недели, месяцы, менялась очерёдность в стопке книг, и неважно, какую нужно было прочесть срочно, Неруда оставался сверху, всегда готовый к революционным действиям

в Латинской Америке.

Наконец настал день, я собралась на дачу к друзьям в Катскильские горы, в автобусе открыла «Антологию» Неруды, толстую, в твёрдой сиренево-серой обложке, думала провести с ним все три часа. Книга оказалась

на испанском,

этого языка не знаю. Решила попробовать читать.

Строчки классических размеров модернизма, музыкальные, правильная строфика, потоки лирических фраз в рифму. К концу третьего часа, когда мы подъезжали, начала ощущать, что прочитала его книгу, его строчки, слова. Я читала Неруду.

Автoperевод

В библиотеке Моргана: 28 августа, 2015

Первопечатная индульгенция,
драгоценная, наконец-то я тебя вижу.
Выдана папой Иннокентием Восьмым
с его красной печатью и куплена 17-го июля 1489 года,
она гарантировала временное отпущение грехов
участникам Крестовых походов.
Купил Ричард Хоптон, декан Итон-колледжа.
Так завлекали призывников воевать
против Османской империи в Палестине.
Гравёр тиражирует, надо поправить финансы,
вот она, живая пропаганда войны. После Чосера,
после рыцарей Круглого стола короля Артура
и действительно до Гутенберга,
и папа совсем невинный Иннокентий.

В деревне Villarcoin около Лиможа

1. 25 сентября, 2015

Это прекрасное место, где совершенно нечего делать.

Поле, коровы, бараны, лошадка перед домом.

Можно себе разрешить не убирать, не стирать, не готовить, любуйся, глазей, гуляй, обожай.

Ничегонеделание было всегда моим любимым занятием, прохлаждаться, внимать — уповать — сочинять жизнь.

Теперь я разучилась жить без расписания,

всё время что-то делаю, хожу что-то смотреть, слушать,

говорю с кем-то, с кем-то встречаюсь,

смотрю на часы, занята получением стимулов

от окружающих, интерактивностью со средой

с понедельника по воскресенье и опять, как заведённая.

Включаю компьютер, просиживаю часами,

может быть, это новая форма ничегонеделания,

что-то дописываю, доделываю, додумываю,

планирую, чтобы успеть закончить.

А экран с небом за стенами дома, с травой, цветами,

ежевикой, шиповником, с лошадкой серо-белой,

со звёздами, не уставшими за день, с природой —

ничего хорошего они от меня не дождутся,

и всегда эта мысль, может быть, мне сюда переехать.

2. 1 октября, 2015

Звук падающих в траву каштанов.

Нашествие божьих коровок.

Стою под яблоней, постигая выражение
«яблоку негде упасть».

Почему-то вспоминаю свою свадьбу в Баку,
полгода после того, как вышла замуж,
соседка готовила плов с каштанами во дворе
в казане, на живом огне. Каштановые деревья
подарил Наполеон, проходя по этому региону
во время одного из его Итальянских походов,
был потрясён нищетой местных жителей,
доставили несколько тысяч саженцев с Корсики,
они прижились. Ассоциативное мышление.

Не была к нему готова на кушетке психоаналитика,
а теперь сколько угодно, провоцирует много вопросов,
некоторые из них по-прежнему оставляет без ответа.
Некого больше хоронить, кроме самих себя.

Без монтажа

В голове моей каша, зарубки винила,
винегрет цитат, контузия после взрыва,
замри в небе, мясорубка войны.
То ли опера Глюка, то ли Монтеверди,
Улисс возвращается в полосатой одежде зэка,
кто-то дом покидает навечно под конвоем,
как Данте. То ли Голенищев-Кутузов, его голенища
со шпорами, или Ремизов-Гоголь уменьшительно
так ласкает, лижет мокрой слюной с пузырями.
ОПОЯЗ меня опоясал пояском невинности,
опоясывающий лишай, то ли Тынянов
пишет письмо любви моей маме,
и она, ей шестнадцать, его не сохраняет.
Сплошняком кино телеграфной лентой.
Руль бросает, бежит по снегу, добегают до КВЖД,
граница с Китаем, он спасён! но решил возвратиться,
дома родители-старика. То ли это в Намибии
старого бегемота убивают немецкие колонисты,
садизм в научных целях. Издыхая, он тяжело дышит,
племя в ужасе, на экране рисует углем Кентридж.
То ли это генетики в драке с иммунологами,
то ли это банка брусничного варенья в супермаркете
недалеко от моста Александра Третьего,
где неожиданно больно, что мои отношения с матерью
не были лучше. И опять эти раны истории, Берлин,
архитектура, забинтованная Кристо и Жанной-Клод.
С Курёхиным, он как будто из «Белой гвардии»,
болтаем четыре часа подряд в комнате около зала,
где идёт фестиваль поэзии, потом ему выступать,
и никогда его больше не повстречать. Я пытаюсь понять
квадратный корень из минуса единицы,
что уже в XVII-м веке понимали, а я умру, не узнав решенья.

28 августа, 2016

По радио передали, что в Египте идёт снег.
Шла со службы вечером, в половине десятого,
видела женщину лет восьмидесяти или старше,
сидит на асфальте, вокруг неё инструменты,
с энтузиазмом чинит велосипед. Летом в Нью-Йорке
становишься другим биологическим видом,
рыбой в аквариуме хватаешь ртом воздух,
перенаселённый его микромир. Спасения от жары
не бывает, морозилка кондиционеров, все болеют.

Облака, как белые лайки, несутся вдоль неба,
там холоднее, натываются на небоскрёб,
видоизменяются гибко, как в мультике.
Думаю о лайках, ожидают меня в фейсбуке,
путается на языке, ищет новых средств выживания.
Тоска по свободе, то есть по времени
в траве-мураве, по отпуску, по дуновению ветра,
по тишине, сюрреализм заросшей мхом колыбели.
Слушала лекцию о драйве смерти у младенцев,
которым страшно родиться, это, наверно, у всех.

Солнечное затмение: 21 августа, 2017

...буквы управляют миром.

Б. Я. Бухштаб

Буквы иврита,
засохшие корешки, выдернутые из земли,
колючие, растёртые в порошок.
Я не знаток, я ничего не знаток.

Хворост, сушняк для костра,
стадо пало, рога, следы козьих копытец,
рыбки копятся вниз головой,
арамейские лапки птичек.
— Вода, вода! — напоить и напиться.

Сгорбленные фигурки,
пальцы, прожилки, узлы,
обрывки ниток, бахрома, мешки,
торбы на плечах, сучья торчат,
женщины с детьми на руках
пересекают пустыню,
память ходит за ними.

Продвигаются по долам,
переходят ручей, отражения, ветки, ноги,
искривление позвоночника,
возникает иврит или просто болит.

Ветер, клочья, рябь на поверхности,
буквы-цифры: сколько в стаде, сколько в народе
голов, сколько обид.

Конверт, письмо, в руках иврит,
трещинки — букв исхода,
приглашение репатриироваться,
удалиться, воссоединиться.

Очередь на почте, посылки с книгами,
народ книги, юноша передо мной пишет
беглым почерком, живые капилляры иврита,
гляжу замерев.

В детстве старик-сосед,
его молитвенник, свечи, хлеб, соль, чеснок,
ленинградская коммуналка-местечко, её акцент.
Алеф, Авраам, Аарон, Авель, Алек,
женщин в той письменности не замечали.

В окне, на экране,
в компьютере, в мобильнике знаки, символы,
закорючки, буквы иврита, буквы-брюквы-штуквы.

17 июля 2017

Кит не рыба, селёдка не зверь.
Поезд утром не опоздал.
Красный кружок на нём мелькал.
Мальчик листья сгребал,
грабли двигали его руки туда-сюда,
из поезда видится всякая ерунда.
«Нет, взрослые не учили меня словам», —
святой Августин писал.

* * *

Проза. Каша во рту. Не умею и не могу,
не хочу учиться ничему твоему.
Да и писала-писала я на своём веку
для Голоса, для Свободы, рецензии,
заявки на гранты, на выставки, не говоря — стихи,
короткие, средней величины и длинные,
но о чернильнице Чехова не просите.
Не забыть дневники и письма, целые километры их.
Однажды написала совершенно незнакомой женщине
в женской академической группе,
как меня изнасиловали, на плохом английском,
как будто ей это было интересно
или как будто её саму не изнасиловали.
Во второй половине жизни только и делала,
что писала истории психоболезней в медицинских картах,
но друзья-итээры десятилетие за десятилетием талдычат:
«Пиши прозу, — говорят, — стихи никто не читает».

2017

*10-я авеню: 20 июня 2017**Борису и Люсе Херсонским*

Где был собор и семинария с внутренним садом
в конце моей улицы, там росли глицинии,
я ходила туда читать, туда пускали,
там построили жилой кооператив и ресторан.
Где был садик, теперь кривобокий небоскрёб.
Где был ремонт автомобилей, теперь арт-галерея.
Где ничего не было, теперь стекляшка-музей.
Где была едальня в старом автобусе,
над ней сделали огромную фреску,
что-то вроде обалдевшей от фокусов жизни Мэри Поппинс.
Где был книжный магазин, по-прежнему книжный магазин.
Где была навесная железная дорога для товарняков,
теперь променад, садово-парковая аллея с фонтанами
и со скамейками-лежаками. Где были дешёвые
мотели-бордели с продажной любовью вдоль набережной,
теперь гостиницы-люкс. Где я жила, живёт кто-то другой.

Однажды: декабрь, 2017

Однажды происходит единожды и навек.

Художник-оборванец в саду на скамейке в Риге,
француз или бельгиец, не хочет говорить,
несколько желчный и явно голодный.

Для поддержания творчества аутсайдеров
покупаю его произведение, гофрированную картонку,
порванную руками, с каракулями, как примитив
с письменами. Не знаю, как это произведение приспособить,
для закладки картон из посылочной коробки толстоват,
книгу не заложить. Увожу в Нью-Йорк это вложение капитала
в размере двадцати долларов, скорее подаяние, чего стыжусь,
ставлю в книжный шкаф в кабинете на службе,
думаю, освободится минута, прочту, что там нашкрябано
корявым почерком, шариковой ручкой на двух языках,
и забываю об этом на годы. Вчера наводила порядок
в книжках, выбрасывала копии статей, больше не нужных,
и прочла, что написано на картонке на английском
и французском:

«Однажды я видел в поезде
Прекрасно выглядящую немолодую женщину,
Которая вместо закладки
Заложила книжку туалетной бумагой,
Не хочу знать, что она с ней до этого делала...»

Это всё. Что делается в голове у депрессивного человека,
обычно неинтересно, часто негативная

и экологически-отравляющая
для окружающих информация, но сублимация помогает
им выживать.

С чувством выполненного долга, что поддержала его
финансово
и что более у меня нет обязательств перед его произведением,
это не нужная мне собственность, выбросила картонку в мусор.

Видеоклипы

1-й

Жалкая я, и причастные обороты
покинули насовсем. Их съела ряска,
сжевала водная рябь по слогам,
снесло течением в рыбы ротики. Небо на вате.
Устных вопросов с голоса не пойму,
ставят к стенке, к доске в тоске.
Бранное поле, брань, Тамань, глухомань.
Крестьянский лоскут-надел,
дом-утюг, угол снимал, такой удел, и болел.
Снопы, букашки, буки, клобу́ки, головные уборы
без тел, мародёр-проходимец раздел.
Всходы-восходы-расходы, пустили в расход,
развод. Затвор калитки, наган, пробор,
чубчик-субчик, крынка из глины. Глинка.
Стрихнин. Свечной стеарин
течёт по странице с лошадкой и вестовым.
Шастают печенег по косогорам крутым,
по носорогам русских народных былин.
Равнины-куртины, косые богатыри,
бурка-урка-каурка, кирза-слеза, Багратион-аккордеон.
Заигранная пластинка сипит невнятно
имя женского рода из города Ним,
аноним непереводим. Процессы, процессии
с факелами, древки древних, запевалы,
демонстрация глухонемых. Всё смеша...
Умрёте — умом не поймёте.

2-й

Пора играть амплуа старух, новая карьера
перед зеркалом. Выбрать роль от Шекспира до Чехова
и современников. Беспокоиться, хлопотать,
как няня Джульетты. Обезумевать, стуча клюкой,

как мамаша-шестидесятница дяди Вани.
Как Ида Каминская, кино «Магазин на площади»,
как моя бабушка в конце жизни после погромов и войн.
Прятать от зрителей, как Марлен Дитрих, кожный покров
динозавра. Немножко грима, макияж морщин,
низкий старушечий голос, убрать сонорные,
вечно ворчливая интонация, одежда
двух поколений назад, возможно, курила.
Палка, зонтик, очки для близи уже ношу,
шарфик, седые волосы в кичке. Сыграть
постаревших красоток с их тёмным прошлым,
бывших кокеток-поэток, певичек романсов с гитарой,
с вуалькой и мушкой, всех, кем не была. Ханну Арендт
с её банальным злом привязанности к мужчине-нацисту,
Симону де Бовуар в будуаре с экзистенциалистами,
Веру Слоним за спиной супруга в тени мировой литературы.
Не показав страха, креативно, в полном присутствии духа
на театре, у рампы, перед камерой, на экране, вдохновенно,
с энергией, нежностью, в интимно-непосредственном
контакте с единственным зрителем. На вторых ролях
бессловесно исполняю в кресле психоаналитика
перформанс матери и бабушки для тех, у кого их не было
или нет. Или в той пьесе, где актриса-жена Жана-Луи Барро
говорит даме помоложе: «Милочка, немножко упражнений,
и вы ни в чём ему не уступите. В постели». Успех последует.

3-й

Двадцать лет снятия осады Сараева.
Мы б не узнали, забыли, пропустили,
хорошо, платим за французский канал.
В Греции в 94-м делали проект для Евро-центра
в Дельфах. По дороге из аэропорта прочитала
указатель «До Парнаса 3 км», старый драндулет-такси
затрясся от нашего смеха. Устроились,
попросили отвезти к Кастальскому источнику,
серпантин спуска, внизу огни Пелопоннеса.

Еле заметная струйка высохшего источника
течёт в разломанную цементную лохань,
Байрону некуда здесь нырять за правдой.
Надпись на трёх языках «Мыть машины запрещается».
Послали открытку Бродскому. Скульптурный парк,
нашли три высохших дерева, пересадили их вместе,
обернули стволы и ветки оловянными бинтами,
как группу раненых. В корнях спрятали фотовспышку.
Проходит публика. Дерево-Пифия дышит,
вздыхает, стенает: «Сараево, Сараево, Сараево...» —
оттуда так близко.

4-й

Едем в поезде с Венецианского биеннале
в Равенну. В окне вагона дорога сквозь горы
крупным планом. Я одержима
маниакальными идеями, во-первых, середины жизни,
во-вторых, нахождением сумрачного леса,
где заблудился Данте. Спрашивала итальянцев,
знатоков Комедии, никто не знает, существует ли этот лес
в природе. Это девяностые, прошлый век, до фейсбука.
Мчимся в такси с вокзала по берегу Адриатики,
виражи, повороты. Настраиваюсь на, как он советовал,
«оставь надежду». Подъезжаем. Справа возникает
рощица пиний, вот они, остатки его леса!
наискосок от нашей гостиницы. Сняли по дешёвке
через дорогу от пляжа. Давно ведь могли срубить
строители туристского рая, сберегли, говорят,
самовоспроизводится. Вошли в этот лес,
стоим неподвижно, «замри-отомри».
Сбылась мечта поэта. Купили открытки.
Всё ещё потрясённые, пошли купаться, зашли в воду,
виден другой берег. Соображаем, там война.
Долго всматриваемся, не разглядеть.
Не до пляжа, выходим из воды и уходим.

5-й

Ты давно не была в «Старбаксе»,
ты вообще давно не гуляла в городе или по городу.
Уже не знаешь, как правильно, позор,
и непонятно, кто эта «ты», «она», «я».
Смотришь на лохматиков в очереди,
их польтики в клетку, шарфики, джинсы
потёрто-поношены с прорехами, кеды, сникерсы,
ботинки, голливудские каблукы, рюкзаки в цветочек,
в горошек, в полоску, их личики из японских мультиков,
уткнутые в телефончики. Макияж вампирский,
у каждого имидж манекена-модели,
рекламы журналов, редимэйды готовые,
можно их ставить в витрины.
И тут ты со своей незавидной жизнью
служишь богу и маммоне, отдаёшь долги.
Безотцовщина в патриархальном обществе,
знаем, чем чревато, читали, проходили.
И драйв смерти у нежеланных детей, а кто,
спрашивается, был желанный до контрацептивной
таблетки, покажите мне такого. И фраза в ушах:
«Вы не тусуетесь». Перепутала время
визита к врачу, вышла из его кабинета,
оказалась во временно-беззаботном зазеркалье.
Открыла журналчик, углубилась, прочла,
кто по чью сторону развоевался, полстраницы
стишка на английском. Тут, как в «Мойдодыре»,
на сцену въезжает инвалид в коляске с флажками,
просит освободить место, ты на нём сидишь,
не заметив знака, это для него, не для тебя.
Уходишь в скверик напротив, называется Юнион,
вспоминаешь страну с таким названием,
там уже поздняя осень, тут спохватываешься,
забыла свой кофе в кафе на столике.

6-й

Ирине Сандомирской

Не стесняйся. Я знаю о бедности всё
и о тулупчиках заячьих. Уповаю,
чтобы чашу цветаевскую пронесло.
Кто их знает, как повернётся добро и зло,
кто на чьей стороне окажется или себя найдёт,
проснувшись ночью от грохота или под утро,
и обнаружит, что он/она в другой стране
в результате переворота, войны, потопа,
потепления-оледенения глобальных мозгов.
Идёт по вагону слепой с собакой-поводырём,
медленно чисто поёт непоставленным голосом
арию из «Дон Жуана». А мы, грех жаловаться,
на своих двоих, подсчитываем калории,
читаем умные тексты на этикетках об ингредиентах
вместо того, чтобы вопить публично, как Пригов,
дотя войны, орать на площади в жёлтой робе: а вы, а вы,
вы любите смотреть, как умирают дети? Что вы, дяденьки
в телике, собираетесь делать с детьми, бомбить?
Так сейчас и живём, похоже, развязываем со всех сторон,
и те, кто об этом знают, как перед любой войной,
молчат и не могут ровно ничего, и кто эти «те»,
кто знают, кто эти «мы», «она», «оно»? И я со всеми
безмолвствую, полуграмотный русский интеллигент,
падший в кухонных сраженьях еврейского гвалта.
Куда подевался слепой с кружкой, почему замолчал-то?

7-й

Памяти Светланы Вайль

Простая девочка, совсем простая,
а как я по ней скучаю,
что говорила мне, умирая,
про сына: «Квартиру ему оставляю
в Риге. Смотри, моя собачка знает,
что будет и что меня не будет,

как в „Мастере“ кот Бегемот». Её любимая книга, единственная хорошая, которую прочитала, а так всё больше новые женские детективы, пыталась осилить «Имя Розы», но не пошло. «Вот лежу, — говорит, — как раньше в санатории для детей-сердечников, не разрешали вставать, доктор поставил диагноз — порок сердца, а его не было». Думаю о пороках, добродетелях, о её истории, мать из семьи староверов, пьяный отец её гоняет, семья советского офицера без веры. Еврейский доктор, ясно, профессор из старой Риги: «Она здорова, отдайте в школу гимнастики». «Знаешь, такая радость бегать, прыгать, носиться по улице, помнишь, тогда на улицах не было машин. Сейчас не до бега, а это помню». И про счастливый свой брак: «Когда депрессуха и утром не встать, зову „Алик, Алик!“ — и он приходит».

8-й

Думаешь купить еды на двадцатку,
покупаешь на сороковник.
Супруг комментирует философски:
«Всё течёт, деньги жидкость».
Думаешь, будет дождь, уже осень.
Теплынь на улице, солнце жжётся, в меду листья.
Мама ждёт на кладбище,
видно, что-то хочет мне сказать поважнее,
чем «Не пей газированную воду
в автоматах на улице из их стаканов».
Ехать одной далеко, хочешь с сыном.
Становишься как натянутая струна
и бренчишь на себе, на самой, по очереди.

9-й

В мае мы ездили в Гавр
по музейному делу.
Кто-то из наших писал о Гавре,
Бунин, Куприн? Цветаева
из Гавра возвращалась. Матросы
парлают по-всякому, балакают,
польский, греческий, итальянский.
Война с ними с каждым справилась,
не разбирая страны.
Блиндажная архитектура
послевоенных построек
для наскоро новорождённых
и такой же новый собор.
Восстанавливают
трамвайные линии,
после войны разобранные.
Улицу не перейти,
непроходимый урбанизм.
В некоторых городах
Франции что-то погибло,
как будто Холокост
только что закончился,
в Бордо, в Ангулеме, в Париже.
Исчезнувшие с лица
пытаются рассказывать
непредставимые ужасы о человечестве,
но их никто не слушает.

10-й

Передача по радио.
Передача в тюрьму.
Зубчатая и автоматическая передача.
Передача челобитной царю.
Передача старых слов
в карманы новых молитв,

в небесное сито, где шито-крыто.
Передача новостей, информации,
дезинформации, диффамации,
службы погоды в органы царя небесного,
там пленгуют и, глядишь, арестуют.
Здравствуй, племя молодое
цензурного аппарата,
ты выросло, пока я отсутствовала.
Брошенные дети, их не вылечить
глубоким сочувствием к их проблемам.
Передача педагогического опыта
из роддома в детсад, в школу, университет,
больницу, богадельню, крематорий.
Битый небитого недобитого свезёт.
Передача части рая, рая для бедных,
в агентство по продаже недвижимости,
восьмой карой карая. У меня была тётя Рая.
Передача государственного имущества
в частное владение и обратно
в государственное имущество, и опять обратно.
Передача смысла жестом. Передача
хлеба-масла за ужином. Передача хлеба-соли
вернувшимся, пересёкшим границу,
ступившим на родную землю, её целующим
перед отправкой в Гулаг, это белоэмигрант.
Передача эстафеты из рук в руки,
из уст в уста убитого ума предков,
их заветы, их сливочные тянучки-конфеты.
Передача традиций, обрядов,
песнопений, цитат, рецептов кухни,
инструментов правления и починки обуви.
Обнимаю весну, принимаю
и приветствую звоном Тельца
золотого. Передача докладной с печатью
«Совершенно секретно» в архив и в мусор.
Только не перевоспитывайте меня.

11-й

30 сентября, 2016. Вернулась с конференции к столетию термина «остранение» Шкловского. Переводят как *estrangement*, т. е. отстранение, как будто это его опечатка или он опустил это «т» случайно, ненамеренно. Думаю о приставке «о» в русском языке. Обеднение, окормление, одевание, онемечивание, оголение, обрительность, округлость. Приставка приобретения новой функции или качества. Желание Шкловского участвовать в надвигающихся событиях, войнах, бойнях, революциях, эмиграциях могло быть в конфликте с желанием отстраниться от всего этого ужаса, в том числе от новояза. Думаю, что это не от «отстранения», а от «страна», о-странение, приобретение места, территории, географии, нахождение её, создание себе страны, чтобы жить и не метаться, ностальгия по утерянному миру. Не просто же так он объяснял остранение на классических примерах Толстого и Пушкина, но и Хлебникова. Бессознательное такое в славистике.

12-й

Мука предо мною. Один в мукоке
стою на вершине с мешком на плече,
полпуда муки донесу до печи,
где Муромец спит крепким сном в тридцать три,
пока не проснулся. Я помню муку,
я, может быть, даже мукой дорожу,
как галстуком красным, но белой мукой,
я даже согласна на крупный помол.
Мука-моя-му́ка, по локоть в муке,
как мама со скалкой, скачу на коне,
как ведьма, как всадник в тумане с дитём,
как в звёздной муке, как в мучном облаке,
и посох походный зажала в руке,
чтоб соли исторг с рафинадом Мойсей,

две палки дрожжей для глобальных людей.
Я самый нежадный, я чистый еврей,
я хлеб замесила, и я испеку
не тело Господне, но просто к столу
такой каравай, вот такой каравай.
На выборы все! кого хочешь выбирай.

13-й

Закат кроваво-красный,
как будто кого-то убили
в Илиаде, в Иудее или в Украине.
Молись, если можешь, траве, птице и рыбе,
воде, козе, барану, корове, чтобы выжили
и кормили-поили в убежищах, в укрытиях,
в приютах, в госпиталях, в горах, в пустыне, везде.
Повтор. Остановка. Повтор. Автоматная очередь
тра-та-та-та. Небо становится цвета пакли,
взрыв, дым, чернота. Выключи телевизор.
Радио вещает, обсуждает науку, чем отличается
человек от животного зверя,
оказывается, а то мы не знали, ничем.
Крысы громко хохочут,
когда их щекочут,
но мы не слышим.

14-й

Каждый день
длинный список дел,
всё не переделаешь,
оставь на потом,
на суп с котом.
Завела бы кота
и говорила б тогда.
Дела твои кот
мурлыками не спасёт
от пустот, красот,

голосовых высот.
Кот ленится, спит,
нерабочий народ,
нет для кота льгот.
Отец, сын и святой кот
тройное мяу орёт,
только корми, всё сожрёт
и загадит приход.
Жизнь с котом или без кота
не навсегда.
Кисик-кис, Обормот его бы звала
и поменьше б врала
о коте, которого нет нигде.

15-й

Человек по крыше ходит,
капюшон на голове,
телефон в руке.
Я его вижу, а он меня нет,
может быть, у него тоже
перерыв на обед.
Сажусь в автобус
и больше его не увижу.

16-й

Г. А. Левинтону

Я помню новое слово «кино».
Мне было пять, это давно.
В конце нашей улицы на углу
кинотеатр «Луч».
Немножко страшно,
потому что темно
и неудобно с братом вдвоём
на деревянном сиденье откидном.
Для меня бесплатно, с собой берёт.
Встаю. В просвет между головами

смотрю на экран, там «Тарзан»
или «Багдадский вор».
Тарзан прыгает,
качается на лианах, плывёт,
Багдадский вор поёт.
Тогда говорили не «туалет»,
а «уборная», вставочка вместо ручки
и не фотография, а карточка.
Но теперь это всё равно.

2017

Хаим Сутин: 26 мая, 2018

Суть туши, мясная лавка
внутри меня, вегетерианки.
Побег из страшного дома,
тушки куриц кошерных в перьях жар-птицы.
Звучит тушь, в краске, кровь капает, льётся,
скоропортящиеся продукты.
Картинки домашнего быта
называют в аннотациях натюрмортом.
Для голодного крюк приманка,
не поесть, так порисоваться,
написать на холсте про сытость
пятью чувствами, все они обоняние.
Запах льняного масла, кисть в скипидаре.
После Рембрандта за эмигрантом
ночной дозор, затемнение военного времени,
связка сухожилий, мясо бифштексов,
кисло-сладкое жаркое на тёмном фоне,
в будущем не до котлет.
В прошлом местечковые люди,
их еврейская европейская элегантность,
чувство успеха при взгляде на собственный гардероб,
щеголяя смотрится в зеркало лакированных штиблет,
пальто и шляпа, велюровые дорогие,
они помогут остаться незамеченным, скрыться.
В этой одежде и умирает, добравшись до еды,
потом до больницы, от заворота кишок.

Фотомонтаж: апрель, 2018

Всё превращается в кино,
когда спускаешься в метро,
повтор, ступенька, турникет,
прыжок, летишь на эскалатор,
и механически заплакал
наш физкультурник Мейерхольд.

Зачем-зачем его убили,
такой партийный и живой,
и не чуждался Яровой
Любови, все его любили
из старых кадров и в Евро-
пе, где ещё дают по попе,

дисциплинируют детей.
Мне видно в щёлочку дверей,
как красной кровью с цветом плазмы
сочится русский авангард,
полоски, прорези, спирали
членовредительствует так.

Большое поле чернозёма,
могилки братские райкома
в квадратах, Скрыпкиных присыпки
и самолётиков парад
взлетает по диагонали,
висят, как стирка вверх трусами.

Сто лет без классов-Барабасов.
За Циолковского плакат
скользит на небе Луначарском,
сигают в парашютах вниз
энтузиасты, всё для них,
обещан социальный сдвиг.

Элегическое

Они любили нас, мужчины,
они любили нас и днём,
любили очень, любовались,
вот локончик, вот локоточек,
они любили нас и ночью,
так горячо, ну, то есть, страстно,
горели ясно, пока не погасло,
пока мы не забеременели,
и хуже, мы уже рожали, и эти дети нас сосали.
Они любили нас, но это, позвольте, милая,
кто ночью встаёт к ребёнку, не до ласки,
до нежностей не доходило, они любили нас,
мужчины-поэты, даже музыканты, художники,
они любили-разлюбили, они бросали-уезжали.
Они любили нас, пока мы
пугливы были, молчаливы,
скромны, без голоса, в постели
ну разве может быть смелели.
Опять рифмуется! Пока мы
не то что мненья не имели, но не умели обсуждать,

пока мы прятались за спины
широкие и плечи, может быть, поуже
мужчин своих, ведь заповедано, не надо
ходить широкими воротами,
пока зависели от взгляда мужского
и пока желаний не смели высказать и нужд,
на слух они им непонятны, а мы такие истерички
и слишком многого хотели, а также дулись постоянно,
не говоря о менструальном,
не говоря об интересах, стремлениях-целях,
такие разные они у нас с мужчинами.
Они любили нас, а мы организовывали жизнь.
Тут сразу вспомнишь декабристок,
их школы и библиотеки, больницы строили в Сибири,
а рядом каторга с цепями. Они любили нас,
мужчины, когда нас не было на свете,
пока мы не заговорили,
но мы зачем-то появились на этой цирковой арене,
где конкуренция со львами,
молчанье нас не защитило.

* * *

Когда я думаю о Гулаге
и как они придумали его массовую драматургию
с показательными судами,
со свидетелями обвинения,
письменными признаниями,
всё понарошку, вроде садистского театра,
ведь знали, что неправда, с допросами, обвинениями,
избиениями, пытками, расстрелами,
не давали спать, пить, есть, в переполненных камерах,
в холодной воде по колено, во льду, в тайге с жалящей мошкой,
я бы точно умерла сразу, как английский шпион,
как японский диверсант, как еврей-отравитель.
Представляю, как они вставали по ночам,
ведь неохота, холодно и с бодуна болит голова,
сотни тысяч мужчин вставали по всей стране,
чувствуя ужас её величия, и, наскоро попив чаю с рассолом,
ехали будить дворников, арестовывать, избивать,
руки пахли кровью даже десять лет спустя, не отмыться,
не заодеколонить, и никакое пойло внутри не поможет,
рылись в чужих вещах, в ящиках письменного стола,
в детских кроватках. Притворялись, как будто это правда,
параноя отца, одного человека, распространилась
в коллективном психозе. Остальное народонаселение

сушило сухари, зная, они придут. Как в спектакле, абсурд практичен-рационален, за светлое будущее наших детей давайте убьём их родителей, они негативные объекты, наукой доказано, а мы не знали, и массовое ура! Явная польза для детского развития, юные пионеры, настоящие революционеры, это бесспорный факт, ясно кулак, раз есть корова и лошадь, раз есть армия, кавалерия, полиция, школа, система, спортсмены, поэты, демонстрации против войны и за. Скандируют лозунги, главное — величие замысла, и народ орёт, чтоб не слышать вопросов внутри, ура... Годами возили в товарняках и как здорово придумали не останавливаться в городах, прекрасно налаженный транспорт, индустрия без перебоев, пересылки, тюрьмы, лагеря, бесплатный труд, и не надо печей для умерщвления, сами умрут от голода-холода-болезней, могила их исправит, перевоспитает. Его арестовали ночью, она не могла сдвинуться с места и начать убирать, так и сидела, ждала, что за ней придут. Шаги по лестнице, он вернулся, отпустили, такое редко, но случилось, открыл дверь в комнату, она висит на люстре, повесилась, думала, пришли за ней, бабушка моих друзей. Это когда я думаю о Гулаге.

Сегодня: 26 мая, 2018

Я хочу написать роман о Первой мировой, война трёх двоюродных братьев, раньше её называли Великой, на первый взгляд семейная склока, в Швеции их общий дед. Непонятен энтузиазм, патриотизм, героизм, скорее понятна агитация против и ещё больше разочарование Фрейда в Боге и в человечестве, применившем отравляющий газ. Написать роман о дедушке, не совсем чужом, своих не знала. Призван в армию в восемнадцать, повоевать не успел, попал в плен, поставлен принимать провиант у местного населения. Вспоминал как лучший период жизни дни, когда взвешивал клубнику. Крестьяне приносили ему отдельно маленькую корзинку, чтобы взвешивал точно, был сыт и помнил, что немцы терпимы к евреям. Перед войной его отец уехал во Франкфурт-на-Майне оперировать рак горла, обнаружили поздно, не вернулся, там похоронен. Потом революция. Хаос. Добрался в теплушках до дома, узнал, что невесту выдали за другого. Долго горевал, но еврей должен быть женатым, женился в Витебск. Там арестован по доносу, отсидел полгода, сумел доказать свою невиновность, вышел, снял шапку вместе с волосами, молодой и лысый. Жена Рива беременна вторым ребенком, переехали в Питер. Родилась девочка Лора, её столкнула с кровати трёхлетняя старшая сестра, она умерла от ушибов. Детей нельзя оставлять одних... Ко второй войне ему к пятидесяти, пошёл добровольцем, записался первым: «Не мог я агитировать людей идти на смерть, если сам не иду». Выжил, вернулся. В Венгрии зашёл в синагогу послушать службу, раввин молился на мотив «Кармен». Смеялся, что так вернулся мир. Был замдиректора фабрики деревообработки, евреев редко делали директорами, до большевиков это их семейное дело. Всё экспроприировали, мельницу, лесопилку, дом. Рабочие заступились, уважали семью за справедливость, оставили на свободе.

Дед родился одиннадцатым мальчиком в семье, его отец надеялся на девочку, хотел назвать её именем покойной матери, пошли к раввину, тот не возражал. Назвали в честь бабушки женским именем Цфанья. Восхищался умением народа найти выход из трудного положения, дома звали Цфаник, на службе Степан Львович. Всю жизнь носил фотографию той невесты в кармане, в портмоне, показал мне её по секрету, возвращая книгу, отдала ему почитать на ночь в обложке без названия, открываешь, там «Доктор Живаго». КГБ печатало такие артефакты для внутреннего пользования. Прочёл за ночь, сказал: «Всё, что там написано, правда». Наутро с ним случился удар, баба Рива его выходила, с тех пор хромотал, ходил с палкой. Я тогда беременна, мы жили с дедами в одном доме на Лесном, в квартире дворничихи под ними. Дворничиха вышла на пенсию, жила у дочки, нелегально сдавала. Тогда мы виделись часто. Прожил ещё десять лет, похоронив жену. Пришёл к нам поздравить правнука с первым сентября, мальчик пошёл учиться, у евреев это праздник. Был давно на пенсии, летом жил в Усть-Нарве, собирал грибы, зимой в Царском Селе. Перед отъездом сказал: «Америка — это большая и богатая страна, поезжайте туда». После погромов в начале века один из его десяти братьев уехал в Палестину, пытался возделывать каменистую почву с киркой в жару, вернулся, опять уехал, теперь в Аргентину, открыл аптеку в Буэнос-Айресе, после войны прислал фотографию своей семьи. Храню её, это побочная линия будущего романа, поиск семьи в Аргентине. Мы любили повторять в тяжёлые моменты: «Америка — это большая и богатая страна». Ещё я помню в их квартире на стене два бюста чёрных арапчонков в белых тюрбанах из терракоты с эмалью на деревянных подставках, были в моде до Первой мировой, приобрёл их во времена НЭПа. Возможно, это и есть еврейский космополитизм. Умер в тот год, когда мы уехали.

17 августа, 2017

Мымра бескрылая
пёрышками тормозит,
в брёющем бреет листики,
полёт вниз ноябрьских нот,
как не может ещё самолёт,
ему нужен разбег.
Хвост увязает в набрякшей траве,
что ей клевать без запасов к зиме?
Спроси ещё, почему самолёт летает.

* * *

Арка, Главный штаб.
Яков Бухштаб
из недоедавших тихонь и задир,
буквы терроризируют мир.
Я патриот чистых квартир.
Воздух, вода, хлеб и кефир,
турист взбирается на Памир.
Не создавай себе, не создаю. Кумир,
факир, вампир, законы, их Талмуд.
Ты культивируй зелёный лук
на подоконнике, зови подруг
текстом из букв, чтобы шли на пир,
зелень спасёт от всяких недуг-
ов, а мир не спасёшь, в таком и умрёшь.

2017

11 сентября, 2018

Виталию Комару

На маленьком огне старинный медный чайник,
из райских яблочек варенье на столе,
антисоветские рембрандты и сезанны,
лиловый негр Вертинского в кинe.

Родимчики могилок в Приуралье,
бессонный снег идёт в окно с холста,
прожилки глобуса с надутыми щеками
и джинсы цвета океана и врага.

Рождения, потери, Пиренеи,
военные походы, лагеря,
все десять пальцев на ходулях,

нагота

немецких кукол целлулоидных с их паклей
фрустраций сексуальных в городах
восточно-европейских, на линейке
по росту пионеры-буржуа
честь отдают покойнику из гипса.
Устав бесправный и гражданские права.

* * *

КАПИТАЛИСТЫ БОЯТСЯ КОММУНИСТОВ.
КОММУНИСТЫ БОЯТСЯ ИМПЕРИАЛИСТОВ.
КОЛОНИАЛИСТЫ БОЯТСЯ КОММУНИСТОВ
И МЕСТНЫХ ПЛЕМЁН.
ВОЕННЫЕ БОЯТСЯ ВОЕННЫХ И ГРАЖДАНСКИХ.
ГРАЖДАНСКИЕ БОЯТСЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ,
ИММИГРАНТОВ И ПОЛИТИКОВ.
ПОЛИЦЕЙСКИЕ БОЯТСЯ ГРАЖДАНСКИХ
И СТУДЕНТОВ, И МЕСТНЫХ ЭМИГРАНТОВ.
СОЦИАЛИСТЫ БОЯТСЯ РАБОЧИХ,
ГРАЖДАНСКИХ, ВОЕННЫХ И КОНСЕРВАТОРОВ.
ОФИЦИОЗ БОИТСЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ,
ПОЛИТИКОВ И ОФИЦИОЗА.
ПЛЕМЕНА БОЯТСЯ ПРОГРЕССИСТОВ.
ПРОГРЕССИСТЫ БОЯТСЯ ФУНДАМЕНТАЛИСТОВ.
СОЦИАЛИСТЫ БОЯТСЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ,
РАДИКАЛОВ И КОММУНИСТОВ.
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ БОЯТСЯ ОФИЦИОЗА,
ПОЛИЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВ.
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ТОЖЕ БОЯТСЯ ВОЕННЫХ,
И ВСЕ ОНИ, ВСЕ ОНИ БОЯТСЯ ЖЕНЩИН,
ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ, ВСЕХ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ.
ВОЕННЫЕ БОЯТСЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ,
ОСОБЕННО ФИЛОСОФОВ.
ИМПЕРИАЛИСТЫ БОЯТСЯ КОММУНИСТОВ,
СОЦИАЛИСТОВ, ОФИЦИОЗА, ФУНДАМЕНТАЛИСТОВ,
МЕСТНЫХ ЭМИГРАНТОВ И ФИЛОСОФОВ.

Авторперевод

Содержание

Елена Фанайлова. Радио Вавилон	5
Набор слов	10

ВСЯКОЙ ТВАРИ...

«Много страхов съёжилось в моём теле...»	19
«Я хочу своё детское тело, как Гумберт хотел Лолиту...»	20
Маленькие трагедии	21
Uncle Vania	24
«L'enfance de l'art commence avec l'enfance...»	26
Перевод с польского: Чеслав Милош, Приготовление.	27
Рассказ Мишеля: 12 декабря, 2007	28
«В Америке принято спрашивать: „Вы какой поэт?“»	29
Четырнадцать строк	30
Мириам	31
«Я смотрю в зеркало и знаю, сколько мне лет...»	32
Выборы: 2009	33
«Меланхолия» Дюрера, 1514	34
Замок Chaumont: 20 октября, 2011	35
«Вот одно стихотворение...»	36
«Октябрь. Уж золотые гуси висят на ветках...»	37
Конференция	38
Памяти Д. А. Пригова: 26 ноября, 2010	39
Пять селфи	40
Памяти Олега Вулфа: 19 ноября, 2011	42
«В поезде напротив меня...»	43
Памяти Евгения Львовича Мороза	44
Батальные сцены: 2 ноября 2012	45
Новая мастерская: 3 сентября, 2013	46
«Мои стихи такие-то и такие...»	48
Судный день (Yom Kippur): 13 сентября, 2013	49
«Мой дед похоронен в Джанкое...»	50

ИЗ ОТСТУПИВШЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Перерыв	53
Отрывок из неопубликованной книги	55
Документальное	56
«Скелетик дерева растёт внутри листа...»	59
Девять речитативов для женского голоса	60
Краков: лето 1997	69
Тавтология	70
Согласование времён	72
«Если выключить музыку...»	74
16 апреля, 1998	75
Памяти Галины Старовойтовой	77
Лукреция	79
Апрель 1999	81
Четыре стихотворения на женские темы	82
Сонет: 18 июня 1999	84
Панихидное	85
26 ноября 1999	88
21 декабря 1999	90
«Называй это твердью...»	91
«Кто-то умер недавно, кого я любила когда-то...»	92

ПЕСНИ И ПЕРФОРМАНСЫ

Частушка	95
Песня памяти Лёши Хвостенко	96
«Я поеду в Нью-Йоркском сабвее...»	97
Песня об этносе	98
Песня о показе мод: 9 февраля, 2002	99
Ленинградская школа	100
Песня безотцовщины: 20 сентября 2002	101
Плачи мартовских кошек	102
Песня о международном дне 8-ого марта	104
Песня 31 декабря, 2007	105
Песня о полезных вещах: 3 апреля, 2008	106
Песня об украинском барокко: 3 апреля, 2008	107
Песня с рефреном: май 2008	108
Песня дня рождения: 24 мая 2008	109

КАНТАТЫ И ТРАКТАТЫ

Поэма: любовная лирика	113
Рембо	119
Произведение на тему: <i>Т. С. Элиот. Потерянная земля</i>	122
Категория лифчика	125
Обзор рецензий на книги о браке Льва Николаевича и Софьи Андреевны	132
Комиксы на этнические темы	149
Две инсталляции	166
Надписи под калифорнийскими фотографиями	171
МоМА Дуомо, или Двенадцать предметов из «Меланхолии» и «Разрушенный обелиск»	177

СОБЫТИЯ

Три стихотворения в четвёртый приезд	183
На выставке Иоко Оно: 20 июня, 2015	185
Вчера: 30 июня, 2015	186
В библиотеке Моргана: 28 августа, 2015	187
В деревне Villargoин около Лиможа	188
Без монтажа	190
28 августа, 2016	191
Солнечное затмение: 21 августа, 2017	192
17 июля 2017	194
«Проза. Каша во рту. Не умею и не могу...»	195
10-я авеню: 20 июня 2017	196
Однажды: декабрь, 2017	197
Видеоклипы	198
Хаим Сутин: 26 мая, 2018	210
Фотомонтаж: апрель, 2018	211
Элегическое	212
«Когда я думаю о Гулаге...»	214
Сегодня: 26 мая, 2018	216
17 августа, 2017	218
«Арка, Главный штаб...»	219
11 сентября, 2018	220

КАПИТАЛИСТЫ БОЯТСЯ КОММУНИСТОВ	221
--	-----

Марина Тёмкина

НЕНАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ

Дизайнер обложки *Е. Поликашин*
Редактор *Д. Кузьмин*
Корректор *Е. Иванова*
Верстка *Д. Макаровский*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО Редакция журнала
«Новое литературное обозрение»

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
Тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: www.nlobooks.ru

Формат 84 × 108^{1/2}
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 7. Тираж 300. Заказ №
Отпечатано в АО «ИПК „Чувашия“»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13